

ПАМЯТИ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО
ДИМИТРІЯ.

Одесскаго Городскаго Раввина
Доктора С. Л. Швабахера.

2-е изданіе.

Переводъ съ нѣмецкаго.

*Доходъ съ этого изданія назначается въ пользу Одесскаго
отдѣленія Общества Распространенія Просвѣщенія между
евреями въ Россіи.*

СТРОГАНОВ

299-а

О Д Е С С А .

Исаковича, уг. Дериб. и Гаван. ул., соб. домъ № 10.

1887.

*In: Dankbarkeit dem Grafen v. Stroganoff als Zeichen
der Hochachtung*

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Доктора Симона-Леона Швабажера

Одесского Городского Заввина.

(СЪ ПЬЕМЦКАГО).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

— — —

МАЛХИ-СЕДЕКЪ

Царь Салемскій.

— — —

СТРОГАНОВ

299-a

ПАМЯТИ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ДИМИТРІЯ.

Одесскаго Городскаго Раввина
Доктора С. Л. Швабахера.

I,
С Л О В О,

произнесенное въ Главной Синагогѣ 23-го Ноября 1883 года.

„Память праведника благословенна“.
(Притчи Соломона 10—7).

Motto: Monumentum aere perennius —
non omnis moriar. Horat. Od. XXX.
1—6.

2-е изданіе.

*Доходъ съ этого изданія назначается въ пользу Одесскаго
отдѣленія Общества Распространенія Просвѣщенія между
евреями въ Россіи.*

Доходъ съ перваго изданія этой брошюры былъ назначенъ на основаніе
стипендіи имени почившаго Архипастыря въ Одесскомъ Еврейскомъ Си-
ротскомъ Домѣ.

О Д Е С С А.

„Русск. тип.“ Исаковича, уг. Дериб. и Гаван. ул., соб. домъ № 10.
1887.

Дозволено цензурою.—Одесса, 12-го Декабря 1887 года.

Сирот
299.а.

Къ читателямъ.

Слѣдующія ниже строки, уважаемый читатель, предлагаются вамъ въ память той горестной и вмѣстѣ торжественной минуты, которую мы посвятили усопшему «человѣку» въ лучшемъ значеніи этого понятія. Горе наше улеглось, но торжественность осталась во всей силѣ и, при помощи этихъ строкъ, пусть останется и въ будущемъ. Случается же, что мы сохраняемъ на память и листки вѣнковъ, покрывающихъ гробъ дорогаго намъ лица, а это вѣдь только нѣмые листья, между тѣмъ какъ эти строки могутъ, посредствомъ живаго слова, возобновлять воспоминанія во всей ихъ торжественности и со всею ихъ возвышающею силою: изъ царства смерти произрастаетъ высшая жизнь, изъ разрушенія—возрожденіе. Потому я надѣюсь, что вы встрѣтите эти строки съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ онѣ вамъ преподносятся. Между тѣмъ я принужденъ просить у читателя о нѣкоторомъ снисхожденіи, если онъ былъ въ свое время въ средѣ слушателей моего слова: здѣсь онъ прочтетъ кое-что, чего онъ тогда не слышалъ и, наоборотъ, не найдетъ такого, что тогда произнесено было.

У ораторовъ случается, именно, такое же явленіе, какъ и у путешественниковъ. Есть туристы, которые весьма старательно готовятъ къ дорогѣ, забирая съ собою все то, что имъ можетъ въ пути понадобится, укладывая все аккуратно и тщательно, такъ что ни что не забыто, все предусмотрѣно, все найдется въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. Есть и такіе вояжеры, которые пускаются въ путь съ крошечнымъ саквояжемъ и уже по дорогѣ приобрь-

таютъ все то, что имъ указываетъ потребность минуты, при чемъ конечно необходимо имѣть съ собою *percus regim.* Точно также бываютъ ораторы, которые предварительно отдѣлываютъ аккуратно и тщательно свои рѣчи, заучиваютъ ихъ твердо на память и, на случай крайности, имѣютъ при себѣ черное на бѣломъ. Въ тоже самое время другіе, по недостатку ли времени или же за недостаткомъ склонности къ заготовленію запасовъ, за отсутствіемъ ли такого чувства аккуратности, отправляются въ путь на кафедру съ легонькимъ узелкомъ необходимыхъ мыслей и, само собою разумѣется, должны говорить подъ диктовку момента, при чемъ, натурально, можетъ проскользнуть многое такое, что, быть можетъ, является излишнимъ и можетъ ускользнуть кое-что весьма необходимое. Во всякомъ случаѣ, если имъ приходится передать свою рѣчь публикѣ на бумагѣ, многія измѣненія являются неизбѣжными, какъ читатель и въ этихъ строкахъ замѣтитъ. Я не упоминаю здѣсь, будетъ ли читатель въ выигрышѣ или въ проигрышѣ отъ этихъ измѣненій; каждый обязанъ представляться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, и предлагать то, чѣмъ богатъ. Въ данномъ же случаѣ, цѣль этихъ строкъ—содѣйствовать возобновленію образа праведника въ нашей памяти; а для полноты картины авторъ позволилъ себѣ дать этимъ немногимъ листкамъ *благодетельное* назначеніе, чтобы вспоминали неизсякаемую благотворительность усопшаго. Потому выручка съ предлагаемой брошюры назначается на основаніе стипендіи имени незабвеннаго пастыря въ одесскомъ еврейскомъ сиротскомъ домѣ. Стипендія такая будетъ служить доказательствомъ, что благотворная дѣятельность высокой души не всегда прекращается смертію благотворителя.

Во имя Единого Господа Бога!

Да будетъ миръ Его съ вами всѣми, аминь!

Благовѣрные слушатели! Одно изъ существенныхъ различій между міромъ физическимъ и міромъ нравственнымъ состоитъ въ томъ, что первый насъ индивидуализируетъ, въ то время, какъ второй генерализируетъ, то есть, что міръ физическій, во всѣхъ его проявленіяхъ и дѣйствіяхъ, вызываетъ на сцену нашу личность и заставляетъ насъ думать исключительно о ней, какъ о важнѣйшей особенности, а міръ нравственный заставляетъ насъ отрѣшиться отъ нашей личности или, по крайней мѣрѣ, подчинить ее высшей и болѣе общей идеѣ и присоединить къ человечеству, какъ носителю этой идеи, вмѣстѣ съ нимъ чувствовать и ощущать и въ этой идеѣ, такъ сказать, раствориться вмѣстѣ съ нашими желаніями и стремленіями; тѣмъ болѣе, если изъ этой идеи выходитъ къ намъ на встрѣчу какой нибудь радостный или горестный мотивъ, нашъ внутренній человекъ ищетъ человека внѣшняго, сердце жаждетъ сердца, сознание требуетъ разумнія, чувство желаетъ быть раздѣленнымъ, хочетъ погрузиться въ великомъ океанѣ однородныхъ чувствъ, хочетъ, какъ волна, быть унесеннымъ сродственными волнами, и въ этомъ то духовномъ сліяніи именно и состоитъ выраженіе нашего высшаго человѣческаго призванія, нашего высшаго назначенія.

Эта истина, въ теченіи послѣднихъ дней, самымъ болѣзненнымъ образомъ оправдалась въ насъ самихъ. Словно электрическимъ ударомъ пронеслось по нашимъ улицамъ ужасное извѣстіе, что Его Высокопреосвященство, достойнѣйшій архі-

епископъ Димитрій, похищенъ отъ насъ внезапною смертію! Ужасъ сковалъ всѣ сердца, боль охватила своими тисками всѣ наши члены и только мало по малу народъ могъ постигнуть, что судьба могла пригосннуться и къ этой возвышенной жизни и что смерть могла восторжествовать надъ нею. Всѣ почувствовали себя какъ бы вырванными изъ рамки привычекъ, всѣ забыли о своихъ занятіяхъ, о своей профессіи, о семьѣ и наконецъ о самихъ себѣ и десятки тысячъ народа потекли къ тому мѣсту, гдѣ почилъ дорогая земная оболочка великаго мужа; десятки тысячъ устъ молились, молились въ непритворномъ единодушіи; молились дрожащими устами, съ твердою увѣренностію, что будутъ услышаны, за упокой дорогой души, принимая трепетными губами въ послѣднемъ прощальномъ лобзаніи къ гробу, пріавшему дорогія останки. Всѣ они старались, въ этой духовной общности, найти нѣкоторый оплотъ противъ страшнаго удара; всѣ они, въ этомъ нравственномъ единеніи, искали силъ, которыя бы ихъ поддержали, но еще болѣе искали они въ этомъ единствѣ обрѣсть достойную форму, которая могла бы выразить ихъ великое горе, нѣкоторое самоудовлетвореніе, тихій протестъ противъ тяжелаго удара рока. Кто видѣлъ этотъ живой потокъ людей, несомый между живыми человѣческими берегами; кто видѣлъ, какъ весь народъ, безъ различія пола и возраста, люди всѣхъ состояній и званій, безъ различія народности и вѣры всѣ слились во едино, связываемые одною великою мыслию, слившіеся въ одной великой горести, увлекаемые однимъ священнымъ чувствомъ; кто все это видѣлъ, тотъ позналъ высокое могущество нравственнаго мотива, которому всѣ поддались, предъ которымъ преклоняется каждая личность, предъ лицомъ котораго исчезаютъ всѣ различія жизни, разрушаются всѣ общественныя и соціальныя преграды; всѣ стѣны заблужденія, отдѣляющія человѣка отъ человѣка, сердце отъ сердца, умъ отъ ума, исчезаютъ словно мгла

предъ лучами солнца. Да! Эти преграды исчезаютъ и разсѣваются точно тѣни предъ свѣтлымъ взглядомъ чистой чело-вѣчности, и высоко, въ чистомъ эфирѣ, является божественная истина, изрѣченная пророкомъ: «Не имѣемъ-ли всѣ мы одного Отца; не Единъ ли Богъ всѣхъ насъ сотворилъ; то почему-же мы будемъ лукаво поступать другъ противъ друга? (Малахія 2, 10).

Да! Въ этотъ печальный, но высокаторжественный моментъ, мы всѣ почувствовали всепримиряющую, всеочищающую, всеобъединяющую силу, которая вытекала изъ духа истиннаго Пастыря Господня; Пастыря, который посвятилъ Господу всю свою душу, а все свое мышленіе и всѣ свои стремленія—своимъ братьямъ, людямъ. Да! Въ этотъ великій моментъ оправдалось слово нашихъ мудрецовъ: «Кончина праведника имѣетъ искупительную силу предъ Богомъ и примиряющее воздѣйствіе среди чело-вѣковъ!» (*Талмудъ Моедъ Кадонъ fol 28 a.*) Потому именно и мы были столь болѣзненно поражены этимъ тяжелымъ горемъ; потому-то тысячи и десятки тысячъ нашихъ единовѣрцевъ смѣшались съ общою толпою скорбящихъ; потому-то и мы почувствовали вокругъ себя неизмѣримую пустоту и будемъ чувствовать ее еще долгое время; потому мы, въ этотъ часъ, наполнили храмъ Господень, чтобы, у алтаря нашего Бога вознести наши единодушныя молитвы за чистаго Пастыря, за благороднѣйшаго изъ чело-вѣколюбцевъ и за упокой его великой души!

«Но какъ же?» слышу я вопросы сомнѣнія изъ за стѣнъ нашего лагеря: «Какъ объяснить все это? Какое это странное явленіе, что евреи, этотъ народъ со своеобразными обычаями и обрядами, съ ихъ исключительно—національными мышленіемъ и стремленіями; народъ, признающій только одного національнаго Бога и національную религію; знающій только себя и свои собственные интересы; живущій въ сей жизни своимъ обособленнымъ существованіемъ

и, вѣроятно, претендующій на исключительныя блага жизни загробной, такъ какъ талмудъ, навѣрное, обезпечиваетъ за ними спасеніе, помимо всѣхъ иновѣрцевъ; какъ это могло случиться, чтобы евреи, въ этомъ случаѣ, могли нести столь глубокую скорбь по человѣку не ихъ рода, не ихъ вѣрованій, по Пастырѣ, который не молился у ихъ алтаря?

Мои благовѣрные!

Если-бы эти многосложныя предположенія, или, вѣрнѣе, утвержденія были правдивы, то предъ лицомъ свершившагося факта они тѣмъ болѣе выказали бы всепобѣждающую силу нравственного мотива; но это не правда, онѣ составляютъ только порожденіе очень поверхностнаго, а можетъ быть и злонамѣреннаго сужденія, такъ что мы должны сказать, что сколько здѣсь предположеній, столько-же ошибокъ, столько-же сознательной или безсознательной неправды. Намъ бы пришлось слишкомъ далеко зайти, если бы мы захотѣли точно анализировать каждый изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности, вопросовъ, которые теперь сдѣлались эпидемическими или должны бы служить предохранительнымъ клапаномъ (презервативомъ), какъ отвлеченіе для другихъ, нѣсколько неудобныхъ вопросныхъ соковъ. Потому мы ограничимся отвѣтомъ на ближайшіе и, въ настоящее время, наиболѣе занимающіе насъ пункты. А именно: мы вѣруемъ во Единого Бога, создавшаго небо и землю, во Единого Отца всего человѣчества; мы вѣруемъ, что всѣ люди произошли отъ одной четы прародителей нашихъ, какъ библія, по крайней мѣрѣ, насъ учитъ, и мы торжественно протестуемъ противъ современной обезьянней генетики и противъ всякихъ другихъ вліяній звѣринца; мы вѣруемъ, что всѣ люди—братья, и что, поэтому, мы должны любить другъ друга, какъ, по крайней мѣрѣ, таже самая библія насъ учитъ: «Люби ближняго твоего, аки самаго себя» (III Кн. М., Гл. 19, ст. 18). Мы вѣруемъ, что душа

наша бессмертна, что души всѣхъ вѣрующихъ удостоятся удѣла въ жизни загробной и, въ особенности, что благочестивые всѣхъ народовъ и вѣроисповѣданій получатъ одинаковую часть вѣчнаго блаженства, какъ это, по крайней мѣрѣ, значитъ въ нашемъ талмудѣ (*Трактатъ Sanhedrin, fol 105*). Такимъ же образомъ наши мудрецы объясняютъ стихъ (*Исаія*) 26, 2. «Раствори ворота, чтобы вошелъ народъ праведный, сохраняющій вѣрность». Тамъ не сказано: «чтобы вошли священники или левиты или вообще израильтяне, а «народъ праведный»; изъ чего мы видимъ, что каждый народъ, если онъ только праведный, войдетъ во врата вѣчности. (*См. Sifra Гл. 13, ст. 143*).

Да! Талмудъ, столь часто порицаемый, ибо никогда незнаемый, провозглашаетъ религіозные догматы, чисто человѣческіе, какихъ вы не встрѣтите слишкомъ часто. Такъ тѣже самые фанатичные талмудисты, которые, какъ мы слышимъ отъ очень сомнительныхъ ученыхъ и очень несомнительныхъ публицистовъ, рекомендуютъ христіанскую кровь, какъ особенно пріятное для евреевъ религіозное лакомство;—очень жаль только, что эти господа, въ порывѣ своего священнаго рвенія, забываютъ всегда называть тѣ книги, изъ коихъ вычитали всѣ эти чудеса, а если и называютъ, то всегда такія, какихъ вовсе и не бывало,—тѣ самые фанатики, говорю я, предписываютъ: «что мы обязаны пропитывать ихъ бѣдныхъ вмѣстѣ съ нашими, посѣщать ихъ больныхъ и утѣлять ихъ боли (ибо каждый посѣщающій принимаетъ отъ страдальца одну шестидесятую долю его страданій), ихъ умершихъ провожать и погребать. Это можетъ найти каждый, «кто умѣетъ искать и хочетъ находить». (*Трактатъ Гитинъ, fol. 61 a.*) Такъ многіе окажутся удивленными, если узнаютъ, что Маймонидъ, это свѣтило синагоги среднихъ вѣковъ, освѣщающее законы Божіи и по сіе время, уже тогда говорилъ: «Запрещается человѣку обманывать въ продажѣ и куплѣ и украсть его

миѣніе, т. е. воспользоваться ошибкою другаго или употребить во зло его заблужденіе, все равно, будетъ ли это израильтянинъ или язычникъ, ибо въ этомъ отношеніи всѣ одинаковы». (*Ученіе о продажѣ гл. 10.* Далѣе, тотъ-же Маймонидъ объясняетъ: «По принципу не существуетъ никакого различія между евреями, христіанами и магометанами, такъ какъ всѣ они вѣруютъ въ Бога, въ откровеніе и въ воскресеніе мертвыхъ». (*См. Майм.: Законы царей, гл. 11*). Затѣмъ ученый Iaabez говоритъ: «Благодареніе Богу, что, по разрушеніи храма, возникло сродственное намъ вѣроученіе; среди язычниковъ мы, быть можетъ, погибли бы». (*См. гл. о Единствѣ § 3*).

Рабби Іаковъ Эмденъ говоритъ: «Благо было-бы намъ и какъ хорошо было-бы для нихъ, если-бы они ученіе ихъ Евангелія примѣняли къ намъ, тогда насъ не умерщвляли бы тысячами и сотнями тысячъ и ненависть изъ толпы не преслѣдовала бы насъ. (*См. Reszen Maszeh*).

Мы читаемъ Ribasch 119: «Назарейцы—это наши братья», а въ Schebet legew Kesilim значитъ: «Христіане—намъ братья».

Быть можетъ нѣкоторые изъ моихъ слушателей скажутъ сами себѣ: какъ? это религіозное ученіе и законы евреевъ! Вѣдь намъ рассказывали совершенно инныя вещи; читаемъ же мы и теперь во многихъ сочиненіяхъ и даже въ газетахъ, которыя навѣрное говорятъ правду, что евреи всѣхъ инувѣрцевъ, преимущественно же христіанъ, обманываютъ, будучи къ этому выразительно побуждаемы своимъ вѣроученіемъ, и въ особенности этимъ ужаснымъ талмудомъ. Да! Вы это слышали и вы это читали, это несомнѣнно; но правда-ли все то, что слышимъ и что читаемъ—это другой вопросъ! Мы знаемъ старинную поговорку: «Онъ лжетъ, словно по печатному!» О, друзья мои! пословицы слагаются самою жизнію, въ нихъ выражается опытность народовъ. Но если даже и допустить, что между ев-

реями и встрѣчается много лжецовъ и обманщиковъ, то что общаго между ними и религіею: они лгутъ и обманываютъ какъ люди, какъ злые люди, какъ невѣрующіе, но не какъ вѣрующіе.

Если бы всѣ злодѣянія человѣка приписывать его вѣроисповѣданію, то нѣкоторымъ религіямъ пришлось-бы гораздо хуже чѣмъ ветхозавѣтной.

Здѣсь мы сознаемся, что, въ виду господствующихъ примѣровъ, насъ вевсе не удивило бы, если бы намъ заявили возраженіе: «Да! Все это цитаты изъ сочиненій, которыхъ мы не знаемъ и потому не можемъ ни провѣрять, ни контролировать... Пожалуй, мы пройдемъ мимо тѣхъ пунктовъ, по которымъ жизнь уже тысячу разъ изрекла свое рѣшеніе, а припомнимъ только два мѣста изъ церковно-исторической литературы древнѣйшихъ столѣтій, которую, въ этомъ именно отношеніи, едва-ли можно заподозрить въ слишкомъ большомъ пристрастіи. Мы читаемъ именно въ жизнеописаніи благороднаго Гиларія, епископа арійскаго, «когда сей послѣдній въ 449 году скончался, евреи слѣдовали за его гробомъ, съ пѣніемъ траурныхъ псалмовъ». (*См. жизнеописаніе Гиларія*).

А когда святой Галлусъ, въ 640 году, былъ похороненъ, «за тѣломъ слѣдовали евреи, съ горящими лампадами въ рукахъ и со слезами на глазахъ». (*См. Грегоръ Туронъ, Церк. Исторія с. 1176*).

Это можетъ, кажется, служить достаточнымъ доказательствомъ того, что наша религія проповѣдуетъ не только чистѣйшіе, но и всемірные законы правды и человѣколюбія и что религія не удерживаетъ евреевъ отъ проявленія исповѣдующему иную религію своей заботы при жизни и своего высокопочитанія по смерти, если онъ былъ праведенъ предъ Богомъ, если онъ, своимъ образомъ мыслей и образомъ жизни, заслуживалъ этой любви и этого уваженія, если,

будучи праведнымъ предъ Богомъ, питалъ правосудныя чувства и къ Израилю.

Такой именно праведникъ погинулъ насъ теперь. Пастырь, шедшій чистыми путями предъ лицомъ Своего Бога, былъ вѣрующимъ въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ, любя, расточая благословенія и даруя миръ Израилю.

Кто когда либо сподобился взглянуть въ это мягкое и глубокое око, которое всегда было ясно, свѣтло и спокойно, подобно горному озеру, въ коемъ отражаются небеса, изъ котораго лучезарно выглядывала чистая душа; кто разъ въ жизни наблюдалъ эту мягкую доброту, которая покоилась на этихъ мягкихъ чертахъ; кто разъ слышалъ эти слова мира, которыя вытекали изъ его устъ, какъ «елей помазанія стекалъ по брадѣ Аарона, какъ роса Гермона, которая капала на горы Сиона» (*Псалмъ 133, 2*), тотъ долженъ былъ сказать себѣ: такъ смотреть, такъ говорить только чловѣкъ чистый, Праведникъ Божій, ибо, тамъ же, далѣе говорится: «туда Господь послалъ благословеніе Свое—жизнь вѣчную».

А его дѣйствія, его милосердіе были безграничны! Онъ никогда не спрашивалъ: «Кто ты? Отъ кого ты приходишь? Во что ты вѣруешь? Гдѣ ты молишься? Ты чловѣкъ, а потому ты чадо Господне; ты страдаешь — потому ты мой братъ. Ты угнетенъ, потому приди ко мнѣ, я тебя утѣшу, я тебѣ помогу! Мало того, онъ благодѣтельствовалъ столь безпредѣльно, что его очи никогда не видали того, что его руки творили. Такимъ образомъ, могло имѣть мѣсто, что наше время, которое не особенно легендарнаго характера, было свидѣтелемъ происшествія, сильно напоминающаго легенды древности. Именно: бѣдная женщина явилась къ первосвященнику, прося вспоможенія, и онъ вручилъ ей конвертъ съ деньгами, еще не распечатанный имъ. Женщина, ожидавшая найдти какихъ нибудь нѣсколько рублей, прибѣжала въ испугѣ спустя нѣсколько минутъ обратно,

говоря: Святой Отецъ, ты должно быть ошибся, ибо здѣсь цѣлая тысяча рублей! Преосвященный, съ добродушною улыбкою отвѣтилъ: «Иди, дочь моя! Это не я далъ тебѣ, это тебѣ Богъ послалъ».

Удивляться-ли при такихъ условіяхъ, что при такомъ образѣ мыслей, при такой добротѣ сердечной, при такомъ преобладающемъ духѣ благотворенія, многія семейства изъ нашей общины находили въ немъ поддержку, пособіе и пропитаніе! Удивляться ли послѣ того, что мы исполнены были благодарности при жизни его и чувствуемъ ту же благодарность и къ скончавшемуся, ибо знайте, что Израиль никогда не забываетъ, если кто либо ему сдѣлалъ добро; тѣмъ болѣе, что память Израиля не была сильно обременена случаями, вызывавшими въ немъ эту благодарность.

Однакожь, благотворительность, какъ ни хороша она и какъ ни благочестива, составляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи добродѣтель все таки второстепенную; она выказываетъ доброе сердце, для коего дѣлать добро составляетъ жизненную потребность. Но оплакиваемый нами мужъ былъ великъ и въ такіе моменты жизни, когда взрывы разнуданныхъ страстей толпы сокрушаютъ самую сильную волю, и въ такіе моменты стоялъ онъ на высотѣ своего священнаго призванія, словно утесъ, ударяясь въ грудь котораго, взволнованныя массы народныя должны разлетѣться брызгами, но потрясти его не могутъ. И у насъ случился одинъ изъ такихъ злополучныхъ дней, изображеніе которыхъ да будетъ на вѣки вычеркнуто изъ нашей памяти, именно: когда ураганъ низменной вражды противъ израиля поднялъ народныя массы противъ насъ, противъ нашей жизни и собственности, Его пастырское слово укротило бурю, Его могучее око, сіяя силою Вѣры и Любви, словно очаровало бушующія страсти, разсѣяло темныя тучи заблужденія и суевѣрія. И, говоря словами Св. Писанія, какъ нѣкогда Мелхиседекъ, царь Салемскій, бывшій жрецомъ Всевышняго Бога, принесъ хлѣба

и вина на встречу изнуренному Аврааму, (1 к. М. 14 и 18) такъ и этотъ возвышенный жрецъ настоящаго времени преподнесъ авраамовымъ потомкамъ хлѣбъ мира, вино укрѣпленія и благословенія.

О, еслибъ появилось много подобныхъ священнослужителей, тогда многое въ этомъ прекрасномъ мѣрѣ измѣнилось бы къ лучшему, особенно же тотъ старинный споръ пастырей и ихъ стада, о началѣ котораго повѣствуетъ намъ Библия, скоро прекратился бы и стада дружественно паслись бы совместно. Къ общему удивленію, нельзя не сознаться, что борьба настоящаго есть только продолженіе библейскаго сказанія. Много тысячъ лѣтъ тому назадъ жили извѣстный Авраамъ и извѣстный Лотъ; они жили въ дружественныхъ отношеніяхъ между собою, такъ какъ оба были бѣдны и одинъ къ другому не могъ питать никакой зависти. Но какъ только состояніе и имущество ихъ увеличилось, какъ только размножились ихъ стада, имъ тотчасъ тѣсно стало жить вмѣстѣ и каждый изъ нихъ вообразилъ, что другой его стѣсняетъ. Сами владѣльцы въ концѣ концовъ помирились бы, такъ какъ они были родные по крови; но тутъ вмѣшались пастухи, желавшіе выказать свою преданность, свое рвеніе; они то раздражали и спорили. Такъ сказано въ Св. Писаніи «и возникъ споръ между пастухами Авраама и пастухами Лота, и сказалъ Авраамъ Лоту: да не будетъ вражды между тобою и мною, между моими пастухами и твоими пастухами, ибо мы родные по крови и т. д.» (1 кн. Мойс. 13, 7). Они разошлись въ разныя стороны и это послужило главною причиною дальнѣйшихъ бѣдствій, ибо издали доносятся ложные, преувеличенные слухи, часто вымышленные, охотно распространяемые — и отсюда возникла пастырская вражда, которая продолжалась много вѣковъ и натворила много бѣдъ и несчастій въ родственныхъ семьяхъ — отъ древнѣйшихъ предковъ до позднѣйшихъ поколѣній. Да, еслибы пастыри разсудили, что ихъ хо-

звѣва связаны кровнымъ родствомъ, если бы ими руководствовалъ только истинный интересъ ихъ хлѣбодателей, тогда вражда скоро прекратилась бы или, по крайней мѣрѣ, не приняла бы серьезныхъ размѣровъ, пастухи не довели бы ея дальше легкихъ споровъ. Къ несчастію однако они вовлекли въ эту вражду и свои стада, а эти то бѣдныя слишкомъ ретиво вступили въ дѣло. Такъ настала упорная вражда, которая тянется тысячелѣтіями.

Развѣ настоящая вражда не представляетъ собою печальнаго продолженія древней пастушеской вражды? Если въ наше время, въ вѣкъ просвѣщенія и гуманности, возстаетъ пастырь, котораго призваніе — правда и любовь, возвѣщеніе мира, въ сердцѣ Европы, въ странѣ высококультурной, въ городѣ, который въ теченіи столѣтія уже отличается образованіемъ, свободной разработкою чистыхъ идей и этотъ пастырь съ сомнительною ревностью нарушаетъ мирную жизнь населенія, разрушаетъ добытыя вѣками человѣческія отношенія, разжигаетъ старинную ненависть, вновь подогрѣваетъ древнюю вражду, — если проповѣдникъ блаженства и мира, носитель свѣта, можетъ вызвать тьму, мракобѣсіе и изуверство, развѣ это не печальная карриатура древней пастушеской вражды? Когда въ настоящую эпоху втискиваютъ старый вопросъ о настѣщикахъ, когда стараются изъ мирнѣйшихъ стадъ сдѣлать дикіе табуны посредствомъ вдавливанія имъ въ головы, чрезъ извѣстнаго рода проповѣди, что чужеродцы изъ подъ носа пожираютъ у нихъ ихъ кормъ, и что вообще стадо Израилево не имѣетъ никакого права на травы, произрастающія лишь для Лот-аріанцевъ? Надо сказать и то, что есть мнѣнія, утверждающія будто этотъ благочестивый социалистъ ничего общаго съ ветхимъ завѣтомъ не имѣетъ, что они видятъ лишь въ этомъ дѣятелѣ страсть къ распрямъ, къ самовыдвиганію, къ тщеславію; что это демонъ самолюбія, увлекающій его поджечь лѣсъ и дать ему по-

гибнуть въ пламени, для того только, чтобы въ этомъ заревѣ засвѣтить свою собственную бѣдную свѣчку и дать ей сіять! Они полагаютъ, что мужъ умиленія обуреваемъ духомъ заносчивости, что онъ жаждетъ составить себѣ имя и, подобно тѣмъ сыновьямъ Боговъ, которые когда-то снизошли на землю къ дочерямъ людскимъ, чтобы создать себѣ имя, онъ точно также, съ высоты своей проповѣднической кафедрѣ, спустился въ дебри того человѣчества, которое ублажаетъ себя пивными и табачными парами, въ эту горячую атмосферу, чтобы выростить тамъ свои лавры, которые никакъ не хотѣли приняться въ умѣренномъ церковномъ поясѣ. И вотъ онъ поджегъ въ своемъ бѣшенствѣ бѣзмертія, подобно Герострату, храмъ человѣколюбія и человѣчности! Тѣже мнѣнія гласятъ, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если нѣкоторыя горящія лучины этого пожара разбросались и занесли пожаръ въ разныя направленія, что весьма естественно: когда демонъ тщеславія не находитъ не медленно удовлетворенія, то онъ вступаетъ въ союзъ съ демономъ ненависти и злобы, куда примыкаетъ и демонъ хищенія и грабежа; тѣмъ болѣе, что такъ удобно и дешево напасть на беззащитныя семитскія овечьи стада, а при случаѣ содрать съ нихъ и толику шерсти.

Ко всему этому вдобавокъ примѣшивается и ехидное лицемѣріе, возвышающее плутовскіе глаза якобы къ небу и какъ бы горюющее о томъ, что семитскія стада во всемъ виноваты, что они именно и производятъ недостачу въ кормѣ, что они раздражаютъ и оскорбляютъ какія-то чувства, что они даже похищаютъ подъ часъ, вечеромъ, арійскихъ агнцевъ и пьютъ ихъ кровь. Мы однако думаемъ, что все это не болѣе какъ отпрыски древней пастушеской, вновь выросшей вражды.

И если благовонные берега Шпрее предназначены были воскресить первыя попытки возродившихся среднихъ вѣковъ, то благодатной Венгріи, родинѣ благороднаго вина и странѣ,

благословенной широко раскинутыми плодородными пашнями и пажитями, выпала болѣе завидная роль окончательно взлелѣять этотъ пышный плодъ ужаса и мракобѣсія. Но что же въ этомъ поразительнаго? Кому же, въ самомъ дѣлѣ, отрадно видѣть, какъ семиты пожираютъ малютокъ вашихъ; никто не желаетъ отдавать свою кровь, въ которой онъ чувствуетъ такую неотложную потребность, для того, чтобы потомки Авраама, явившіеся неизвѣстно откуда, изъ дальнихъ странъ, могли этою кровью придать своимъ опреснокамъ истинно религіозный, изысканный вкусъ.

Такъ оно и есть, такъ и утверждаетъ великое свѣтило прагское; такъ великій ученый явно и во всеуслышанье возвѣщаетъ и готовъ подтвердить, и дѣйствительно подтверждаетъ клятвой, что кровь христіанскихъ дѣтей составляетъ религіозное лакомое блюдо для евреевъ. Это произноситъ императорскій профессоръ богословія, который долженъ хорошо знать это и въ словахъ котораго сомнѣваться нечего. Дѣйствительно, насъ самихъ поразило бы такое ужасное явленіе, чтобы ученый священнослужитель публично клялся во лжи, если бы мы не знали о существованіи всемогущаго средства подъ названіемъ *reseratio mentalis*. Но это явленіе слишкомъ ужасающее, чтобы объяснить его только злымъ сердцемъ, мы охотнѣе приписываемъ его большому разсудку. Только демонъ этой старой пастушеской вражды могъ толкнуть по страшно наклонной плоскости этого чловѣка, вѣроятно много читавшаго, если Прагскій университетъ пригласилъ его на кафедру, но рѣшительно незнакомаго съ еврейскимъ языкомъ и съ литературою. Но нужды нѣтъ; на этотъ случай, для лицъ желающихъ скоро и дешево прославиться, потрудились *Айзенменгеръ*, который цитировалъ всевозможныя мѣста изъ талмуда, извратилъ ихъ смыслъ, исковеркалъ содержаніе, такъ что ими можно пользоваться для доказательства всякихъ позорныхъ дѣяній; нужды нѣтъ, что этотъ бѣдный ученый въ свое время не

сумѣлъ правильно переписать свои лживые цитаты, одному такому ученому какою то польскій меламедъ (учитель первоначальной школы), выкрестъ, желавшій потѣшиться надъ своимъ новымъ наставникомъ, подсказалъ ему извѣстный естественный, даже слишкомъ естественный стихъ Соломона (30, 19), въ которомъ ученый усмотрѣлъ, что свободомыслящій царь Соломонъ, жившій 950 л. до Р. Х., признавалъ кровь отъ христіанскихъ дѣвственницъ пріятною жертвою для Бога. И такіе ученые, такими пошлыми средствами, могли цѣлыя провинціи прекрасной Венгріи наполнить безуміемъ и ненавистью и ихъ населеніе возбудить къ поджогамъ и грабежамъ противъ ихъ сосѣдей, съ которыми до того жили въ мирѣ и согласіи, вражды между стадами, раздуваніемъ до возникновенія великолѣпнаго и благочестиваго пламени. Въ особенности одинъ изъ сихъ жрецовъ милосердія Божія довелъ свое благочестивое рвеніе до того, что днемъ проповѣдуетъ во всеуслышанье съ церковнаго амвона слова любви и согласія, а ночью, въ самыхъ мрачныхъ трущобахъ Берлина, возглашаетъ пламенные рѣчи вражды, разрушенія и кровопролитія. Такимъ образомъ служитель того же Бога является утромъ рачителемъ любви и мира, а вечеромъ апостоломъ ненависти, братоубійства и гоненій.

Къ чести Россіи и ея священнослужителей мы имѣемъ возможность сказать, что совершенно иначе поступаютъ высшіе служители господствующей церкви, въ глубоко-нравственномъ сознаніи своей вѣры, въ безукоризненной преданности своимъ пастырскимъ обязанностямъ, они поддерживаютъ, упрочиваютъ, распространяютъ, проповѣдуютъ миръ и спокойствіе среди стадъ своихъ; а если гдѣ нибудь, между стадами, прорывается враждебный духъ, если отдѣльные единицы пробуютъ испытать силу своихъ роговъ, если кое-какіе передовые пытаются возбудить зависть и недоброжелательство, а всѣ овцы весьма натурально слѣдуютъ за

нимъ, увлекаясь постыдному духу и бессознательно впутываясь въ борьбу, тогда немедленно раздается миротворная труба миролюбивыхъ пастырей и, благодаря этому, все немедленно возвращается къ мирному порядку, ибо тогда, въ сущности, всѣ одинаково добродушны и миролюбивы, даже въ самой борьбѣ, хотя дики и необузданы, но никогда не злобны и не безсердечны. Повторяемъ, ни одинъ изъ русскихъ священнослужителей, ни одна извѣстная русская личность не примкнули къ позорнымъ и печальнымъ враждебнымъ дѣйствіямъ послѣднихъ дней. Изъ семьи истинныхъ слугъ алтаря Господня выдавался лучезарно нашъ почившій Архипастырь, котораго память мы теперь чествуемъ; онъ, къ которому вполне примѣнимы слова писанія: «Медъ и млеко истекали изъ устъ его»; медъ великой любви и млеко невозмутимаго мира. Быстро и твердо повелъ онъ свое стадо къ миру и спокойствію и овечки его навѣрное возносятъ къ нему благодареніе вмѣстѣ съ нами, въ благоговѣйномъ поминаніи и съ глубокимъ раскаяніемъ, что когда-то такъ огорчили его великое пастырское сердце. И изъ за чего возгорѣлся весь споръ? Только изъ за пастбища, только изъ за большей или меньшей горсти хорошаго корма. Но онъ не могъ переносить равнодушно не только унижительную борьбу за матеріальный кормъ, но и такъ называемый споръ любви и все хотѣлъ разрѣшить путемъ мира и чувства. Если же вы спросите меня удивленно, что это за споръ любви, о коемъ я говорю?—я вамъ попробую отвѣтить притчею. Когда то былъ отецъ, имѣвшій много дѣтей; всѣ они были добры сердцемъ, а главная забота ихъ состояла въ томъ, какъ доказать отцу свою къ нему любовь? Дѣти, какъ вообще бываетъ, были различнаго возраста и потому отличались различными взглядами на способъ выраженія этой любви: между тѣмъ, какъ самыя младшія играли у ногъ родителя, среднія ползали по его колѣнамъ, старшія прижимались къ его сердцу, нашептывая ему слова любви, самыя

большія довольствовались тѣмъ, что въ безмолвномъ восторгѣ глядѣли понятливо въ глаза отца. Но дѣти весьма часто спорили между собою о томъ, кто изъ нихъ наиболѣе любить отца и, слѣдовательно, кто изъ нихъ отцу милѣе. Меньшія были наиболѣе увѣрены въ своемъ превосходствѣ, такъ какъ отецъ по временамъ улыбался ихъ рѣзвости, старшія упирались на то, что онѣ чаще покоились на груди отца и слышали нѣжное біеніе родительскаго сердца, самыя же старшія, которымъ, естественно, отцовскія ласки, доставались рѣже, такъ какъ отецъ былъ вполне убѣжденъ въ ихъ испытанной привязанности, ограничивались спокойною и тихою улыбкою. Это задѣвало младшихъ и давало поводъ къ частымъ спорамъ любви. Кто изъ нихъ былъ правъ? Я вамъ отвѣчу въ духѣ оплакиваемого нами дѣятели: «всѣ и никто!» Я вамъ отвѣчу выраженіемъ всей его благотворной дѣятельности. Любите отца каждый, какъ кто можетъ, но живите между собою въ мирѣ и любви, и этимъ вы наиболѣе угодите Отцу нашему, и Онъ будетъ любить всѣхъ васъ одинаково, и всѣ вы будете одинаково возрастать и преуспѣвать, будете возвышаться до сознанія и постиженія родительской любви, основою которой служить любовь къ ближнему.

Да! Прійдетъ день, когда всюду возсіяетъ одно познаніе, одно пониманіе; когда одна любовь овладѣетъ всѣми дѣтьми и общій миръ осѣнитъ всѣхъ насъ своимъ крыломъ. Тогда дѣти, при одномъ воспоминаніи объ ихъ старыхъ дрязгахъ, покраснѣютъ, протянутъ другъ другу руки и возрадуется ихъ старый Отецъ небесный. Тогда восторжествуетъ право Божіе, о коемъ возвѣщаетъ Пророкъ: «и будетъ пастись волкъ рядомъ съ овечкой, и пантера о бокъ съ козою будетъ лежать, и теленокъ, и левъ, и жирный быкъ будутъ рядомъ покоиться на моей святой горѣ, ибо земля будетъ полна познанія, подобно водѣ, покрывающей дно морское» (*Исаія, 11, 6*) «И они перекуютъ свои мечи на плуги, а

свои копья на серпы, и не подыметъ народъ свой мечъ противъ народа, и не будутъ болѣе изучать ремесло военное» (*Исаія 2 4*) «И солнце не будетъ больше свѣтиломъ дня, и луна не будетъ освѣщать ночью, и будетъ послѣ Господь первообразомъ свѣта» (*Исаія 60 20*) «И Господь прійдетъ, и съ нимъ всѣ святители Его и въ тотъ день солнце сіять не будетъ и луна не будетъ свѣтить, и будетъ день вѣчный Господу вѣдомый, и не будетъ болѣе дня и ночи» (*Схар. 14, 6*), ибо вѣчное свѣтило будетъ сіять надъ цѣлымъ міромъ въ своемъ чистѣйшемъ сіяніи».

Да! Господство солнца и луны, этихъ двухъ носителей свѣта, прекратится, поелику оба содержатъ слишкомъ много вещественнаго, а «день Божій» требуетъ «чистаго, предвѣчнаго свѣта», который живетъ только у Господа, какъ гласятъ слова Писанія. Если же вы знать хотите, когда этотъ день взойдетъ, то я скажу вамъ: именно въ тотъ день, въ который осуществится слово Божіе! «И въ сей день Господь будетъ Единъ и Имя Его будетъ Едино» (*Схар. 14, 9*) и точно въ этотъ день исполнится, что «будетъ тогда одинъ пастырь и одно стадо» и явится тогда Господь и съ Нимъ всѣ святители Его, а въ день воскресенія мертвыхъ воскреснетъ и тотъ благочестивый мужъ, коего мы теперь поминаемъ, коего чувствуемъ, о коемъ мы молимся, а до того да почіетъ онъ въ мирѣ, во исполненіе ученія нашихъ мудрецовъ, изрекаемаго ими въ словахъ: «Праведные всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣроисповѣданій получаютъ одинаковый удѣлъ въ жизни вѣчной». Аминь!

II.

ПАНИХИДА

ВЪ 1-ю ГОДОВЩИНУ

ВОИЧИНЫ

АРХІЕПИСКОПА ДИМИТРІЯ

14-го Ноября 1884 года

при освященіи основанной въ память усопшаго
сиротской стипендіи Одесскаго еврейскаго обще-
ства.

ПРЕДИСЛОВІЕ къ ПРЕДИСЛОВІЮ.

Былъ когда-то купецъ, сдѣлавшій у своего фабриканта значительный заказъ. Когда письмо было уже готово къ отправленію на почту, приказчикъ пришелъ къ купцу и доложилъ ему, что въ складѣ у него имѣется еще большой запасъ заказываемаго товара. Что же сдѣлалъ аккуратный купецъ? вмѣсто того, чтобы просто разорвать письмо, онъ вскрылъ его и прибавилъ:

P. S. «Такъ какъ въ одномъ изъ отдѣленій моего магазина упомянутый товаръ оказался въ достаточномъ количествѣ и теперь въ немъ надобности не имѣется, то заказъ симъ отмѣняется».

Послѣ того онъ снова запечаталъ письмо и отправилъ его на почту.

Вы улыбаетесь, читатель, такой аккуратности торговаго человѣка? Но, быть можетъ, ему хотѣлось показать при семъ удобномъ случаѣ фабриканту, до какой степени обширны его дѣла, какъ богаты запасы его магазиновъ, въ какой мѣрѣ онъ заслуживаетъ кредита, а можетъ быть, до чего онъ разсѣянъ влѣдствіе многосложности дѣлъ... А можетъ быть у него были и другіе мотивы, но вообще, я полагаю, что гораздо лучше нѣсколько призадуматься, нежели смѣяться, если намъ что нибудь кажется удивительнымъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Habent sua fata libelli»... Я цитирую эту поговорку стариннаго латинскаго писателя нѣсколько въ иномъ смыслѣ, нежели тотъ, какой ему придавалъ авторъ и избираю ее эпиграфомъ для работы, предлагаемой мною читателю. И эта работа имѣетъ свою судьбу, свою исторію. И даже двойную: внѣшнюю и внутреннюю. Внѣшняя состоитъ въ томъ, что это была рѣчь, которая не была произнесена, а что касается внутренней, то таковую ты долженъ самъ себѣ открыть при чтеніи. Если-же ты, быть можетъ, слишкомъ занятъ, или, извини меня, слишкомъ лѣнивъ, то тебѣ придется нѣсколько подождать, пока смыслъ внутренней выяснится тебѣ извнѣ. Впрочемъ, подобно тому, какъ я оставилъ рѣчь произнесенною, никто тебѣ не мѣшаетъ оставить ее непрочитанною.

Однакожь, если ты достаточно отваженъ, соберись съ мужествомъ и послушай:

Лежація предъ тобою страницы предназначались для проповѣди по поводу первой годовщины кончины блаженнаго памяти незабвеннаго Архіепископа Димитрія, во время торжества освященія таблицы, оповѣщающей открытіе нашимъ обществомъ стипендіи въ память этого великаго мужа.

Первая годовщина настала и прошла, вторая наследовала за нею, а торжество не могло состояться, проповѣдь не могла быть произнесенной... Почему? спросишь ты, читатель. Конечно ничего не бываетъ безъ причины, но причину — то не всегда легко объяснить. Спрашивать легко, но

отвѣчать подчасъ весьма трудно. Одно только могу тебѣ сказать интимно: если краснорѣчиво говорить составляетъ великое искусство, то краснорѣчиво молчать — тѣмъ большее. Довольно того, что торжество не совершилось, проповѣдь не произносилась, дѣло сдѣлалось безъ возгласовъ и трезвона и, надѣюсь, оно тѣмъ не менѣе будетъ благотворно, «ибо» какъ говорили наши древніе мудрецы: «главное не въ словѣ, а въ дѣлѣ». (Притчи отцовъ 1-17).

Этимъ мы могли бы собственно и удовлетвориться, въ томъ убѣжденіи, что никто въ мірѣ не попроситъ насъ объ этой рѣчи, но я откапываю эти строки изъ подъ двухлѣтняго забвенія, не столько изъ желанія удовлетворить многимъ просьбамъ разныхъ лицъ, неподдающимся, какъ извѣстно, контролю, сколько для того, чтобъ удовлетворить своему собственному желанію:—дать надлежащее выраженіе чувствамъ благодарности моей паствы, старавшейся воздвигнуть посильный памятникъ великому мужу. Затѣмъ я не могъ себѣ отказать начертать въ нѣсколькихъ словахъ свѣтлый образъ, такъ сказать духовную фотографію столь высоко чтимаго нами всѣми святителя. Далѣе, для меня важно было заявить во всеуслышанье, какъ наша религія относится ко всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ, въ особенности къ тому, которое вышло изъ ея-же лона. Наконецъ, да будутъ эти строки свидѣтельствомъ, что Израиль имѣетъ благородное сердце, умѣетъ хранить въ любви и уваженіи память своихъ благодѣтелей, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда есть причины любить и уважать.

Хотя этихъ мотивовъ было бы весьма достаточно, чтобы оправдать появленіе этихъ строкъ въ печати, я хочу однакожь высказать здѣсь еще нѣсколько мыслей, которыя будутъ прочтены въ обширномъ кругу и, быть можетъ, не совсѣмъ безъ пользы. Если это, къ сожалѣнію, представляетъ грустную истину, что всѣ великія мысли, коимъ суждено сдѣлаться великими интересами или вѣрнѣе, что великіе интересы, которые

къ этимъ мыслямъ присоединяются, сливаются съ ними и отождествляются, сначала имѣютъ въ себѣ кое-что общее-идеальное, но, въ концѣ концовъ, оказываются личными, индивидуальными и усваиваются народами, сословіями или даже лицами—для эгоистическихъ, или даже мелочныхъ цѣлей. Въ виду этого, не слѣдуетъ-ли намъ относиться съ признательностію или даже съ благодарностію къ тѣмъ народамъ, которые изъ уваженія ли къ чистотѣ мысли, или по правдивости своего характера, или же по врожденному добродушію сумѣли удержаться чистыми, вдалекѣ отъ упомянутого мною заманчиваго злоупотребленія.

Я достаточно опытенъ, любезные читатели, хотя мои друзья считаютъ меня непрактичнымъ, въ чемъ они, по своему, быть можетъ и правы... И такъ, я достаточно опытенъ, чтобы знать, что этими подробностями я пускаюсь на очень неблагодарную аферу; что народы, сословія и лица первой категоріи отъ меня отдѣлаются и то, быть можетъ, такимъ же деликатнымъ образомъ, какъ это сдѣлалось повседневною модою, съ тѣхъ поръ, какъ антисемитизмъ успѣлъ войти въ моду; а народы, сословія и лица второй категоріи будутъ слишкомъ горды, чтобы даже показать видъ, будто они обращаютъ какое нибудь вниманіе на мои слова, тѣмъ болѣе, что слова эти не всегда пахнутъ фиміамомъ... И я такимъ образомъ раздѣлю участь Петера Шлеміеля II, который сѣлъ между двумя стульями. Ты можешь однакожь на мой счетъ успокоиться: я, къ счастью, состою уже въ томъ возрастѣ, когда признаніе внѣшняго міра не представляетъ ничего особенно заманчиваго, а пренебреженіе его-же не имѣетъ въ себѣ для меня ничего особенно устрашающаго, тѣмъ болѣе, что, по моему, не смотря на всю важность и спѣсь, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны кое-что по неволѣ будетъ принято *ad potam*... Если-же даже и не такъ, чтожь, пусть я писалъ для самого себя, тѣмъ болѣе, что, поглядѣвши на календарь или на самого себя, я чувствую потреб-

ность подумать о своемъ завѣщаніи. Мои матеріальныя обстоятельства, уже по самой натурѣ своей, всегда состоятъ въ должномъ порядкѣ; по этому дѣло больше касается моихъ нравственныхъ обстоятельствъ; а какъ таковыя, благодаря моимъ воззрѣніямъ и отношеніямъ къ свѣту, сложились,—это тебѣ, прямо или косвенно, выкажутъ нижеслѣдующія страницы.

І.

Обратимся, читатель, къ участи великихъ мыслей и посмотримъ, что съ ними сдѣлала исторія глубокой древности: что она сдѣлала съ религіозною идеею, съ истиною, съ человѣколюбіемъ? Что произошло съ идеею человѣчества вообще? Странно: какими простыми, какими чистыми вышли двѣ первыя идеи, словно близнецы, изъ рукъ Творца; какъ скоро онѣ нашли столь многихъ друзей, приверженцевъ, почитателей, которые интересовались ими, заботились о нихъ, защищали ихъ и протезировали и все это съ такимъ рвеніемъ, что онѣ вскорѣ самихъ себя не узнали, да и собственный Отецъ взиралъ съ болью на Своихъ измѣнившихся дѣтей. Третья идея раздѣляетъ судьбу Кассандры! Куда, къ кому-бы она ни постучалась, гдѣ бы она ни подняла свой боязливый гласъ: — сильные міра сего встрѣчаютъ ее насмѣшками; государственные философы, въ особенности, если на ихъ долю выпала завидная роль надворныхъ и другихъ совѣтниковъ, находятъ ее устарѣлою и, во всякомъ случаѣ, неудобною и —прогоняютъ. А все таки это она, та самая, которая была узнана за многія тысячелѣтія до насъ; была узнана людьми Божиими, вдохновенными пророками Израиля. Ее провозглашали, какъ идеальное человѣческаго совершенства, какъ знаменіе идеальнаго времени, какъ Царствіе Мессіи. А все таки это она, та самая, которая имѣетъ за собою нравственный девизъ свѣтлаго будущаго, очищенный возгласъ мученика науки: *e pur si muove!*

Что исторія древнихъ временъ подѣлала изъ этой высочайшей мысли человѣчества или вѣрнѣе (такъ какъ исто-

рія собственно ничего не дѣлаетъ, а только лишь записываетъ сдѣланное—что люди подѣлали изъ общей собственности своего поколѣнія, что мы знаемъ и умѣемъ объяснить узкою ограниченностію кругозора, низкимъ уровнемъ развитія и культуры, короче—дѣтскимъ возрастомъ умственныхъ и нравственныхъ понятій; быть можетъ даже себялюбиемъ, которое не колеблется поджечь лѣсъ, лишь бы немножечко погрѣться... Наконецъ—тщеславіемъ какого-нибудь Герострата, готоваго купить себѣ «имя» за какую-бы то ни было цѣну.

Но если теперь, если нынѣ, при неоспоримыхъ успѣхахъ нашего знанія, при богатствѣ нашихъ умственныхъ средствъ, при многостороннемъ обиліи нашей опытности, если теперь проявляются тѣ-же страсти, тѣ-же низкіе инстинкты, тѣ-же грубыя тенденціи и, не только проявляются, но даже систематически «воздѣлываются», культивируются; если успѣхи и пріобрѣтенія нашего прогресса употребляются для приготовленія регресса; если люди, которые, по своему положенію и назначенію, обязаны поднимать и возвышать уровень сознанія, смягчать нравы, проводить познаніе и признаніе общечеловѣческихъ правъ, ратовать въ пользу всемірнаго спокойствія и умиротворенія... Если такіе люди отталкиваютъ назадъ, къ отжившимъ свой вѣкъ заблужденіямъ, къ старинному мраку, ввѣреннымъ имъ Провидѣніемъ народы; если они стремятся возвратитъ «положеніе», которое тѣмъ позорнѣе, что оно теперь не есть непосредственное, не примитивное, а зачатое и поддерживаемое ядомъ преднамѣренной, сознательной злобы... Если они пробуждаютъ дикія страсти, раздражая ихъ и направляя къ ненависти и преслѣдованію, къ грабежу и насилію; если они безчестною ложью фальшиваго монетчика обманываютъ общественный умъ, изгоняя злоумышленно благородный металлъ идеи чело-вѣчества и вводя въ заблужденіе бѣдный народъ подложными монетами «національныхъ стремленій», «рассовой ненави-

сти»... При такихъ убійственныхъ условіяхъ, развѣ не обязаны все «лучшіе» люди, все тѣ, у которыхъ еще сохранились слѣды уваженія къ благороднымъ стремленіямъ, уваженія къ общему благу, къ умственному преуспѣянію и нравственному очищенію, уваженія къ человѣческому достоинству и къ человѣческимъ правамъ; эти люди—какой бы національности, какого-бы сословія они ни были,—вмѣсто того, что бы, среди инертнаго соболѣзнующаго и сострадающаго бездѣйствія, созерцать такое несчастіе, такой позоръ, не обязаны-ли сплотиться для сооруженія общими силами плотины противъ этого новаго потопа... «Не обязаны-ли они сказать: если уже настоящее осквернено и опозорено, то спасемъ хоть будущее отъ окончательнаго одичанія, отъ окончательнаго варварства.

Развѣ я преувеличиваю? Между тѣмъ, какъ десятками лѣтъ тому назадъ каждый сколько нибудь приличный человекъ старался всеми силами идти впередъ, если не съ наукою, то хоть вмѣстѣ съ гуманностію, теперь употребляютъ, на оборотъ, всякія усилія для преуспѣянія отсталости и ретроградности и теперь является чуть-ли не принадлежностію хорошаго тона—играть невозможнѣе-выдающуюся роль посреди сумрачныхъ, дикихъ молодцовъ, встающихъ противъ чело-вѣчности и просвѣщенія. Намъ извѣстны страны, гдѣ кандидаты изъ сферы духовенства, педагогиче-ской администраціи и—horribile dictu!—правосудія только въ такомъ случаѣ могутъ имѣть надежду на успѣхъ, когда они умѣютъ продавать независимость мнѣнія, свои убѣжденія, совѣсть и стать открыто подъ знамена реакціи, которая пока еще разбѣзжаетъ по Европѣ инкогнито, подъ псевдонимомъ анти-семитизма. А нѣмецкая цивилизація, то есть тотъ народъ, ради котораго Кантъ породилъ свое «Kategorisches Imperativ», Шеллингъ подслушалъ движеніе «мировой души» (Weltseele), для котораго Гегель поглялся своему «абсолютному тождеству субъекта съ объектомъ, то есть чистой

мысли съ бытіемъ»; тотъ народъ, для котораго Шиллеръ создавалъ свои «идеальныя существа», для котораго Гете воспроизвелъ свой «идеалъ изъ сочетанія нѣмецкаго духа съ греческимъ совершенствомъ формы», для котораго Лессингъ, въ своемъ Натанѣ, вывелъ на сцену «чисто-человѣческое», свободнымъ отъ всего «случайнаго»; народъ, который открылъ новые міры... нѣтъ!... въ лонѣ котораго возникли новые міры: этотъ самый народъ удовольствуется твореніями такихъ господъ, какъ Либерманъ, Штѣкеръ, Вагнеръ, Вольфъ, Шенереръ, Истоци и проч... Этотъ самый народъ нисходитъ со своей высоты и валяется въ клоакахъ антисемитизма...

Да! Антисемитизмомъ называется въ наши дни задача того народа, который когда-то стоялъ во главѣ науки, который предписывалъ законы мышленію, который прокладывалъ дорогу освобожденію человѣчества, который могучими руками потрясалъ желѣзные запоры попечительства, ограниченій, угнетенія; народа, изъ лона котораго вышли такой Гогенштауфенъ, такой Лютеръ, Рейхлинъ, Гуттенъ... Будемъ говорить безъ обиняговъ: что такое антисемитизмъ? Быть можетъ осужденіе и изгнаніе вредныхъ, *несовершенно-вредныхъ* членовъ общества или-же гоненіе простодушныхъ, незлобивыхъ людей, живущихъ тихо и мирно въ краѣ, въ теченіи ряда столѣтій и участвующихъ въ работѣ преуспѣянія наукъ, искусствъ, промысловъ, торговли; трудящихся для блага и благосостоянія общества; приносящихъ государству общенародные налоги деньгами и кровью? Люди эти, народъ этотъ, при помощи неимовѣрныхъ, гигантскихъ, нечеловѣческихъ усилій, выработался, вырвался изъ средневѣковаго мрака, изъ неоднократно нагнетавшей гибели, изъ униженія, изъ нищеты, изъ множества другихъ, наконецъ, страданій и мученій, какимъ подвергало его поминутно ослѣпленіе фанатизма. Народъ этотъ, благодаря своей живучести и внутренней нравственной силѣ, переживши всѣ

эти гоненія, дожилъ до нашего столѣтія, до вѣка, освѣщаемаго зарею высокой цивилизаціи. Дожилъ и заставилъ даже слѣпую ненависть бессильно уронить кнутъ изъ жестокой руки... И вдругъ, теперь, къ этому-же народу предательски подкрадываются, ползкомъ, зависть и трусливая злоба и, не обладая уже отвагою открытой, честной ненависти, измѣннически подставляютъ ему ножку: хотятъ, пытаются его лишить гражданскихъ и человѣческихъ правъ, чтобы *теперь*, среди просвѣщенія XIX вѣка, отбросить его обратно— во мракъ средневѣковаго варварства! И за что? За то, что колыбель его стояла въ тѣни мамрейской рощи? За то, что его предки, благочестивые прародители, были всемірно-чтимыми патріархами? Потому, что патріархи эти дали вселенной, погруженной въ дикую, скотоподобную плотскость, даровали первыя понятія о Великомъ Богѣ, о нравственныхъ основахъ жизни, о чистотѣ нравовъ? За то, можетъ быть, что народъ этотъ до того упрямъ, что и по нынѣ привязанъ къ этимъ неудобнымъ преданіямъ и повѣствованіямъ? За то, что изъ его лона вышли мужи, духъ которыхъ воодушевилъ и возвысилъ весь вѣрующій міръ, мужи, обѣтованіе которыхъ составляло и составляетъ единственную звѣзду, спасающую для грязнущаго во мракѣ человѣчества свѣтъ будущности?

Или, быть можетъ, благодать антисемитизма заключается въ томъ, что освященные, профессиональные глашатаи истины, любви и мира, забывая святость своего призванія, измѣняя постыдно своему высокому назначенію, основываясь на своемъ официалномъ значеніи и на своихъ служебныхъ обязанностяхъ, оскверняютъ богохульно свою присягу и проповѣдуютъ ненависть и гоненіе? А въ то время, геніальный политикъ, великомудрый кормчій судьбы государствъ и народовъ, добродушно улыбается и, если не высказываетъ это громко и ясно, то позволяетъ читать между строкъ свое благодарное благоволеніе: «Исторія-моль

эта—миѣ очень на руку; весь этотъ сумбуръ миѣ можетъ пригодиться!»! Въ этомъ ли выражается благодать антисемитизма?!

Неужели быстрый взглядъ великаго мужа, умѣющій пронизать времена и обстоятельства, не умѣеть замѣтить, что антисемитизмъ, въ младенчествѣ своемъ—шаловливый, нѣсколько дикій козленокъ, а чуть удастся ему подрости, онъ можетъ стать грознымъ козломъ, могучимъ тараномъ, который устремится неукротимо противъ твердыни германской чести и германскихъ законовъ?

А что станетъ, что должно говорить будущее, что уже, быть можетъ, шепчетъ настоящее, видя съ какими мыслями носится мужъ, который считается своимъ въ самыхъ высшихъ сферахъ, который состоитъ ближайшимъ, чуть-ли не духовнымъ совѣтникомъ престарѣлаго Императора; видя, какими стремленіями одушевляется этотъ мужъ, порѣшившій отнять у части гражданъ, подданныхъ государства, ея правовое и законное положеніе въ томъ-же государствѣ? Еще можно-бы отыскать для него тѣнь оправданія, хотя весьма сомнительнаго и чрезвычайно софистическаго, въ томъ, что онъ тѣнится обратно швырнуть евреевъ въ клоаку средне-вѣковаго позора, изъ за своего «благочестія»... Можно-бы приписать этотъ незавидный подвигъ набожности и христіански-соціальному рвенію трехволосаго дипломата... Но вѣдь это не такъ! Гораздо труднѣе оправдать, что при помощи эксцессовъ антисемитизма, посредствомъ пугала іудеобіи, ему хочется уничтожить извѣстный параграфъ конституціи и тѣмъ потрясти ея основы... Еще предосудительнѣе, что онъ этимъ надѣется нарушить святыню законности, обоснованной присягою его Императора... А ужъ совсѣмъ нельзя оправдать, что, вслѣдствіе его отношеній и нравственной близости къ монарху, мрачный дымъ тлѣющаго хвоста его кометы бросаетъ тѣнь на свѣтлый ореолъ вѣнценосца. Это—такое дѣяніе, которое должно-бы вызвать мѣры со стороны государ-

ственного прокурора или-же, если этотъ всемогущій мужъ одержимъ какою-то *idée fixe*,—потребовать психіатрическаго надъ нимъ надзора!

Я слишкомъ высокаго мнѣнія о строителѣ германской имперіи и ея законоположеній, чтобы полагать, что онъ, увѣнчавши свою грандіозную постройку, испугался самъ размѣровъ зданія и, ради облегченія хозяйства, желаетъ подкопать основы дѣла своихъ-же рукъ... Я не желалъ-бы думать, что, уступая слишкомъ далеко-допущенной терпимости, онъ предоставляетъ своимъ завистникамъ случай распространять слухи, якобы онъ самъ хочетъ подложить своего рода нравственныя торпеды подъ основаніе этого гигантскаго зданія.

Однакожь, въ данный моментъ, мы имѣемъ пока дѣло только съ антисемитизмомъ, то есть, съ нарушеніемъ конституціи, поколику оно касается евреевъ и, не смотря на то, мы надѣемся, что отвратительная личинка нечестности не удержится въ чистотѣ монаршаго величія. Кромѣ того, народамъ хорошо извѣстно, ибо они это видѣли своими глазами, что и мы участвовали въ дѣлѣ созиданія теперешней Германіи, что изъ еврейскихъ жилъ тоже вытекала тотъ «своеобразный сокъ», который скрѣпилъ и закалилъ объединеніе Германіи. Да! Подобно тому, какъ желѣзо, во время сковыванія, должно быть обливаемо, для того, чтобы оно внутренно отвердѣло и достигло надлежащей спайки, также точно, когда отливало германское объединеніе, когда оно сковывалось подъ громовыми ударами боеваго молотка, для него требовалась поливка тѣмъ своеобразнымъ сокомъ, который называется въ общежитіи кровью. Да! Тогда никто не спрашивалъ, семитская-ли это кровь, или арійская, лишь-бы только она была красная и теплая. А она была и красна, и тепла, пламенѣя любовью къ отечеству и огнемъ сраженій,—эта вѣрная и преданная кровь нашихъ храбрыхъ единовѣрцевъ!

А теперь, когда готовое здание могущественно предстало предъ изумленными взорами всѣхъ частей свѣта, теперь являются всевозможные этники, политики, аналитики и критики; всякія черныя и пестрыя мухи, которыя обыкновенно слетаются, когда вкусный пирогъ на столѣ и безза-стѣнчиво восклицаютъ:

— Стой! Тутъ для васъ нѣтъ мѣста! Въ вашихъ жи-лахъ не протекаетъ кровь узаконенная, арийская кровь! Вашу колыбель не осѣняли вѣтви тевтонскихъ дубовъ!

Хорошо-же! Если мы стоимъ на такой точкѣ, если се-митская кровь для васъ теперь несподручна, если теперь «мавръ, исполнившій свою обязанность, можетъ себѣ идти», если для насъ нѣтъ мѣста въ объединенной Германіи; что-же: призовите своихъ аналитиковъ, химиковъ, дистиллато-ровъ, и выдѣлите да возвратите намъ ту семитскую кровь, которая пролита за «нѣмецкое единство», за «Германскую Имперію», за которыя сражались, которыя завоевали, на ряду съ вами, наши сыновья, наши братья! Отдайте намъ обратно тотъ «своеобразный» сокъ, которымъ увлажнена от-ливка металловъ вашего объединенія! Да! Тогда вы не распра-шивали столь много; тогда вы не были на столько осторожны, на столько разборчивы на счетъ того, кто подставляетъ го-лову: семя-ли или аріецъ? Тогда и жидовская кровь была для васъ достаточно пригодна, а теперь, вдругъ, какая яви-лась брезгливость!!!

Да! «Одежда дѣлаетъ человѣка,» говоритъ нѣмецкая по-словица: но что можетъ сдѣлаться изъ человѣка, чуть онъ успѣлъ нарядиться въ новый сюртукъ!

Право, я, еврей, я — раввинъ еврейскій, пожелалъ-бы Германіи иного рода дебюта въ роли великой державы; со-всѣмъ не такого, какой приуготовилъ для нея протестантскій проповѣдникъ, да къ тому-же еще проповѣдникъ придворный!

Видите-ли, это мнѣ напоминаетъ того добродушнаго поселянна, который когда-то переправлялся черезъ Дунай,

въ сопровожденіи своего маленькаго сына. Когда они до-плыли до середины рѣки, поднялся сильный вѣтеръ, угро-жавшій потопить крошечное судно. Мой поселянинъ сталъ творить молитву за молитвою, но вѣтеръ, не смотря на то, все продолжалъ усиливаться. Тогда мужичекъ обѣщалъ сво-ему святому патрону поставить восковую свѣчу, толщиною въ руку сынишки. Испуганный значительностію предсто-ящихъ затратъ, маленькій Гансъ воскликнулъ къ отцу:

— Однакожь, батюшка, подумай, что я уже не со-всѣмъ-то крошечный.

— Молчать, сорванецъ! шепнулъ отецъ: дай только добраться до того берега, тогда мы еще поговоримъ!

Поселянинъ благополучно переѣхалъ, но уменьшилъ-ли онъ вѣсь свѣчи или нѣтъ—этого я узнать не могъ.

Какъ разрѣшится этотъ вопросъ—это оставимъ въ сто-ронѣ; но что еврейскій вопросъ былъ вообще возможенъ, но что, среди бѣлаго дня, въ присутствіи того поколѣнія, которое видѣло то, что видѣло, правоуравненіе евреевъ въ Германіи могло составить предметъ разбирательства, да еще съ сомнительнымъ рѣшеніемъ,—этого больше, нежели доволь-но, больше, чѣмъ слишкомъ!

Если антисемитамъ удалось, тѣ страны, гдѣ они имѣ-ютъ голосъ, какова Германія, Австрія, Венгрія, довести до злополучной роли, какую играла, 400 лѣтъ тому назадъ, Испанія, раскаивающаяся въ этой ошибкѣ и платящая за нее въ теченіи тѣхъ-же 400 лѣтъ, но имѣющая теперь благородную гор-дость сознаться громогласно въ своемъ раскаяніи и еще бо-лѣе благородное мужество—желать исправить это зло; если имъ удалось довести рыцарскую Венгрію до такого униженія, что она доставила сцену и актеровъ для разыгранія ужа-сающей подлостью комедіи; если они успѣли довести высоко-цивилизованную и высоко-интеллигентную Германію до того, что она насаждаетъ лозы своихъ христіански-соціалисти-ческихъ подвиговъ и приобрѣтеній, не только на собственной

своей почвѣ, но старается перевести культуру ихъ и по ту сторону Рейна, то это вѣроятно съ цѣлю осчастливленія сомнительныхъ успѣховъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи благодѣянїями постановленій своего рейхсрата, чтобы этимъ путемъ ускорить онѣмеченіе французовъ...

Если профессоры богословія, мужи, состоящіе одновременно на службѣ науки и религіи, опираясь на этотъ сугубый санъ, продаются въ услуженіе лжи и подлогамъ; ссылаясь на долгъ монаршей службы не брезгаютъ многократнымъ клятвopреступленіемъ, разумѣется—*ad majorem Dei gloriam*...

Если мы, то здѣсь, то тамъ, встрѣчаемъ народныхъ учителей, которые, вмѣсто того, чтобы просвѣщать и развивать молодое поколѣніе, приготавливая оное для высшихъ цѣлей человѣчества и человѣчности,—вмѣсто всего этого, говорю я, употребляютъ во зло воспримчивость школьнаго возраста, спутываютъ злонамѣренно понятія о долгѣ и правѣ, понятія о достоинствѣ и чести, а проявленія возмущеннаго самосознанія и правдолюбія юношества успокаиваютъ и отвлекаютъ недостойными остротами и циничными насмѣшками и продолжаютъ это благородное дѣло до тѣхъ поръ, пока имъ удастся наконецъ набрбовать цѣлую когорту, или вѣрнѣе, цѣлую орду молодыхъ рекрутовъ подъ знамена знаменитаго «Нер!-Нер!», пока удастся достаточно вымуштровать эту рать на спасеніе цивилизаціи и—вѣроятно—христианства...

Если представители народные, которые обязались клятвою—защищать права и собственность народа, ратовать за законный прогрессъ, быть поборниками всеобщаго благосостоянія, охранителями общественнаго мира и согласія, если тѣ-же довѣренные мужи сѣютъ зависть и несогласіе, провозглашаютъ ненависть и гоненіе, именуя ихъ во всеуслышаніе основнымъ условіемъ народнаго благоденствія... Если они опровергаютъ достойныя и честныя возраженія ретори-

кою базарныхъ сидѣлокъ или логическими доводами ослѣпленныхъ конюховъ... Если бѣшенство антисемитизма осмѣиваетъ и оплевываетъ не только всю правду гуманности, но и всякую логику здравомыслія... Если мерзость антисемитизма примѣняетъ эту шулерскую игру къ тяжело-завоеваннымъ благамъ человѣчества, къ которымъ стремились благороднѣйшіе люди всѣхъ вѣковъ и народовъ, за которыхъ проливали свою кровь самые мужественные народы всемірной исторіи... Если мы призадумаемся надъ этою мрачною измѣною противъ всѣхъ великихъ идей человѣчности...

Если все это..., то не долженъ ли каждый честный человѣкъ спросить: гдѣ, въ чемъ тѣ интересы, которые достаточно могущественны, довольно жгучи, чтобы испортить до такой степени людей, чтобы до такой степени опутать и запутать общественный разумъ, подкупить общественную совѣсть и общественную нравственность; чтобы полміра вытолкнуть изъ колеи справедливости и правосознанія?

Гдѣ тотъ индивидуализмъ, который достаточно самолюбивъ, достаточно циниченъ и развращенъ, чтобы цѣлый міръ принести въ жертву своему заблужденію, своему безумію?

А если эти интересы вызваны, сдѣланы, если этотъ индивидуализмъ явился, если онъ дѣйствуетъ, работаетъ, полагаясь на грубую силу всякаго «fait—accompli», не боясь общественнаго мнѣнія, не стыдась ни осужденія, ни презрѣнія всѣхъ благомыслящихъ, всѣхъ лучшихъ людей, то имѣютъ-ли эти благомыслящіе, эти лучшие люди право медлить? Не обязаны-ли они сейчасъ-же сплотиться со своей стороны и общими силами поставить предѣлъ этой гибели?

Не думаетъ-ли кто либо, что я стану теперь цитировать всѣхъ этихъ Либермановъ, Штѣккерровъ, Вагнеровъ, Вольфовъ съ ихъ благородными сподвижниками по идеѣ, по борьбѣ и по кабакамъ, или быть можетъ даже рыцаря фонъ-Шенереръ, или-же наконецъ, бряцающихъ шпорами кавале-

ровъ венгерской «пусты»... да постараюсь всю освѣтственность свалить на ихъ честныя и премудрыя головы?

Нисколько!

Эти головы всё таки не подходящи для подобныхъ плановъ; совѣсть подобныхъ людей едва-ли достаточно закалена для несенія подобныхъ тяжестей... Вѣдь, въ концѣ концовъ, были-же они когда-то сынами своего вѣка, нѣмецкими студентами; юношами, которые были во время оно вдохновлены идеалами гуманности... Вѣдь воспоминанія о благородной и честной юности должны-же были-бы отшатнуть ихъ со страхомъ и омерзениемъ отъ такого предательства, отъ подобнаго самооскверненія. Конечно, тщеславіе имѣеть, къ сожалѣнію, сильный голосъ и, коль скоро первые ряды заняты уже, а все-таки хочется сдѣлаться «замѣтнымъ», обратить на себя «вниманіе», тогда всякій путь, пожалуй, можетъ показаться хорошимъ, всякое направленіе дозволеннымъ, если только они ведутъ «вверхъ»... Такими путями антисемитизмъ заплучилъ ревностныхъ работниковъ, которые сумѣли вселить систему—въ безмыслицу, нарядить варварство въ современный модный костюмъ.

Несмотря на все это, не взирая на то, что они при-мѣшали сюда религію и благонравіе, общее благо и государственные интересы, цивилизацію и христіанство; не смотря на то, что успѣли завербовать себѣ массу приверженцевъ и непомѣрно по этому поводу заважничали, они все-таки представляли собою одни лишь «потерянные посты», выдвинутыя впередъ пугала, манекеновъ, героевъ народныхъ театровъ, годныхъ для подыманія шума и скандаловъ... Но руководящей мысли, окончательной цѣли они никогда не знали и не знаютъ! Для нихъ постижимы тѣ духи, на коихъ они сами похожи, но для нихъ непонятенъ тотъ страшный демонъ, которому они, сами того не зная, служатъ. Да! За внѣшними признаками, здѣсь скрываются совершенно инныя головы, таятся совсѣмъ другія цѣли: эта пустая и безцѣльная травля евреевъ,—пре-

словутыя Judenhetze,—составляютъ простое captatio benevolentiae для черни низшихъ и высшихъ классовъ; прологъ одной великой всесвѣтной трагедіи... На сценѣ великаго всемірнаго театра готовится къ представленію громаднѣйшій осколокъ средневѣковаго мрака... Высокоблагородное дворянство и вся почтеннѣйшая публика будутъ имѣть пріятное развлеченіе, не только на нѣсколько часовъ; они такъ живо всѣмъ этимъ заинтересованы, они до такой степени будутъ чувствовать себя въ самомъ ядрѣ средневѣковой жизни, что они тамъ совершенно застрянутъ, а доски, представляющія собою свѣтъ, сольются вполнѣ съ настоящимъ, дѣйствительнымъ міромъ... За входъ—entrée—будутъ уплачивать лишь по окончаніи спектакля и, смотря по обстоятельствамъ, даже со скидкою съ объявленныхъ цѣнъ.

Смотрите: уже цѣлый рядъ лѣтъ, по всѣмъ большимъ городамъ Европы, въ особенности въ Берлинѣ, шныряютъ извѣстныя темныя личности, которыхъ паспорта всегда въ самомъ образцовомъ порядкѣ и которыя вообще остерегаются прійти въ какое-либо соприкосновеніе съ обыкновенною полиціею или-же какимъ-либо инымъ образомъ обратить на себя публичное вниманіе. Это все—весьма умные, весьма ловкіе режиссеры жизненныхъ театровъ, воспитанные въ старой школѣ, но знающіе очень хорошо вкусъ, направленіе, наклонности, тонъ, даже слабости нашихъ дней и отлично умѣютъ со всѣмъ этимъ считаться. Если обстоятельства потребуютъ, они умѣютъ уклоняться отъ строго-классической школы и становятся очень-новомодными; но такое измѣненіе должно быть ими непременно признано, одобрено, санкціонировано, въ противномъ случаѣ, оно принуждено выдерживать съ ними тяжкую борьбу, которая можетъ затянуться на долгія, очень долгія, неисчислимыя времена... Ибо господа эти, какъ говорятъ, бессмертны и въ нѣкоторомъ смыслѣ всемогущи; они не боятся никакого труда, потому, что имѣютъ достаточно силы; они не отступаютъ

ни предъ какимъ препятствіемъ, такъ какъ располагають достаточными средствами для устраненія его; они не обезкураживаются никакою неудачею, поелику у нихъ есть достаточно терпѣнія и времени, чтобы всякій разъ начинать сызнова... А если они подчасъ и измѣняютъ свои пути, то никогда не отказываются отъ основнаго направленія, а еще менѣе отъ намѣченной цѣли. Они до того неразборчивы въ средствахъ, что, еще тому недавно, слѣдуя данному имъ со стороны совѣту: «Если гора не хочетъ прійти къ Магомету, то Магометъ долженъ прійти къ горѣ!», нашли совершенно подходящимъ такой вольтъ: такъ какъ «Онъ» не хотѣлъ отправиться въ Каноссу, то Каносса должна прибыть къ «Нему»...

Кому-то придется со временемъ уплатить издержки переѣзда?!

При всемъ томъ работа темныхъ мужей идетъ спокойно впередъ, какъ хорошо смазанная, вѣрно пригнанная во всѣхъ частяхъ машина и если-бы одинъ изъ ея передовыхъ постовъ, увлекшись чрезмѣрнымъ рвеніемъ, не проболтался-бы преждевременно, то мы едва-ли до сихъ поръ попали-бы на настоящій слѣдъ и по сіе время считали-бы перепечатку, или вѣрнѣе простой оттискъ великаго произведенія за настоящій подлинникъ.

Что именно случилось, мы собственно не знаемъ. Или маленькій Самсонъ, пытавшійся потрясти желѣзные ворота объединенной Германской Имперіи, желая, подобно троянскому герою, оповѣстить свое торжество въ звучныхъ словахъ, слишкомъ подался рвенію, забылся, вышелъ изъ своей роли и высказалъ слишкомъ много? Или, быть можетъ, эта забывчивость и чрезмѣрная болтливость именно входили въ его роль, чтобы привлечь къ себѣ общее вниманіе, отвлекая его отъ другихъ пунктовъ!

Какъ бы то ни было, мы слышали отъ этого передоваго застрѣльщика достаточно, чтобы имѣть возможность

раскрыть новой нѣмецкой имперіи ея гороскопъ, то есть въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ согласуется съ ея расчетами:

«Погруженный въ мертвенно матовое освѣщеніе багрово-вечерней зари, лежитъ вдали Берлинъ. Ночныя птицы, обыкновенно пробирающіяся лишь украдкою сквозь густой сумракъ, летаютъ себѣ свободно, спокойно, безбоязненно и привольно... Вдругъ Вильгельмштрассе загудѣла громомъ оружія; мостовая дрожитъ подъ желѣзными шагами набожныхъ ландскнехтовъ и подъ подковами ихъ коней... Тяжелыми волнами сливаются эти массы внизъ по «Липамъ», изумленные невиданнымъ ими до того великолѣпіемъ или изумленные тѣмъ, что сами вдругъ тамъ очутились, онѣ пожираютъ алчными очами блестящіе дома и магазины... Старый Фрицъ глядитъ на эти невозможныя фигуры; онъ срыгаетъ, тормозитъ и пришпориваетъ своего желѣзнаго коня; но вѣрная боевая лошадь, которая когда-то такъ весело ржала, почуявъ близкаго врага, теперь стоитъ неподвижно, и не хочетъ тронуться съ мѣста... Или члены ея оцѣпенѣли отъ продолжительнаго стоянія? А можетъ быть они умышленно привязали или приковали обоихъ, и коня, и всадника: пусть—моль знаютъ, пусть свычнутся съ мыслию, что они оба—мертвы...

«И дальше катятся колонны, а стѣны новаго императорскаго дворца слышать то, чего онѣ никогда не слышали и не надѣялись никогда услышать, когда еще были стѣнами стараго королевскаго дворца. Ихъ окна дрожатъ отъ боеваго возгласа: «Nie Welf! Nie Waibling!»...

Имѣете-ли вы понятіе о томъ, какими астрологами сочиненъ этотъ гороскопъ?

Смотрите: вотъ, каковы эти мужи, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло; это ихъ мысли, ихъ планы и стремленія! Они научаютъ и направляютъ нашихъ крикуновъ и ораторовъ, нашихъ народныхъ предводителей и патриотовъ, которые надуваются, подобно знаменитой лягушкѣ,

въ своемъ самомнѣннн и эфемерномъ величїи, въ своемъ довольно хорошо заученномъ театральномъ пафосѣ.

Да! Таковы они, наши герои!

Конечно, у нихъ есть въ Германїи кое-какіе предметы для мщенїя. Гогенштауфеновъ они еще по нынѣ не могутъ переварить... Чего добраго, Гогенштауфены, быть можетъ, опять воскресли! Еще меньше они могутъ отдѣлаться отъ неприятнаго для нихъ воспоминанїя о томъ маленькомъ нѣмецкомъ городишкѣ, гдѣ стояла когда-то колыбель того великаго мужа, который пробилъ неисправимую брешь въ ихъ дѣлѣ.

Но, быть можетъ, довольно того, что имъ удалось направить великій успѣхъ на такіе пути, гдѣ онъ уподобляется концентрированному регресу или, по меньшей мѣрѣ, невинному застою, какъ одно яйцо похоже на другое... И кто знаетъ, какія тихія вождедѣнія живутъ въ благочестивыхъ сердцахъ нѣкоторыхъ людей; желанїя, о какихъ великій реформаторъ даже и не помышлялъ въ то время, когда онъ сочинялъ свой стихъ:

«Нѣтъ въ мірѣ попа, который столь малъ,

«Что сдѣлаться Папою бы не желалъ!»

(Es ist kein pfäfflein noch so klein,

Das sich nicht wünschte Papst zu sein.)

Да! Пусть бы удовольствовались тѣмъ, что довели ревностныхъ людей до того, что они, съ потупленными смиренно глазами, съ обязательными благочестиво—медоточивыми фразами на устахъ, сознаютъ величіе своей миссїи; что они превосходятъ въ священномъ рвенїи самихъ себя и поступаютъ чернорабочими въ услуженїе такихъ плановъ и цѣлей, которые право не дѣлаютъ имъ самимъ великой чести и столь-же мало служатъ благу ихъ дѣла.

Да! Пусть они довольствуются тѣмъ, что честные нѣмцы, видящіе нѣсколько глубже, не имѣютъ теперь лучшаго желанїя, какъ-то, чтобы ихъ край, умѣвшій такъ хорошо за-

щищаться противъ своихъ враговъ, умѣлъ бы столь-же успѣшно оберегаться отъ своихъ друзей; чтобы они могли усыпить сторожей Сїона, а сами стояли-бы бдительно на сторожѣ.

О, эти господа хорошо сохранили свое старинное мастерство; да удовольствуются-же они этимъ триумфомъ!

У кого глаза есть, тотъ очень хорошо видитъ, что антисемитизмъ не есть оригинально—нѣмецкое произведенїе. Это—искусственная поддѣлка, это—подкидышъ, самозванецъ... и если исторїя представляетъ примѣры, гдѣ дипломаты и ученые принимали сторону самозванныхъ претендентовъ, то эти дипломаты и ученые могли ошибаться, но ошибки ихъ были во всякомъ случаѣ честны.

Мы можемъ лишь желать, чтобы нѣмецкіе мужи, принявшїе сторону претендента, котораго они даже и не знаютъ, но который хотѣлъ-бы поставить къ верху ногами всю цивилизацію, имѣли хоть за собою оправданїе *честной ошибки*. Но они сочиняютъ для него ложную генеалогїю, встрѣчаютъ его съ восторгомъ, пальмы ему преподносятъ и поютъ *осанна*. Нѣмецкіе филистеры усыновляютъ его, нѣмецкія няньки воспитываютъ и взлелѣиваютъ его; нѣмецкіе наемники обучаютъ его хорошимъ манерамъ и популярности... Разумѣется, все это—нѣмецкіе филистеры, нѣмецкія няньки, нѣмецкіе, хорошо оплачиваемые, наемники, да! Однагожь нѣмецкіе мужи, мужи нѣмецкой чести, мужи здравомыслїя, мужи истиннаго народнаго достоинства, мужи самостоятельности и самоуваженїя, мужи безъ заднихъ мыслей, — тѣ никогда его не признавали. Вѣдь назвалъ же его первый человекъ Германїи «позоромъ для отечества». Правда, онъ могъ бы сказать гораздо больше; но Гогенцоллернъ, мужъ, въ жилахъ котораго течетъ кровь Фридриха Великаго, не знаетъ страха, не признаетъ опасности; въ его лексиконѣ не помѣщено это слово и доколѣ клинокъ его шпаги твердо держится рукояти, доколѣ онъ представляетъ собою твердый

оплотъ для своихъ гражданъ, доколѣ онъ олицетворяетъ собою надежную защиту нѣмецкой чести и нѣмецкаго здраваго смысла, до тѣхъ поръ тайные подпольные враги могутъ сколько угодно ползать вокругъ него и подъ его стопами — онъ не удостоитъ ихъ своего вниманія!

Мы, обыкновенные смертные, видимъ однакожь въ этомъ ублюдеѣ старинной ненависти съ новымъ лицемѣриемъ — опасность, мало того — несчастіе для Германіи, которое тѣмъ болѣе совпадаетъ съ этими высокими воззрѣніями, что, въ глазахъ будущаго императора, не можетъ быть большаго несчастія, какъ стыдъ и позоръ Германіи.

Такимъ образомъ антисемитизмъ уже напередъ осужденъ; далъ бы Господь, чтобы вмѣстѣ съ нимъ было осуждено и то дѣло, къ которому онъ служить введеніемъ!

Правда, отъ осужденія до исполненія приговора — одинъ только шагъ, но все таки шагъ, а этотъ шагъ надо еще сдѣлать. Но нашъ нѣмецкій народъ есть народъ по преимуществу осмотрительный; онъ хочетъ имѣть достаточно времени для достаточнаго размышленія и обдумыванія на досугѣ; потомъ ему опять нужно еще время для принятія окончательнаго рѣшенія, а затѣмъ еще достаточно времени для приведенія въ исполненіе.

Далѣе, нельзя отрицать, что антисемитизмъ вѣлся въ плоть народа больше и глубже, нежели мы сначала думали; что его возбужденное состояніе, его скандалы стали излюбленною привычкою, а нѣмецъ весьма трудно и неохотно разстается съ излюбленными привычками, тѣмъ болѣе, если онѣ нашли себѣ уютный уголокъ въ его лонѣ и если онѣ ему приходятся по вкусу... А такая небольшая травля жиждовъ, какъ она для него пріятна! Какъ она возвышаетъ его благочестиво-германское, платящее подати и налоги, самосознаніе! Какъ она согрѣваетъ его сердце, точно настоящій нравственный абсентъ! Какъ сладостно и самодовольно подшитое ватю бюргерство созерцаетъ подобную суматоху,

не рискуя ни единымъ оконнымъ стекломъ... А съ какимъ удовольствіемъ послѣ того прочитывается эта же «исторія», когда на слѣдующій день «тетенька-Фоссъ» или который-либо изъ макулатурныхъ дядюшекъ сервируетъ ее подъ пикантнымъ соусомъ и съ надлежащими репортерскими каперцами... И чтобы отъ всего этого, такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего, отказаться?! И ради чего? Вслѣдствіе прекраснаго, высокаго слова, которое, въ концѣ концовъ, еще не облечено пока въ форму повелѣнія?! Это еще требуетъ разсужденія... И это еще будутъ обдумывать!...

О, слѣпцы! Они не сознаютъ, что творятъ; они и не предчувствуютъ сами, что готовятъ; они не видятъ, что подвергаютъ сомнѣнію свое собственное равноправіе, свою собственную будущность. Они не умѣютъ сообразить, что стоитъ имъ вырвать лишь одинъ камень изъ зданія права и закона, сейчасъ найдутся готовые руки, которыя станутъ подкапываться дальше, отрывая осколокъ за осколкомъ и все зданіе рухнетъ надъ ихъ головами и похоронитъ ихъ подъ своими развалинами.

Да! Они не соображаютъ, что господа антисемиты, вмѣстѣ съ разрушеніемъ гражданскихъ правъ еврея, уничтожатъ правовой принципъ равенства всѣхъ гражданъ предъ лицомъ закона. Теперь, когда вся исторія касается только евреевъ, она не стоитъ вниманія; но что будетъ завтра, когда она стрясется и надъ другими? И понятно: гдѣ такой принципъ разшатывается, то послѣдствія начинаютъ вскорѣ, то тамъ то сямъ проявляться. Сегодня показывается трещина здѣсь, завтра тамъ, а когда уже доброе старое время возвратилось, то сейчасъ вспомнить, что нѣмецкій народъ состоитъ собственно «крѣпостнымъ» всѣхъ благородныхъ «господъ»... По нѣмецки это называется *Leibeigen*, то есть *собственность* въ полномъ смыслѣ, съ тѣломъ и жизнію, съ состояніемъ и имуществомъ, съ тощими лошаденками, съ изсохшею скотинкою, съ рослыми парнями и еще съ кое-чѣмъ другимъ, что не совѣстились называть «jus». Какъ это тебѣ

понравится, любезный мой филистеръ? Но, когда, «горятъ зеленые кедры, что творится съ изсохшимъ исопомъ^{*)} въ трещинѣ стѣны?»

Назовете меня зловѣщимъ ворономъ? Нѣтъ, я не зловѣщій воронъ и не желаю имъ быть! Напротивъ того, я хочу предохранить отъ несчастія и потому предостерегаю; потому я взываю къ спящему сомнамбулисту доколѣ онъ стоитъ еще на ровной землѣ, ибо послѣ, когда онъ уже очутится на головокружительной вышинѣ, тогда уже поздно будетъ кричать: пробужденный, онъ можетъ свернуть себѣ шею!

Итакъ я говорю тебѣ, нѣмецкій народъ: принявши къ себѣ несправедливость, ты приютишь у себя невѣрнаго слугу, который вскорѣ выступитъ противъ тебя открыто и дастъ тебѣ почувствовать, что ты въ его рукахъ. Испуганный неожиданнымъ непослушаніемъ, ты станешь жаловаться на неблагодарность, на несправедливость свѣта и людей. Но какъ тебѣ придется по вкусу, когда онъ тебѣ отвѣтитъ:

— «Если кто самъ играетъ фальшивыми картами, то не имѣетъ права жаловаться, когда онъ въ концѣ-концовъ самъ будетъ обманутъ. Если же ты самъ говоришь о несправедливости, то знай, что я—правосудіе и меня подчасъ называютъ возмездіемъ.»

А потому опять восклицаю: нѣмецкій народъ, берегись! Противъ тебя замышляютъ недоброе! Тѣ, которые казались твоими друзьями,—это твои враги! Они пользуются твоей слабою стороною, твоимъ нерасположеніемъ къ евреямъ, чтобы тѣмъ легче и скорѣе поймать тебя на приманку, чтобы тѣмъ вѣрнѣе опутать и чтобы тѣмъ плотнѣе и глубже нахлобучить тебѣ на глаза твой ночной колпакъ... «Баю-баюшки-баю! Спи, дитятко, баю!» Ну, если тебѣ хочется

^{*)} Узор, — *Hussopus officinalis* L., кустарное растение, культивируемое между прочимъ въ Германіи и растущее дико въ развалинахъ старыхъ строеній, замковъ, крѣпостей.

спать, спи себѣ съ Богомъ; но постарайся увидѣть во снѣ по крайней мѣрѣ что нибудь пріятное, ибо твое пробужденіе будетъ очень плохо.

Конечно, я не могу допустить и мысли, что-бы ты со мною, съ евреемъ, да къ тому-же столь давно живущимъ вдали отъ родины, съ евреемъ, который, пожалуй, уже и не знаетъ, какъ разговаривать со своими земляками, которые между тѣмъ тоже перемѣнились, стали гордыми, важными и спѣсивыми, чтобы ты со мною былъ откровеннѣе и довѣрчивѣе, чѣмъ съ твоими преданными, хорошо знакомыми, испытанными друзьями. Но если ты захочешь надъ этимъ хоть немножко призадуматься, то сообрази: что стоитъ на картѣ здѣсь и что—тамъ. Ну-съ, ты знаешь приблизительно, что должно и можетъ выйдти изъ того, если твои друзья правы, именно—въ ихъ іудефобіи? А ты все таки внимаешь голосу правосудія, справедливости, человѣчности и разсудка... А если самое дурное наступитъ, то есть, если еврей будетъ тебя и впередъ эксплуатировать и, при помощи своихъ уловокъ и хитростей, похититъ у тебя нѣсколько марокъ, что впрочемъ еще вопросъ, ибо ты, въ концѣ концовъ, тоже не пришибленный, да и жида не особенно объѣлишь умомъ и хитростію... «Сегодня мнѣ, завтра—тебѣ», это вѣдь старинная нѣмецкая поговорка. Доказательство подъ рукою: еврей столько вѣговъ уже практикуются въ своей пресловутой хитрости, а все таки, за исключеніемъ немногихъ, весьма немногихъ богачей и, скажемъ, нѣсколькихъ эксплуататоровъ и пѣвоковъ, они едва-едва состоятельны, въ громадномъ-же большинствѣ бѣдны, между тѣмъ какъ ты живешь въ довольно зажиточномъ положеніи... Такъ, по всей вѣроятности, останется и впредь.

Но если я правъ, а ты все-таки послушаешься твоихъ друзей,—ты знаешь, что тебя, болѣе чѣмъ вѣроятно, ожидаетъ, а воспоминаніе о томъ, что ты былъ предостерегаемъ,

да не внялъ голосу предостереженія, будетъ еще солью на твоихъ язвахъ!

Въ общемъ, мнѣ думается, съ тобою случилось то, что бываетъ съ людьми, понавшими, безъ своего желанія и вѣдома, въ многолюдную толпу, въ многочисленное скопище: все кричить, галдить, горланить... Вотъ они тоже принимаютъ участіе въ этомъ крикѣ, въ галдѣннн, сами не зная почему и зачѣмъ. Если всѣ толкаются, дерутся,—они тоже начинаютъ толкаться и драться. Во всемъ этомъ заключается что-то заразительное. На другой день, проснувшись, вы чувствуете, что и вамъ достались порядочные толчки, которыхъ вы не чувствовали и не замѣтили среди общей суматохи. Вы растираетесь уксусомъ, дѣлаете себѣ примочки и все опять обстоитъ благополучно... Ты то-же когда-нибудь проснешься, прибѣгнешь тоже къ помощи крѣпчайшаго уксуса; но поможетъ-ли онъ тебѣ—это еще большой вопросъ!

Тѣ-же, которые затѣяли и подготовили всю «исторію», не нуждаются вовсе ни въ какомъ уксусѣ: настроивши все на должный путь, подогнавши всю эту суматоху, они преспойно испаряются, потираютъ втихомолку руки и послѣ, сгорчивши любопытную фізіономію, выслушиваютъ подробное повѣствованіе о случившемся...

Очень быть можетъ, что въ основаніи всего дѣла лежитъ еще болѣе печальная истина. Именно: опытомъ доказано, что человѣкъ стоящій спокойно на безопасномъ берегу, съ извѣстнымъ наслажденіемъ слѣдитъ за борьбою съ бурей и волнами судна, выбивающагося изъ силъ, чтобы войти въ пристань и постоянно отбрасываемаго могучей стихіей въ открытое море. Наблюдатель далекъ отъ желанія погибели судну, но горестное положеніе и паническій страхъ бѣдныхъ пассажировъ нѣкоторымъ образомъ его «забавляютъ» и въ этомъ онъ не видитъ ничего дурнаго: вѣдь отъ этого

положеніе судна не ухудшается... А все таки, по моему, это ихъ сердцу чести не дѣлаетъ!

Видите-ли, какія мысли проходятъ быстрыми рядами въ моей головѣ, словно узоры и цвѣта въ калейдоскопѣ, когда я съ глубокою болью вспоминаю о томъ, что сдѣлали изъ Германіи моихъ молодыхъ лѣтъ!

И вотъ опять ко мнѣ является мысль, которую я весьма охотно изгналъ-бы или хоть подавилъ-бы. Но подобныя мысли похожи на шарики ртути: вотъ-вотъ, кажется—поймали, а онѣ ускользаютъ у васъ изъ подъ самого пальца и мигомъ оказываются гдѣ-то въ другомъ углу комнаты, словно насмѣхаясь надъ вами.

Моя ртутная мысль состоитъ вотъ въ чемъ именно: человѣческой натурѣ присуще то странное свойство, что страдальцу ни за что не хочется страдать одному. Ему это не поможетъ, но все таки какъ-будто легче, если онъ знаетъ, что имѣетъ бокъ-о-бокъ товарищей по страданіямъ. Если-же, вдобавокъ, эти товарищи—не просто товарищи, а люди ему подвластные, на которыхъ онъ можетъ сорвать свое расположеніе духа, надъ которыми онъ можетъ дать волю своему произволу, съ которыми онъ,—рабъ относительно сильнѣйшихъ, можетъ разыграть тирана относительно слабѣйшихъ, тогда дѣло еще сподручнѣе: среди наслажденій тирана, онъ забываетъ мученія раба и почти доволенъ своимъ собственнымъ печальнымъ положеніемъ.

Печально это или нѣтъ,—все равно; это фактъ и я этимъ никого не думаю попрекать или укорять, разъ это законъ природы, или вѣрнѣе—погрѣшность природы, что рабу свойственно быть мелочнымъ, узко—сервильнымъ, а великъ только человѣкъ свободный: онъ широко—свободенъ!

Однакожь, если рабъ (въ оковахъ или безъ оковъ—это безразлично!), по какому-либо случаю становится человекомъ свободнымъ, тогда мы имѣемъ право ожидать отъ него чего-то высшаго, свѣтлаго. И очень понятно: такъ какъ

рабскому тѣлу прощается рабскій духъ, то въ освобожденномъ тѣлѣ обязательно должна царить свободная душа, желающая искренно, чтобы все окружающее наслаждалось счастьемъ свободы.

Если-же передъ нами народъ, которому, благодаря быстрому измѣненію благоприятныхъ обстоятельствъ, посчастливилось приобрести свободу и онъ, вмѣсто того, чтобы распространить это счастье и на своихъ прежнихъ товарищей по страданіямъ, боровшихся впрочемъ наравнѣ съ нимъ за это благо, вдругъ отталкиваетъ ихъ и говоритъ имъ съ цинической насмѣшкою: «Шалишь, братъ! это блюдо не для тебя!», право—такой народъ и при свободѣ не свободенъ! Его плоть, правда, освободилась, но духъ его, какъ былъ, такъ и остался рабомъ!

Но погодите... Извините меня, милые бывшіе земляки! Позвольте выразиться яснѣе. Если я говорю *народъ*, то я разумѣю не *настоящій народъ*, не тебя, честное сельское сословіе, среди котораго я самъ выросъ, которе я знаю, какъ самого себя; не тебя, честный чернорабочій съ огрубѣлою мозолистою рукою и съ мягкимъ сердцемъ; не тебя честный гражданинъ—бюргеръ,—для кого существуетъ одинъ девизъ: «Ein Mann—ein Wort oder ein Hundsfott!»; не тебя, ты скромный, честный пролетарій умственной работы, исполняющій въ тиши и уединеніи свой долгъ и, въ сознаниі этого, довольный своею участію... Я разумѣю всѣ тѣ болѣзненные натуры, тѣ золотушные нарывы общества, которые, по свойству каждаго нарыва, стремятся къ возвышенію, къ процвѣтанію! Но такихъ народъ не долженъ терпѣть; онъ не долженъ допускать, чтобы они осгверняли его честную кожу своимъ отвратительнымъ лакомъ. Противъ нихъ-то ты обязанъ протестовать, какъ ты это уже и дѣлывалъ, и не имѣешь права успокоиться, пока они не исчезнутъ, а ты снова явишься въ твоей старой, здоровой, честной шкурѣ. Ты такъ обязанъ поступить и ты такъ посту-

пишь и, во имя этого, жму я издалега твою честную руку.

Надо однакожь съ нашей стороны честно сознаться: какъ ни жалокъ весь этотъ антисемитизмъ, нельзя въ свою очередь не сказать, что еврей его отчасти вызвали своею большею или меньшею безтактностію и разными глупостями въ своемъ общественномъ поведеніи. Если я говорю—еврей, то это касается только нѣкоторыхъ; но человекъ иногда по неволѣ вовлекается въ ошибки окружающей его среды и его собственные друзья подчасъ вписываютъ въ его счетъ то, что нагрѣшили отдѣльныя, единичныя личности.

Если, на примѣръ, какой-нибудь биржевой тузъ, выросшій и разжирѣвшій скоропостижно, послѣ того какъ онъ только наканунѣ былъ разносчикомъ лотерейныхъ билетовъ или тому подобныхъ мелочей, сегодня-же развѣзжаетъ по улицамъ, развалившись на мягкихъ подушкахъ роскошнаго экипажа, или же спѣсиво красуется въ оперной ложѣ; неужели это не должно породить извѣстное чувство неудовольствія въ простомъ гражданинѣ, который, не смотря на трудлюбіе и усиленную работу, не можетъ подняться выше самыхъ скромныхъ обстоятельствъ? Не должно ли это породить зависть въ чиновникѣ, который трудится съ утра до ночи, отравляетъ свои легкія архивною пылью и очень доволенъ, если можетъ вечеромъ отправиться куда нибудь пѣшкомъ, чтобы хоть одинъ часъ подышать свѣжимъ воздухомъ?

Я не повторю, вслѣдъ за г. Гартманомъ, этимъ блистательнымъ діалектикомъ, что еврей должны купить себѣ расположеніе туземныхъ жителей, жертвуя своимъ національнымъ и личнымъ достоинствомъ. Это было бы самое безчестное торгашество... Но извѣстная скромность, извѣстная осторожность и внимательность по отношенію къ общественному настроенію, скажемъ даже—по отношенію къ общественному нерасположенію, каковы-бы ни были его причины и поводы, была бы гораздо болѣе къ лицу евре-

ямъ; это было бы во всякомъ случаѣ практично и благоразумно, такъ какъ они лишили бы враговъ своихъ того предлога, какимъ они пользуются во вредъ имъ. Еврей-же, полагаясь на надежность, на неприкосновенность своего законнаго положенія, считаютъ это за трусливую слабость; они полагаютъ, что, въ границахъ законности, они имѣютъ право жить, какъ имъ нравится. Въ сущности они разсуждаютъ правильно; но если многіе другіе, если даже значительное большинство разсуждаетъ неправильно, или даже фальшиво и слѣдуетъ этому разсужденію на практикѣ, утверждая, что единожды—одинъ=ничего, тогда что?

Много столѣтій тому назадъ, одинъ изъ нашихъ мудрецовъ изрекъ слово глубоко осмысленное: «Скромность очень къ лицу израилю, подобно тому, какъ красная уздечка бѣлому коню.» (Chagiga; Fol. 9, b.)

Конечно, конь не родился на свѣтъ съ уздечкою и вѣроятно никоимъ образомъ не можетъ постигнуть, почему уздечка предназначена именно для его челюстей: есть-же многіе, гораздо болѣе опасные звѣри, которые однакожь ходятъ на свободѣ! Но мудрецы наши полагаютъ, что, какъ лошадь выигрываетъ много для себя и другихъ, если ея необузданность обуздана, такъ точно и израиль можетъ только выиграть для себя и для другихъ, если онъ усмиряетъ извѣстныя наклонности удилами и возжами скромности.

Съ такую именно лошадью у меня былъ когда-то разговоръ. Она всегда задирала высоко-высоко голову каждый разъ, когда я только хотѣлъ наложить на нее уздечку. Тутъ я объяснилъ ей, что ея поведеніе вовсе неблагопристойно; что ей-бы необходимо дать себя обуздать; что безъ узды невозможно ѣздить верхомъ... И что, вы думаете, отвѣтило мнѣ это животное?

— И потому я должна дать взуздать себя? Вовсе не вижу этой надобности! Да я вообще не усматриваю необходимости, чтобы на мнѣ развѣзжали верхомъ. Всѣ они дума-

ютъ на мнѣ ѣздить. Добро-бы, если бы еще какой-нибудь разумный всадникъ, который умѣлъ бы со мною обращаться; который зналъ бы, чего отъ меня требовать! Ну, куда ни шло! А то каждый дуралей, каждый школяръ, каждый плохой ѣздокъ, которому вздумается пофрантить, считаетъ себя въ правѣ развѣзжать на мнѣ... Это уже черезчуръ? Вообще, поразсудивши хорошенько объ этомъ дѣлѣ, я полагаю, что свѣтъ могъ бы прекрасно существовать себѣ, если бы всякій ходилъ на своихъ собственныхъ ногахъ... Гм! Шпоры... кнуты... Да развѣ я родилась на свѣтъ съ сѣдломъ на спинѣ, а всѣ эти господа со шпорами на пяткахъ?

Изумленный этимъ разсужденіемъ, я отступилъ въ смущеніи и долго еще думалъ объ этомъ четвероногомъ діалектикѣ. И мнѣ приходило въ голову, что въ этакой лошадиной головѣ подчасъ вмѣщается несравненно больше логики, нежели въ любомъ изъ ея наѣздниковъ. Да! И «философія сознательнаго» — тоже не безъ основанія!

Еще многія мысли, которыя можно бы сюда присоединить, я предоставляю тебѣ самому, почтенный мой читатель. Это весьма плодосная почва вообще, заниматься изученіемъ изрѣченій, наставленій и параболъ древнихъ мудрецовъ.

Какъ бы то ни было и въ чемъ бы тутъ ни лежала вина,—въ безтактности, нескромности нѣкоторыхъ евреевъ, или въ дикости и зависти ихъ противниковъ, или-же, что мнѣ мнится гораздо вѣрнѣе, быть можетъ раки совсѣмъ не тутъ зимуютъ, но, во всякомъ случаѣ, дѣло обстоитъ очень плохо, ибо это, къ несчастію, старая-престарая истина, что «одна дюжина гнилыхъ яблокъ прежде заразить тысячу здоровыхъ, нежели тысячи здоровыхъ успѣютъ излѣчить эту одну больную дюжину!» А, къ сожалѣнію, больныхъ — не одна дюжина на свѣтѣ и гниль распространяетъ заразу все дальше и дальше.

Тебѣ, любезный читатель, хорошо извѣстно, что разстояніе въ пространствѣ и во времени можетъ идеализировать

всякія отношенія... Потому я, такъ давно и такъ далеко отдаленный отъ моей родины, очень хотѣлъ бы смыть съ нея до-чиста печальную славу изобрѣтенія антисемитизма. За одну услугу мои неродные—родичи, быть можетъ, не особенно были бы мнѣ благодарны. Но я, сидя часто среди полуночной тиши, далеко отгоняю отъ себя всѣ приведенныя выше мысли и стараюсь докопаться до другихъ причинъ, до другихъ источниковъ, изъ коихъ вытекаетъ, быть можетъ, ненависить къ евреямъ и мнѣ не разъ кажется, что я открылъ эти источники, эти причины, въ реализмъ въка и что, такимъ образомъ, онѣ не принадлежатъ именно Германіи—*какъ Германіи...*

Да! Реализмъ или «практическое направленіе» — это есть именно та сила, которая простираетъ свое вліяніе на весь міръ; она подчинила этому своему вліянію и нѣмецкій народъ и сдѣлала изъ него народъ *практичный*, первое движеніе котораго состоитъ въ настоящее время въ томъ, что онъ подымаетъ кверху руки и протягиваетъ, расправляетъ ихъ мышцы въ недвумысленной жестигуляціи. Въ прежнее время, съ каждымъ нѣмецкимъ бюргеромъ можно было вести серіозный разговоръ; даже рабочіе, ремесленники, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые ведутъ сидячую жизнь, охотно пускались бывало въ поучительную бесѣду и, во время моихъ студенческихъ прогулокъ (тогда молодое студенчество еще путешествовало *per pedes apostolorum!*), я часто натыкался на подтвержденіе этого факта... Одни лишь ломовые извозчики не выходили изъ уровня своихъ лошадей... Теперь, увы! одни лишь жида и французы представляютъ собою тему для дискурсовъ и къ нимъ-то, по всей вѣроятности, относятся упомянутыя выше движенія мускуловъ.

Въ прежнія времена, бывало, этакой молодой, пылкой студентикъ, этакой живой клочекъ поэзіи, съ открытой грудью, съ открытымъ сердцемъ, съ открытою мыслию, съ открытою мечтательностью жизненной силы, пилигримство-

валъ себѣ съ узелкомъ на плечахъ, размахивая своею рапирою и выдѣлывая ею на воздухъ разныя *терціи* и *высокія кварты*. Когда-же онъ почувствовалъ усталость—тоже не бѣда: онъ растягивался преспокойно на муравѣ, принималъ удобнѣйшую позу, а не одна яблонь сочувственно обсыпывала своимъ цвѣтомъ юнаго мечтателя, который, отдыхая въ ея роскошной тѣни, сочинялъ стихи, записывая сочиненное въ бумажникъ и—плакалъ. О! народъ знаетъ, изъ какой среды избирать себѣ любимцевъ!.. Не даромъ Шиллеръ сдѣлался по преимуществу поэтомъ народа! Въ словахъ этого пѣвца:

«Поцалуй сей—милліонамъ,
Міру изъ конца въ конецъ!
Подъ звѣздистымъ небосклономъ
Долженъ добрый жить отецъ!»*)

отражается словно въ зеркалѣ, вся внутренняя незапятнанная, душевная жизнь нѣмецкаго студента. Сколько вдохновенія, сколько восторга въ этомъ взрывѣ юношескаго, жаждущаго любви сердца, этой чистой, не лживой, вбрующей души лучшаго и честнѣйшаго изъ народныхъ пѣвцовъ Германіи. Это ему однако-жь нисколько не мѣшало, сидя вечеромъ съ добрыми товарищамъ, могущественнымъ, истинно-пивнымъ басомъ, рычать «*Lützow's wilde Jagd*»... И тутъ, и тамъ вы видѣли того-же нѣмецкаго студента душою и тѣломъ.

Бренчали у него въ карманѣ монеты, свистала-ли тамъ пустота—для него все это было «наплевать». Онъ себѣ невозмутимо заходилъ къ пастору, къ старостѣ или

*) Вотъ подлинникъ:

Seid umschlungen Millionen;
Diesen Kuss—der ganzen Welt..
Brüder, unter'm Sternenzelt
Muss ein guter Vater wohnen!

Читатель извините за неточность перевода. Смысль переданъ!

къ первому попавшемуся поселянину—вездѣ для него находилась миска кислаго молока съ чернымъ хлѣбомъ.. Онъ такимъ образомъ утолялъ прекрасно свой голодь, а при уходѣ карманы его были несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ минуту прихода, ибо хозяйка уловчилась всунуть ему уградою какое-нибудь большущее яблоко или нѣсколько штукъ козьяго сыру. Вѣдь это студентъ, а у нея у самой тоже есть сыночекъ въ «наукѣ»: другіе добрые люди гдѣ нибудь и какъ нибудь оплатятъ ея «мальчику» за то, что она теперь дѣлаетъ для этого чужаго.

Совсѣмъ иначе теперь, когда этотъ гадкій реализмъ надѣлилъ весь свѣтъ желѣзными дорогами, теперь уже студентъ не имѣетъ достаточно времени для путешествія по образу пѣшаго хожденія. Теперь, еще за недѣлю до начала каникулъ, онъ предусмотрительно пересчитываетъ припасенную *цѣну третьяго класса*; угладываетъ заботливо свой *челоданчикъ* и приказываетъ доставить себя на *станцію назначенія*, безъ удовольствія и пѣсенъ, безъ благоуханнаго воздуха и поэзіи, безъ «поцалуя на весь міръ», безъ «лютовской охоты», безъ знаменитаго «яблока и козьяго сыра», совершенно какъ всякое, обыкновенное «товарное мѣсто». Если въ вагонѣ завяжется бесѣда, баць! Сейчасъ на столѣ жиды—«эти мерзавцы, портящіе всякую карьеру», а чуть-лишь случайный собесѣдникъ дозволитъ себѣ какое-либо, самое впрочемъ скромное, возраженіе, тутъ Bruder-Studіо скоропостижно проявляетъ въ себѣ тевтонца *ruh sang*.

— Это, милостивый государь мой, мнѣ лучше должно быть извѣстно: я состою членомъ *клерикально-соціального комитета* и потому я доподлинно знаю, что и какъ думаетъ нашъ «желѣзный»!

Въ прежнія времена, каждый сельскій учитель бывалъ непремѣнно изряднымъ музыкантомъ; онъ всегда игралъ на своемъ инструментѣ или просто терзалъ свой инструментъ; его бесѣды съ друзьями-приятелями всегда носили

на себѣ кое-какой ученый или научный налетъ. О политикѣ онъ разговаривалъ чрезвычайно охотно: не напрасно-же онъ, въ компаніи съ шестью коллегами изъ шести сосѣднихъ селъ, выписывалъ на общій счетъ цѣлую газету! Но разсуждалъ онъ съ извѣстнымъ «решпектомъ», былъ «гуманистомъ» чистѣйшей воды... а теперь? Теперь онъ, этотъ-же учителяшка, лакониченъ, рѣзокъ, отрывистъ и, засучивая рукава своего засаленнаго сюртука, возглашаетъ ежеминутно свое мудрое «*ceterum censeo*»:

— Да-да! Надо умѣть отдубасить на всѣ корки!

Когда-то жилище каждаго деревенскаго священника представляло собою живую идиллію. Не смотря на всю свою должностную важность, помимо неустаннаго выполненія служебныхъ обязанностей, господинъ пасторъ всегда «носилъ» на лицѣ веселую фizioномію; бывалъ со всѣми и каждымъ, даже съ односельчанами—евреями, всегда разговорчивъ, полонъ пріятельской благосклонности. Въ просторной, съ побѣленными известкою стѣнами, комнатѣ, стоялъ скромный книжный шкапъ; старенькіе клавиорды, дряхлый, сильно-просиженный диванчикъ—составляли всю меблировку; но за то, передъ домомъ непремѣнно красовались: прелестная, обросшая зеленью бесѣдка, душистый цвѣтникъ и разныя фруКТовыя въ саду деревья, окулированные собственноручно... Здѣсь вы всегда заставляли чистоту души, удовлетворенность сердца, земное счастье дома... Теперь все это—отжившій мифъ... нѣмецкій *überwundener Standpunkt*. Теперь и здѣсь поселился на постоянное жительство—реализмъ и потому вы встрѣчаете здѣсь серіозное, мрачное лицо, тяжелыя, пасмурныя мысли, а въ воздухѣ словно носится одинъ всепоглощающій девизъ: «карьера», «повышеніе»... А пути и средства какія? Между прочими—антисемитизмъ. Да почему-жь бы и нѣтъ? Что сумѣлъ сотворить N. N., то сумѣемъ и мы; что для него было позволительно, то позволительно и для насъ... Вѣдь *оттуда*, съ высоты, этого желаютъ... Тамъ это любо...

ну, и Германія нынѣ—не та, что была за полстолѣтія тому назадъ, а этотъ антисемитизмъ, противъ котораго тогда возставали-бы негодующіе голоса нѣмецкихъ студентовъ, нѣмецкихъ народныхъ учителей, нѣмецкихъ священниковъ, теперь выступаетъ на сцену, какъ частица воздушнаго реализма, какъ отличный рычагъ для подниманія самого себя и... *probatum est!*

Мы видимъ, такимъ образомъ, что антисемитизмъ лежитъ въ воздухѣ, въ родѣ какой-то эпидемической болѣзни, которая, къ несчастію, сильно развилась въ Германіи. Она (болѣзнь) перешла и за предѣлы Германіи, но на нѣмецкихъ земляхъ она стала въ особенности домашнею и тамъ преимущественно ищетъ и находитъ свои жертвы. Застала-ли она тамъ особенное предрасположеніе или это дѣло простой случайности?

Такъ-ли или иначе, виновато-ли реалистическое направление времени или специальное предрасположеніе людей, виноваты-ли оба вмѣстѣ, но, съ этой болѣзнію въ организмѣ, Германія приближается къ одряхленію, къ старческой немощи древняго Рима, не смотря на то, что сохраняла лишь очень-очень короткое время возмужалость историческаго Рима... Какъ нѣкогда Римъ натравливалъ своихъ дикихъ звѣрей на беззащитныхъ рабовъ и мучениковъ, такъ теперь Германія направляетъ звѣрство и кровожадность инстинкта на безоружныхъ гражданъ... Какъ нѣкогда знаменитый императоръ нѣмецкій былъ утопленъ въ волнахъ тяжести собственнаго вооруженія, такъ теперь тяжесть дикости и несправедливости погружаетъ Германію въ бездну варварства... Съ болью въ сердцѣ отворачиваюсь я отъ этой страны; прощаюсь съ прекрасными воспоминаніями моей юности, съ свѣтлыми надеждами моей старости; прощаюсь съ осуществленіемъ идей челоѣчности, съ моими лучезарными идеалами и даже со слабою надеждою (доколѣ челоѣвъ живъ—онъ все продолжаетъ надѣяться!) на свиданіе...

II.

Теперь ищу я другую страну, иной народъ, который, казалось-бы, гораздо больше призванъ къ унаслѣдованію великихъ мыслей челоѣчества, къ выполненію великой идеи челоѣчности и, среди этихъ поисковъ, взоръ мой останавливается на націи, которой фізіономія обнаруживаетъ, правда, меньшее развитіе при большихъ способностяхъ, менѣ готовыхъ зданій при большемъ количествѣ матеріала, менѣ блеска при большей силѣ... Психика этой націи представляетъ менѣ изворотливости при большемъ спокойствіи; менѣ предприимчивости при большей умѣренности. Нація эта, не обладая особенною наклонностію къ умозрѣнію, отличается сердечностію, миролюбіемъ... Вотъ, кого я нахожу болѣе призваннымъ и потому я обращаю мои взоры и мои надежды на... Россію!!

Видя отовсюду недовѣрчивые, изумленные, насмѣшливые взгляды, я все таки отвѣчаю:

— Да! Потому, что Россія произошла изъ иныхъ стихій; потому, что она имѣетъ иную натуру, иной характеръ; потому, что она обосновываетъ иными условіями свое настоящее, на иныхъ надеждахъ строитъ свое будущее... Короче, потому что Россія имѣетъ, не скажу совсѣмъ противоположную, но во всѣхъ отношеніяхъ иную политическую фізіономію, иную политическую психику, нежели Германія.

Если именно считается необходимымъ, чтобы совокупность государства, народъ, который состоитъ изъ однородныхъ элементовъ, происходитъ и развивается изъ одного корня, имѣетъ тѣ-же нравы и обычаи, испытываетъ одну общую участь, совершаетъ тѣ-же подвиги, испытываетъ тѣ-же страданія... чтобы стремленія его выражались въ теченіи цѣлыхъ столѣтій дѣянiami лучшихъ его людей, стремленія, проникнувшіе въ плоть и кровь, тѣмъ глубже, что поддерживались какимъ-то общимъ, хотя таинственнымъ,

токомъ... Если всё эти стихии, благодаря влияніямъ извнѣ, сплывились воедино и закалились, подъ молотомъ великихъ событій, на наковальнѣ всемірной исторіи, если этотъ народъ сталъ наконецъ историческою цѣлостію и желаетъ сохранить эту цѣлостъ, тогда изъ всего этого рождается та народная индивидуальность, которая, на сколько стремится обезпечить за собою неприкосновенность территориальную посредствомъ «округленія» и съ помощію «естественныхъ границъ», на столько-же старается сплотить и закалить свою внутреннюю національную неприкосновенность, путемъ отождествленія всѣхъ своихъ составныхъ частей, то есть, все *чужеродное* должно—или расплавиться въ общемъ, или-же должно быть выдѣлено и удалено наружу...

Теорія эта, однако-жь, теряетъ всю свою убѣдительность, если она обращается противъ такихъ составныхъ частей государственнаго организма, которыя въ политическомъ, гражданскомъ и социальномъ отношеніи или *уже* ассимилированы или-же выказываютъ самую несомнѣнную наклонность и самое добросовѣстное намѣреніе—непремѣнно и безповоротно ассимилироваться... и если эта *наклонность* и это *намѣреніе* не выражаются голословными фразами, а подтверждаются самыми неоспоримыми доказательствами на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ отрасляхъ государственной и общественной жизни.

Если все это вызывается не заботами о сохраненіи драгоценнѣйшаго сокровища «народной неприкосновенности», а выходитъ простымъ проявленіемъ своеволія, самоуправства, жестокости, страсти мучить кого-нибудь, дикости, словомъ проявленіемъ неприглядныхъ страстей, которыя, послѣ продолжительнаго вынужденнаго смиренія, хотятъ наконецъ блеснуть передъ другими своими произволомъ и своеправіемъ, то вся эта процедура служитъ весьма печальною аттестаціею для всего народа... Все это даже гораздо печальнѣе, какъ еслибы даже вся эта драма была

слѣдствіемъ «внѣшняго» воздѣйствія, продуктомъ «чужихъ» намѣреній и плановъ; такъ какъ отъ постороннихъ влияній можно освободиться, внѣшнее воздѣйствіе можно съ себя стряхнуть, чуждыя оковы можно сокрушить, а отъ такихъ цѣпей, которыя носимъ «внутри себя самихъ», отъ оковъ, которыми даже гордимся,—освободиться несравненно труднѣе, если вообще возможно.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ Россіи.

Страна, совмѣщающая подъ главенствомъ своего Монарха необозримыя пространства по всѣмъ поясамъ міра; страна, которая уже теперь переходитъ за всѣ историческіе предѣлы, которая соединяетъ подъ гигантскими крыльями своего орла чуть-ли не сотни племенъ и народностей, рѣзко между собою разъединенныхъ и природою, и культурою; такая страна, говорю я, на первыхъ порахъ и помышлять не можетъ о территориальномъ округленіи, а тѣмъ менѣе о совершенной замкнутости и еще меньше о полномъ національномъ сліяніи всѣхъ своихъ разнородныхъ и разнохарактерныхъ составныхъ элементовъ. Въ грозномъ сознаніи своего могущества и безусловной прочности, такая страна вполне спокойна относительно своихъ составныхъ стихій и предоставляетъ каждую изъ нихъ ея натуральному развитію, въ силу котораго всѣ отдѣльныя части постепенно и сами собою подчиняются притягательной силѣ могущественнаго центра и, мало по малу, органически къ нему примыкаютъ и въ немъ растворяются. Поэтому въ такой странѣ, какъ Россія, не смотря на разнородность составныхъ ея частей, нѣтъ и не можетъ быть «чужихъ»: все, что только живетъ на ея поверхности, что существуетъ внутри ея необозримыхъ границъ; все, что принадлежитъ ея великому Монарху,—все это едино, однородно и равноправно. Такими исполинскими жизненными отношеніями исключаются всякія мелочныя поползновенія, всякое обособленное значеніе индивидуальностей... Даже и въ такихъ случаяхъ, когда Россія

становится беспокойною, когда этот «Римъ будущности» начинает расправлять свои могучія рамена, то и тогда это относится къ «чужимъ», живущимъ внѣ ея предѣловъ, да и не оттого, чтобы въ ней заговорила волчья натура ея упомянутого предшественника (Рима), а потому, что она, повинувась законамъ «внутренней» тяжести, должна раздаваться «снаружи»...

Внутренняя жизнь Россіи образуется ея національнымъ характеромъ, который, съ своей стороны, проникнуть столь сильно своею психическою своеобразностію, какъ едва-ли проникнуть характеръ какой-либо другой націи. Но психика Россіи истекаетъ изъ того первобытнаго, древнерусскаго корня, который порождаетъ самую безхитростную, самую добродушную, самую миролюбивую изъ всѣхъ расъ земли. Что же касается индивидуальной жизни этой расы, то тѣло ея принадлежитъ работѣ, душа—религіи, сердце—миру и спокойствію, умъ—беззаботности, чувство—то смѣху, то плачу, попеременно. Такъ какъ у человѣка этого рода все существо уходитъ внутрь, то онъ рѣдко ощущаетъ потребность «обнаруживаться», «разоблачаться» и потому онъ болѣе задумчивъ, созерцателенъ, нежели общителенъ и разговорчивъ. Его матеріальныя потребности всегда самыя скромныя, самыя несложныя: хижина, овечій тулупъ на всѣ времена года: огурецъ съ хлѣбомъ—лѣтомъ, селедка съ хлѣбомъ—зимою... Столь-же просты и его религіозныя потребности: не умѣя читать, онъ не нуждается въ молитвенникахъ. Онъ довольствуется крестнымъ знаменіемъ садясь за столъ, собираясь пить, проснувшись утромъ, ложась вечеромъ и привѣтствуя такимъ-же образомъ каждую святыню своей религіи. Передъ пасхою онъ исповѣдывается; многочисленные посты не подвергаютъ его особеннымъ лишеніямъ. Его внутреннее вѣрованіе говоритъ ему: «Богъ располагаетъ на небѣ, Государь на землѣ» и, на основаніи этого вѣрованія, онъ живетъ себѣ въ мирѣ и согласіи съ Богомъ и людьми.

Въ воскресные и праздничные дни онъ имѣетъ и свои веселые часы, которые онъ охотнѣе всего проводитъ въ «чайнѣ», соответствующей «Taverne» или «Bierhalle» западной Европы. Здѣсь, въ этихъ заведеніяхъ, гдѣ низшіе классы другихъ странъ проявляютъ свое веселое настроеніе въ пѣніи, онъ прислушивается къ музыкѣ органа (который составляетъ неотъемлемую принадлежность каждаго заведенія высшаго разбора) или гармоніи гораздо охотнѣе, чѣмъ пѣть самому. Такъ онъ можетъ просиживать по цѣлымъ часамъ, улыбаясь про себя съ удовольствіемъ и молча и, въ то время, какъ упомянутый инструментъ обливаетъ его своими полными тонами снаружи, онъ самъ заливаетъ свое нутро безчисленными стаканами чая, а когда сюда присоединяется еще и любезная водка, тогда только онъ начинаетъ взаправду согрѣваться... Тутъ только онъ становится разговорчивъ, болтливъ; онъ начинаетъ пѣть, спорить, горячиться до ссоры... Тутъ вы услышите его крики, проклятья, ругань (въ которой онъ доходитъ до артизма, до виртуозности!); но тутъ именно наступаетъ самое неожиданное, самое удивительное явленіе: когда споръ или ссора дошли до своего кульминаціоннаго пункта, когда вы убѣждены, что вотъ—вотъ за свергаютъ ножи или что, по меньшей мѣрѣ, обломки столовъ и скамеекъ скажутъ послѣднее слово, вдругъ, самими непредвидѣннымъ образомъ, противники скоростижно бросаются другъ—другу... въ объятія, целуются, заливаются крупнѣйшими слезами умиленія и... или пускаются отплясывать казачка, или-же уходятъ рука-объ-руку, какъ самые лучшіе, самые теплые друзья.

Если таковъ психическій портретъ русскаго народа, то весьма легко объяснить себѣ постоянство, неизмѣнность, незлобивость и миролюбивый обликъ его характера, въ которомъ цѣлыя столѣтія не въ состояніи были произвести ощутительной перемѣны. «Если такъ было при нашихъ отцахъ, то это-же самое хорошо для насъ и должно быть хорошо и

для нашихъ потомковъ». Такимъ образомъ объясняется тотъ фактъ, что народъ всегда доволенъ своими обстоятельствами, никогда не помышляетъ измѣнить ихъ своею собственною волею и своимъ собственнымъ воздѣйствіемъ; личное вліяніе или активное вмѣшательство въ общее положеніе ему никогда и въ голову не приходило и, если древняя Греція переживала свои войны съ рабами, Римъ испытывалъ свою упорную борьбу между патриціями и плебеями, Германія продѣлывала свои «крестьянскія» войны, а Франція и Англія свои революціи; если даже Америка, этотъ очагъ свободы, которая тамъ произростааетъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ вмѣстѣ съ земляникою и съ грибами, должна была перенести кровопролитное столкновеніе между Сѣверомъ и Югомъ; то Россія представляетъ единственный примѣръ народа, который терпѣливо дождался зова своего безсмертнаго Царя, чтобы получить *вз видѣ дара* Его высокой милости, то сокровище, за какое другіе народы должны были проливать потоки крови.

Что государство, живущее въ такихъ отношеніяхъ, исторически созданное такими стихіями, психически пропитанное столь мягкимъ характеромъ, не можетъ быть мелочнымъ, сварливымъ, ни роющимъ внутри своего собственнаго лона; что оно, изъ низкой заботливости и недостойнаго злорадства, лишь-бы другимъ надѣлать всякихъ пакостей и показать силу своего произвола, не можетъ обижать и мучить своихъ мирныхъ согражданъ; что, однимъ словомъ, Россія не можетъ представлять благопріятную почву для антисемитизма—это само-собою разумѣется.

Мы совершенно приготовлены услышать возраженіе, въ видѣ тяжеловѣснаго вопроса:

— Если это *такъ*, то какъ-же посреди такой аргадской, буколической жизни могли произойти избіенія на Святой Недѣлѣ 1871 года или кровавыя майскія драмы 1881 года?

Да! Мы лично пережили, лично перестрадали эти страшныя времена и какъ ни тяжело гнетутъ насъ эти воспоминанія, мы должны однако сказать: именно эти печальныя эпизоды новѣйшей исторіи подтверждаютъ, какъ каждое исключеніе подтверждаетъ силу правила, наше мнѣніе о добродушіи и честности русскаго народнаго характера. Какъ ни страшны были эти эксцессы и какъ ни страннымъ покажется наше убѣжденіе, все-таки сами произведшіе ихъ были невиноваты, или, вѣрнѣе, не были виноваты; ибо виноватымъ можетъ быть названъ лишь тотъ человѣкъ, который совершаетъ злодѣяніе предумышленно, намѣренно и по своей волѣ, по своей инициативѣ; но люди, однакожь, которыхъ умъ изодня—въ день, изъ году въ годъ, систематически побуждается и фанатизируется фальшивыми извѣстіями и лживыми рассказами, а небольшой остатокъ здраваго разсудка ихъ споласкивается водкою, такіе люди, говоримъ мы, не могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности за все то, что ими сдѣлано въ подобномъ состояніи полной невмѣняемости! Да! Народъ былъ искусственно сбитъ съ прямого пути, отуманенъ, обманутъ... Бѣдняки умѣя читать, питаютъ неимовѣрное уваженіе ко всему напечатанному и еще больше благоговѣютъ, если напечатанное злонамѣренно читается имъ отъ имени горячо любимаго ими Государя. Что остается дѣлать бѣдному мужичку, если ему, послѣ описанной только-что подготовки, изъ театральнаго афишекъ, изъ трактирныхъ меню и подобныхъ имъ документовъ читаютъ указъ, что якобы Великій Государь повелѣваетъ, въ продолженіи трехъ дней, избивать жидовъ, грабить и уничтожать все, что имъ принадлежитъ?

Конечно, разъ «Царь повелѣлъ», разумѣется—надо повиноваться и они добросовѣстно «повиновались», и они били и разбивали, разрушали и уничтожали все, что попадало подъ руку: столы, стулья, рояли, часы, картины... Короче все изламывалось, сокрушалось, выбрасывалось изъ

огонь на мостовую. Если, въ порывѣ усердія, среди этой работы, кое-что изъ легко углаживающихся предметовъ и исчезало въ обширныхъ карманахъ широкихъ шароваръ, то, во всякомъ случаѣ, въ этомъ нѣтъ ничего особенно-чудеснаго... Но все совершалось среди шуточекъ, веселости и хохота, безъ волненія, безъ возбужденія, безъ ненависти и безъ той ярости, которая развилась-бы у другихъ расъ при самой «работѣ», если не была уже принесена съ собою...

Не говоря уже о тѣхъ наивныхъ подробностяхъ, какія мы въ свое время описали въ нашей «Памятной запискѣ» о тогдашнихъ событіяхъ, мы, помимо того, слышали изъ устъ вѣродостойнаго очевидца, что онъ, заставши передъ большою синагогою толпу, которая въ полномъ разгарѣ усердія готовилась разбить всѣ окна жидовскаго храма, воскликнулъ съ горькою проницательностью:

— Ребята! Въ указѣ не сказано ни слова о синагогѣ, а потому и нѣтъ надобности...

— А! Если не сказано, то и не надо! отвѣчала толпа, побросала приготовленные камни и поплелась дальше, туда, гдѣ «надо было»...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что даже и тѣ печальныя времена нисколько не должны измѣнить нашего мнѣнія о русскомъ народномъ характерѣ и, не взирая на *все это*, мы можемъ высказать наше глубокое убѣжденіе, что Россія все-таки не представляетъ собою удобной почвы для ядовитаго древа антисемитизма.

Что касается вопроса о теперешнихъ правовыхъ и законодательныхъ обстоятельствахъ русскаго еврея, которыя, конечно, тѣмъ плачевнѣе и тѣмъ достойнѣе сожалѣнія, что они не могутъ быть названы послѣдствіями эксцесовъ обманутой народной массы, на это, будь я *врачъ*, я сдѣлалъ-бы такое возраженіе: Государство представляетъ точно также организмъ въ громадныхъ размѣрахъ, какъ отдѣльный человекъ въ миниатюрѣ. Если въ организмѣ человека, либо пу-

темъ естественнаго развитія, либо силою внѣшнихъ вліяній, проникаютъ чужеродныя, неудобоваримыя, или вообще вредоносныя вещества или зарождаются злокачественныя соки, тогда организмъ, обремененный ими, принужденъ непременно удалить ихъ, выдѣлать изъ себя, для возможности продолженія своего правильнаго развитія, если, разумѣется, невозможно ихъ ассимилировать или нейтрализовать. Это онъ обязанъ сдѣлать, покоряясь первенствующему закону собственного существованія, именно—закону самосохраненія. Какъ же ему этого достигнуть? Инстинктъ доискивается, ощупываетъ то тутъ, то тамъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не находитъ слабѣйшее въ тѣлѣ мѣсто, отъ котораго менѣе всего зависитъ его общее состояніе и менѣе всего можетъ ожидать даже минимальное сопротивленіе. Чрезъ это именно мѣсто онъ можетъ удалить изъ себя болѣзнетворныя вещества, посредствомъ-ли кровопусканія, образованіемъ-ли нарыва, или-же какими-либо иными отвлекающими средствами.

Точно также совершается и въ громадномъ организмѣ, извѣстномъ подъ названіемъ государства.

Въ Россіи, за послѣднія десятилѣтія, накопилось слишкомъ достаточно нездоровыхъ соковъ и болѣзнетворныхъ, пучащихъ веществъ, которыя обременяли и подчасъ даже разстраивали государственный организмъ. Что-же оставалось дѣлать, чтобы избавиться отъ этихъ чужеродныхъ и вредныхъ веществъ? Пытались достигнуть этой цѣли помощью перевязыванія сосудовъ, накладыванія давящихъ повязокъ, путемъ ослабленія... Въ еврейхъ-же думали найти слабѣйшее мѣсто государственнаго тѣла, «*punctum minoris resistentiae*» врачей, гдѣ удобнѣе всего было примѣнить методъ леченія. Въ самомъ-ли дѣлѣ такимъ образомъ найдено надлежащее мѣсто, былъ-ли этотъ методъ вообще цѣлительнъ это покажется лишь послѣ, когда-то... Это былъ пока опытъ, экспериментъ, а опытъ всегда представляетъ собою вещь временную, гадательную: не удался—его бросаютъ...

Будь я *политико-экономистъ* и при томъ національный, я, быть можетъ, видѣлъ-бы во всемъ этомъ способѣ трактованія вопроса—аномалію; быть можетъ, вмѣсто ограниченій и крове, то есть право-отвлеченій, я находилъ-бы гораздо сообразнѣе съ цѣлью—надѣленіе всеми общегражданскими правами, полнымъ уравниемъ съ прочими подданными. Я, быть можетъ, находилъ-бы это гораздо цѣлесообразнѣе для устраненія извѣстныхъ ненормальностей; ибо я полагаю, что самыя высокія государственныя цѣли могутъ быть достигаемы лишь въ такомъ случаѣ, когда *всѣ* составныя части государства одушевляются и крѣпнута въ радостномъ сознаніи, что все, какъ граждане, то есть *ограждаемые* государствомъ, равны передъ лицомъ закона и въ обязанностяхъ своихъ, и въ правахъ. Я не могу постигнуть, почему-бы Россія не могла-бы рискнуть на тотъ-же государственно-политическій экспериментъ, какимъ рискнули Франція, Англія, Голландія, Бельгія? Почему въ Россіи это должно было-бы выйдти менѣе успѣшно, нежели вышло въ тѣхъ государствахъ, которыя посредствомъ такого акта приобрѣли столько тысячъ вѣрныхъ и полезныхъ гражданъ. Россія могла-бы, однимъ почеркомъ пера, не скажу сдѣлать пять милліоновъ людей счастливыми, но, во всякомъ случаѣ, приобрѣсть пять милліоновъ благородныхъ, преданныхъ, дѣятельныхъ гражданъ.

Будь я *юристъ*, то есть учитель государственнаго права, я бы сказалъ: государство состоитъ въ такомъ правовомъ къ своимъ гражданамъ отношеніи, которое регулируется и гарантируется законами. Принимая тѣ или другія услуги, сдѣлавшіяся, въ силу вѣрноподданнической присяги, *обязанностями*, государство тѣмъ самымъ принимаетъ на себя, по отношенію къ гражданамъ, защиту ихъ личности и собственности, огражденіе ихъ чести и правового положенія. Если, такимъ образомъ, государство, путемъ принятія вѣрноподданнической присяги, вступаетъ во владѣніе исполненіемъ

обязанностей со стороны гражданъ; если присяга и все вытекающія изъ нея обязанности одинаковы для всехъ гражданъ, то, само собою разумѣется, и обязанности государства по отношенію *ко всѣмъ* гражданамъ—*тоже одинаковы*. Коль скоро это логично, то становится совершенно непонятнымъ, почему государство, составляющее, во всякомъ случаѣ, высоконравственную институцію, не удѣляетъ евреямъ общегражданскихъ правъ, если разъ уже требуетъ и принимаетъ отъ нихъ (евреевъ) общегражданскую присягу, то есть общегражданскія обязанности? Да! Такъ-бы я говорилъ—будь я правовѣдомъ.

Но такъ какъ я однакожь—не врачъ, не государственный экономистъ, ни-же правовѣдъ, а только—раввинъ, то есть учитель и наставникъ моихъ единовѣрцевъ, обязанный, согласно ученію Священнаго Писанія и исконнымъ догматамъ моей вѣры, обучать ихъ религіи и объяснять имъ ихъ обязанности, то я обязанъ, не смотря ни на какія обстоятельства, ни на какія условія, по смыслу моего званія, не отглядываясь ни въ право, ни въ лѣво, не осматриваясь вспять и не заглядывая впередъ, безъ страха, хотя и не безъ упрека, говорить только то, что выражаетъ воззрѣнія и опредѣленіе обязанностей нашей религіи, а эта насъ учитъ, что:

«Въ Государѣ ты имѣешь чтить Помазанника Божія, ибо на Немъ почилъ отблескъ небснаго величія». «Сердце Царя въ рудѣ Божіей, подобно потоку водъ: «Господь направляетъ Его по Своей Святой Волѣ». (Притчи Соломона, 21—1).

Талмудисты-же наши поучаютъ:

«Правительство земное есть отраженіе Правительства небснаго». (Tract. Berachoth; fol. 88, a).

По сему сынъ израиля, при видѣ Коронованной Главы, обязанъ произнести слѣдующую молитву:

«Благословенъ еси, Господи, Боже нашъ, Царю

«вселенной, Иже сподобилъ еси Твоей хвалы Царя отъ «плоти и крови». (Tract. Barachoth, fol 58 a.)

Пророкъ Самуилъ (18—2 etc.) выражается о правахъ Монарха слѣдующимъ образомъ:

«Онъ возьметъ вашихъ сыновей и усадитъ ихъ «на своихъ колесницахъ и коняхъ, и они будутъ бѣ-
«жать передъ его колесницею, и поставитъ онъ ихъ
«начальниками надъ тысячами и начальниками надъ
«пятидесятками, и поставитъ ихъ вспахивать его поля
«и собирать его жатву, и состоятъ его военными со-
«вѣтниками. И дочерей вашихъ возьметъ онъ на при-
«готовленіе пряностей, на кухарога и на булочницъ.
«И возьметъ онъ поля ваши и виноградники и маслич-
«ныя горы и подаритъ оныя своимъ чиновникамъ. И
«отъ вашихъ посѣвовъ и виноградниковъ возьметъ онъ
«десятину и подаритъ ее своимъ придворнымъ санов-
«никамъ и слугамъ. И вашихъ служителей и служа-
«нога и вашихъ лучшихъ юношей и вашихъ ословъ
«возьметъ онъ и употребитъ для своихъ работъ. Отъ
«вашихъ овецъ возьметъ онъ десятую и вы будете его
«работниками.»

Теперь-же, мы, какъ еврей, обязаны чтить Царя нашего, подъ господство котораго насъ поставило Провидѣніе, но Который не беретъ у насъ ни нашихъ сыновъ, ни дочерей, ни нашихъ коней, ни быковъ, ни нашихъ полей, ни виноградниковъ, чтить какъ Помазанника Господня, быть ему вѣрнопреданными; его властвованіе надъ нами, будь оно милостивое или немилостивое, принимать за опредѣленіе свыше, то есть за нашу судьбу... Если властвованіе это милостиво—мы благодаримъ за оное, если оно тяжело, мы обязаны нести все терпѣливо и смиренно, изслѣдуя нашъ путь жизненный—не заслужили-ль мы этого. Мало того, мы, какъ вѣрноподданные, честные граждане, должны благодарить, что Государь желаетъ испытать силу нашей преданности

и сознанія нашего долга. Мы должны стоять твердо въ нашемъ упованіи, въ нашей вѣрности; мы не должны колебаться и не будемъ колебаться, будучи твердо увѣрены, что нащъ Царь еще вспомнитъ о насъ въ своей благостынѣ, по елику «сердце Царя, аки потокъ водъ, въ руцѣ Господа, направляется по Его Волѣ Святой».

Перейдемъ теперь къ другому фактору великой русской монархіи, къ *купеческому сословію*, непосредственно примыкающему къ простонародію, такъ какъ между обоими этими классами не существуетъ посредствующаго слоя. Миръ купеческій состоитъ изъ трудолюбивыхъ, тихихъ и довольныхъ людей, которые обыкновенно продолжаютъ унаслѣдованное отъ родителей «дѣло» и весьма рѣдко имѣютъ потребности большія, чѣмъ имѣли ихъ старики. Консервативныя вѣрованія и образомъ жизни, они знаютъ твердо, что Богъ есть Владыкою на небѣ, а Царь на землѣ, уплачиваютъ свои подати и повинности, живутъ спокойно, смиренно и независимо, въ самой лучшей гармоніи съ цѣлымъ свѣтомъ. Окончивши свой денной трудъ, они проводятъ вечера удобно, комфортабельно и весело въ кругу своей семьи или же въ клубѣ, гдѣ читаютъ свою газету, мѣняются мыслями о дѣловыхъ обстоятельствахъ и вопросахъ, или-же о какихъ-либо, касающихся ихъ ближе или дальше, событіяхъ, о возрастаніи или паденіи курса, или-же наконецъ составляютъ «партію въ карты». Веселые и въ хорошемъ настроеніи, подчасъ даже подвыпивши, возвращаются къ полуночи домой.—Что это сословіе образуетъ собою солидный слой въ государственномъ зданіи; что оно питаетъ большое отвращеніе ко всему, что можетъ нарушить общественное спокойствіе, будь это даже касательно однихъ евреевъ—все это ясно, какъ на ладони. Правда, конкуренція рѣдко является строго-правственнымъ совѣтникомъ, а скорѣе играетъ роль камня преткновенія, о который не разъ разбиваются самыя лучшіе принципы, на которомъ разрушается не одно чест-

ное правило, но... дѣлать нечего: плоть наша слаба есть, а человѣкъ—не ангель... Но, въ общемъ, сословіе это выписываетъ съ острова Явы свой кофе, изъ Китая свой чай, изъ Гренландіи—свои сельди, изъ Мессины—свои апельсины; но по части моднаго берлинскаго продукта, по части антисемитизма, русское купечество совсѣмъ не важный потребитель!

Что значитъ въ Россіи дворянство—это общеизвѣстно. Высшее дворянство живетъ частію при Императорскомъ Дворѣ, частію въ болѣе или менѣе отдаленной провинціи, на высокихъ постахъ, по своимъ имѣніямъ, или-же путешествуетъ; но вообще, гдѣ-бы оно не находилось, оно слишкомъ велико, для того, чтобы думать мелко; оно слишкомъ знатно, чтобы поступать пошло; слишкомъ гордо, чтобы строить для себя высокіе пьедесталы на основаніи униженія и приниженія другихъ сословій.

Въ общемъ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного высокоаристократическаго имени, которое было-бы запытно дыханіемъ антисемитизма. Причину такого замѣчательнаго явленія не надо, кажется, искать далеко: она лежитъ въ самосознаніи, въ самоуваженіи, которое внутри самого себя находитъ масштабъ для всего внѣшняго.

Дворянство русское выписываетъ изъ Парижа свои моды, свои духи, быть можетъ даже—свои общественныя теоріи; но свои политическія, государственно-экономическія теоріи или оппортунистическія манипуляціи оно ни за что не станетъ заимствовать ни отъ какой иностранной державы, какъ-бы ни близка она ему была...

Общедворянской-же массѣ (мелкому, такъ сказать, дворянству) мы могли-бы, можетъ быть, подчасъ пожелать, чтобы, при оцѣниваніи и обсужденіи личностей, при разрѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, при взвѣшиваніи извѣстныхъ интересовъ, она руководилась-бы тщательнымъ изученіемъ и сортированіемъ надлежащихъ личностей и положеніемъ

самаго дѣла, а вовсе не неприятнымъ воспоминаніемъ такихъ индивидуевъ, съ которыми приходится не рѣдко входить въ дѣловыя отношенія, пожалуй, не разъ приходится быть любезнымъ, даже дружескимъ, пока въ нихъ есть нужда, чтобы, по минованіи этой нужды, сейчасъ-же ихъ забыть. Но, какъ извѣстно, человѣкъ не перестаетъ быть человѣкомъ, даже если онъ дворянскаго происхожденія, изъ самыхъ столбовыхъ, а потому онъ легко поддается вліянію воспоминаній. Все это правда; но «лучшій» человѣкъ долженъ быть свободенъ отъ подобныхъ слабостей, тѣмъ болѣе, что—noblesse oblige!

Переходимъ теперь къ иному фактору въ государственномъ организмѣ; къ фактору, изображающему изъ себя тотъ духовный токъ, на обязанностяхъ котораго лежитъ: соединять самосознаніе съ развитіемъ; снаивать органически прогрессъ съ данными обстоятельствами; готовить мирное преуспѣяніе и благоденствіе внутри и сохранять достойныя и почетныя отношенія къ внѣшнему міру. Это—*пресса*. Принимая однако-жь во вниманіе, что пресса въ общемъ и обширномъ смыслѣ лежитъ внѣ интересовъ этихъ страницъ, съшимъ оговориться, что мы здѣсь будемъ говорить лишь объ одной, ближе касающейся нашего вопроса, спеціальной отрасли этого фактора,—о *периодической прессѣ*.

Какое высокое, какое возвышенное назначеніе! Какая свѣтлая, плодотворная и благородная роль, если только она вѣрно понята, искренно прочувствована и добросовѣстно исполняется! Ежедневно доставлять цѣлому народу обзоръ всѣхъ политическихъ отношеній и комбинацій; извѣщать его о всѣхъ важныхъ явленіяхъ и событіяхъ, какъ въ собственномъ отечествѣ, такъ и въ чужихъ странахъ; объяснять ему всѣ тѣ положенія и отношенія, которыя болѣе или менѣе касаются чести и благосостоянія родины; укрѣплять въ преданности его родному Монаршему Дому; въ любви къ отечеству; въ миролюбіи по отношенію къ другимъ на-

родамъ; въ согласномъ и дружественномъ сожителствѣ со всѣми соотечественниками и согражданами и, въ то-же самое время, расширять понятія и кругозоръ читателей собственнымъ обсужденіемъ, разъясненіемъ и анализированіемъ житейскихъ условій, содѣйствуя, по мѣрѣ силъ, органическому развитію умственной и нравственной жизни... Какая высокая, какая прекрасная задача! Какая великолѣпная миссія!

Интеллигентность, политическое здравомысліе, мѣткость политическихъ воззрѣній и заключеній, добросовѣстность убѣжденій, правдивость и безпристрастіе во всемъ и ко всему—вотъ тѣ условія, какимъ *должна* удовлетворять повседневная печать, если хочетъ стоять на высотѣ своего призванія. При такихъ условіяхъ пресса становится наставникомъ, учителемъ народа, создателемъ общественнаго мнѣнія, миротворцемъ соотечественниковъ, поборникомъ отечественнаго благоденствія... Но если *печатное слово*, вмѣсто достойнаго обученія народа, сбиваетъ его на ложные пути; вмѣсто образованія въ народѣ просвѣщенныхъ взглядовъ, производитъ въ нихъ лишь путаницу; вмѣсто очищенія народныхъ желаній и наклонностей, потворствуетъ заблужденнымъ страстямъ и нечистымъ инстинктамъ толпы; вмѣсто того, чтобы создать общественное мнѣніе и руководить имъ, само становится его креатурою, его рабомъ, который только и дѣлаетъ, что ревниво слѣдитъ за желаніями, капризами и страстишками своего прихотливаго барина... Говоря иными словами, если пресса становится флюгеромъ и старается «плыть» только «по теченію», тогда она лишена своего достоинства, тогда она предательски измѣнила своему знамени; она сдѣлалась «злою», даже «зловредною прессою».

Если-же сюда еще присоединяется вліяніе *личныхъ* матеріальныхъ расчетовъ и интересовъ; если пресса, не только подчиняется народнымъ страстямъ, но еще старается доставить пищу своимъ собственнымъ поползновеніямъ и похотямъ; если она, вмѣсто просвѣщенія народнаго ума,

усиливается затемнить и отуманить его злонамѣренною ложью и пикантною клеветою; вмѣсто проповѣдыванія и укрѣпленія спокойствія и мира, сама его нарушаетъ и разстраиваетъ; вмѣсто примиренія и согласія разныхъ племенъ и расъ государства, старается, на оборотъ, разрознить и вооружать другъ-противъ-друга, натравлять однихъ на другихъ; вмѣсто обезсиливанія предубѣжденій, сама ихъ укрѣпляетъ и даже создаетъ... Тогда пресса не только безчестно измѣняетъ своему призванію и долгу, но даже и подвергаетъ опасности отечество и ведетъ народъ на такой путь, котораго конечную и исходную точку невозможно предвидѣть...

Да! Лишь одна *злонамѣренная, зловредная пресса* виновата всецѣло во всѣхъ мрачныхъ смутахъ, въ погромахъ, во всемъ этомъ ужасающемъ несчастіи, которое, въ продолженіи послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ, покрываетъ русскую жизнь своею мрачною тѣнью!

О! Между представителями періодической печати есть не мало такихъ, которые, руководясь ложными воззрѣніями, личными и самоличными мотивами, не совѣстятся отравлять общественное мнѣніе, смущать и вводить въ заблужденіе народный умъ, возмущать и разстраивать общественный миръ и покой... Представьте себѣ людей на самой низкой ступени элементарнаго образованія, съ самымъ скромнымъ, нищенскимъ запасомъ познаній и свѣдѣній, съ ограниченнымъ до послѣдняго минимума политическимъ горизонтомъ. Представьте себѣ, что какая-нибудь азартная случайность, какая-нибудь волна бурнаго житейскаго теченія вынесла такихъ людей на неожиданную высоту, или-же какой-нибудь ловкій оппортунистическій фокусъ сдѣлалъ ихъ минутными «господами положенія»... Тогда вамъ не трудно будетъ уразумѣть, что, желая удержаться во что-бы ни стало на захваченной позиціи, чтобы не дать остыть своей публикѣ, не дать ей прийти въ сознаніе, не дать успокоиться, они дол-

жны идти все вперед и вперед, должны гнать все дальше, по наклонной плоскости проектов, экспериментов, доставляя толпѣ поминутно новыя возбужденія, новое опыненіе.—Если же имъ удастся еще изобресть даже какую-нибудь теорію, или—вѣрнѣе—практику, которую можно бросить публикѣ въ видѣ игрушки или, чего добраго, даже приискать какое нибудь козлице отпущенія, на которомъ толпа можетъ продѣлывать свои остроумныя шутки, срывать свою досаду, дать просторъ своему произволу или, пожалуй, своей жестокости... Тогда редакторъ готовъ, его дѣло выиграно: онъ самъ начинаетъ вѣрить въ свое значеніе и даже готовъ удивляться, почему онъ до сихъ поръ, воздерживаемый излишнею скромностію, не выступилъ уже давно въ роли свѣтила!

Я не хотѣлъ-бы, что-бы меня ложно понимали: если я встаю противъ новыхъ принциповъ и новыхъ «практикъ», то я, само собою разумѣется, подразумѣваю лишь *недобрыя* принципы и еще *болѣе—недобрыя* «практики»; я имѣю въ виду лишь эгоистическіе мотивы, затѣи авантюристовъ, опасныя эксперименты, злокозненныя цѣли и ихъ только я осуждаю и порицаю. Здравые принципы, зрѣлые планы, благородныя предпріятія, достойныя дѣйствія, полезныя цѣли... все это дѣлаетъ честь изобрѣтателю, повышаетъ благоденствіе государства, способствуетъ разцвѣту отечественной будущности... Нельзя, конечно, отрицать, что самыя лучшія идеи могутъ сдѣлаться жертвою незрѣлыхъ взглядовъ, невѣрнаго пониманія, наконецъ—жертвою злоупотребленій и, въ такомъ случаѣ, могутъ повести къ весьма тяжелымъ послѣдствіямъ.

Одинъ изъ учителей древности говоритъ:

«О мудрецы! Будьте осторожны въ вашихъ заключеніяхъ, ибо легко могутъ послѣдовать обстоятельства, которыя попрепятствуютъ вамъ лично наблюдать за вѣрностію пониманія, а ваши слова сдѣлаются

«вредными водами, вмѣстѣ съ которыми ваши ученики, кои за вами послѣдуютъ, выпьютъ свою смерть, и Имя Господне будетъ осквернено». (*Изреченія отцовъ 1.—11.*)

Я въ эту минуту думаю о Катковѣ, объ этомъ гениальномъ политикѣ, о народномъ психологѣ, который всегда прислушивался къ сердцебіенію Россіи, который вѣровалъ, что условія будущаго развитія Россіи поставлены русскимъ духомъ и потому всѣ узы, если только онѣ наложены не этимъ русскимъ духомъ, должны быть разорваны; что всѣ цистерны, которыя вырыты не русскимъ гениемъ, должны быть засыпаны... Я думаю о томъ мыслителѣ, который предначерталъ для своего отечества будущность Рима (во дни его могущества,—разумѣется!) и потому его тенденція:—дипломатія обязана замѣнить вышитый фракъ и шелковые чулки Версали—широкою тогою и фельдмаршальскимъ жезломъ, которыми Popillius Laenas начерталъ кольцо вокругъ Антиоха Епифана*).

Если я самъ, лично, и не раздѣляю взглядовъ Каткова, если я позволяю себѣ думать, что народы не могутъ въ жизни своей быть совершенно изолированы другъ отъ друга, а должны непременно входить въ непрерывное сопри-

* Известный историческій фактъ:

Во время борьбы съ Персеемъ, для Рима было очень желательно, чтобы сирійскій царь Антиохъ не помогалъ Македоніи, а началъ-бы войну противъ Пиголомея VI Филометора Египетскаго за все еще спорное обладаніе Палестиною. Съ этою цѣлію сенатъ отправилъ къ Антиоху посольство, которое однакожъ ждало на пути до тѣхъ поръ, пока Персей былъ побѣжденъ, чтобы повести разговоръ болѣе рѣшительнымъ языкомъ. Тогда только римское посольство, съ Кайемъ Попиліемъ Ленасомъ во главѣ, окончило свой путь и явилось къ Антиоху. Царь протянулъ Попиллію руку, но гордый Попилліанинъ, по природѣ строгій, рѣзкій и грубый, подалъ ему прежде заключеніе Сената, ставящее ультиматумъ. Когда-же царь, прочитавши, отвѣчалъ что онъ подумаетъ и созоветъ совѣтъ. С. Popillius Laenus обвелъ своимъ жезломъ черту по песку вокругъ Антиоха, говоря самымъ повелительнымъ тономъ: „Я долженъ знать твое рѣшеніе прежде, нежели ты выйдешь изъ этого круга“. [К. F. Becker's Weltgeschichte, томъ III, стр. 163, берлинское 8-е изданіе, 1861 г.]

косновеніе, состоять въ постоянномъ общеніи, мѣняться между собою своими приобрѣтеніями и опытностію, короче—должны учиться одинъ отъ другаго и только такимъ путемъ возможно достигнуть осуществленія «идеи человѣчества», только такимъ образомъ идея «вѣчнаго мира въ человѣчествѣ» мыслима. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не признать гениальной мысли «взлелѣянія исключительности» (Exclusivitätspflege), разъ мы вѣримъ, что изобрѣтатель прежде всего хотѣлъ этимъ нейтрализовать традиціонную страсть ко всему чужому, которою до сихъ поръ были одержимы его соотечественники, а это—весьма натурально—можетъ быть достигнуто только чрезъ культъ аутохтоніи.

Катковъ, этотъ патриотъ чистѣйшей воды, или—вѣрнѣе—патриотъ благороднѣйшаго огня, не могъ не быть глубоко опечаленъ и огорченъ всѣми тѣми чуждыми традиціями и мотивами, которые страшно разрослись, словно сорныя травы, въ его отечествѣ и наложили чуждое клеймо на всѣ народныя институціи и мысли, прививая къ нимъ зачастую даже чужеродный характеръ.

Найдеть-ли великая идея Каткова въ русскомъ мірѣ благодарную почву? Доведуть-ли эпигоны его идеаль до осуществленія? Съумѣютъ-ли воздѣлывать практически?

На эти всѣ вопросы можетъ отвѣчать лишь будущее. Катковъ бы ни былъ результатъ, идея эта, какъ всякій идеаль, имѣетъ въ себѣ, во всякомъ случаѣ, нѣчто привлекательное, опяняющее, и мы можемъ находить лишь весьма естественнымъ, что молодежь русская привѣтствовала ее съ энтузіазмомъ и пошла ей на встрѣчу—на всѣхъ парусахъ.

Къ сожалѣнію, сейчасъ-же выказались и мрачныя стороны идеала:—ложное толкованіе, злоупотребленіе... Сейчасъ-же всплыли на поверхность умы, которые менѣе сдружились съ прямымъ, положительнымъ стремленіемъ Каткова, нежели съ косвеннымъ, отрицательнымъ, открывая во всемъ чуждомъ абсолютно-вредное и, потому, осуждая и попирая

ногами осторожность и воздержанность Каткова, которую превратили во враждебность и въ безжалостное преслѣдованіе.

Въ такомъ духѣ выступилъ Аксаковъ и возвелъ это настроеніе въ *систему*, давши ей подходящую форму и безусловное воплощеніе: «Россія—все и всегда! Все, что не тождественно и не однородно,—не годится и не должно существовать!» Вотъ—катехизмъ настоящаго; вотъ программа будущаго... Такимъ образомъ, волна общественнаго мнѣнія, сдерживавшаяся, по отношенію къ другимъ національностямъ, въ предѣлахъ недружелюбнаго, уклончиваго настроенія, разрушила относительно евреевъ всѣ плотины, выступила изъ своихъ береговъ и приняла форму самого безжалостнаго преслѣдованія.

Молодежь, столь воспріимчивая къ новымъ идеямъ, въ особенности, если идеи эти представляютъ собою предметъ возбужденія, была-бы еще не столь опасна; но сюда присоединились другія стихіи, чувствовавшія въ послѣдствіяхъ этой идеи нѣчто совсѣмъ иное, восторженно окружили Аксакова и увѣнчали лаврами голову человѣка, въ которомъ видѣли возрожденіе отечества, спасеніе будущности. Да и это было-бы еще не столь губительно, ибо Аксаковъ былъ именно такой человѣкъ, который умѣлъ-бы направлять движеніе и держать его въ порядкѣ—посредствомъ своей нравственной силы. Но лавры его не давали покоя нѣкоторымъ извѣстнымъ личностямъ, которыя считали и себя призванными обрабатывать общественное мнѣніе... Стоило, дескать, лишь подражать учителю и—за тѣмъ—презойти его... Они, съ инстинктомъ всѣхъ мелкихъ душонокъ, взялись за тѣхъ-же, съ которыми предстояло меньше всего риску, отъ которыхъ можно было ожидать наименѣе сопротивленія и преслѣдованія которыхъ могло разчитывать на одобреніе многочисленнаго райка слабоумныхъ скандалистовъ, искате-

лей приключеній, ловцовъ въ мутной водѣ... то есть, взяли за евреевъ...

Такъ, въ одну ночь, выросли, словно грибы изъ подъ земли, герои жидогоненія... Кто знаетъ имена, кто желаетъ ихъ знать, кто, наконецъ, сталь-бы называть, если-бы даже зналъ, имена всѣхъ тѣхъ, которые ударили тревогу, разбрасывали вокругъ себя широковъщательныя фразы, разнуздывали дикія страсти толпы и вызвали на поверхности Россіи такія сцены беззаконія и самоуправства, о какихъ друзья ея никогда не помышляли, какихъ и никто не считалъ-бы возможными?!

Тщетно возглашали всѣ серьезные люди Россіи, всѣ истинные патріоты, всѣ честные органы общественнаго мнѣнія, какъ несправедливо, нерасчетливо, неэкономично и неполитично это обращеніе съ евреями... Напрасно они вопили, какъ неправомерно нападать и нападать неожиданно на безвинныхъ людей, живущихъ смиренно и незлобно; какъ нечестно грабить согражданъ; какъ противно всѣмъ основамъ государственнаго хозяйства—препятствовать трудолюбивымъ жителямъ отечества въ ихъ дѣятельности, въ промыслахъ и торговлѣ; какъ не патріотично, если, не только разорять благосостояніе отдѣльныхъ личностей, но еще подвергать серьезной опасности общее благосостояніе, останавливать циркуляцію государственныхъ силъ, потрясать внутренній и внѣшній кредитъ; какъ, наконецъ, неполитично—показывать внѣшнему міру, что законы и мирное положеніе не предоставляютъ защиты противъ личной ненависти и противъ произвола черни... Все это было тщетно! Голосъ разума и совѣсти оказался бессильнымъ противъ крикуновъ, искателей наживы, прикрывавшихся своимъ якобы-патріотизмомъ и желавшихъ видѣть всѣ основныя условія будущаго могущества и процвѣтанія Россіи—въ ограниченіи правъ, въ униженіи, въ изгнаніи евреевъ!

И такъ немногія безпокойныя головы привели всю

Россію въ какое-то лихорадочное состояніе, успѣвшее провигнуть до высшихъ административныхъ и законодательныхъ сферъ, такъ что даже трудно опредѣлить, гдѣ оно окончится! Они основывались на томъ,—и это составляло для нихъ своего рода *passé partout*,—что они только продолжаютъ умозаключенія Каткова, а мы съ намѣреніемъ повторяемъ ученіе объ осторожности, какимъ академики Израиля надѣляли вліятельныхъ людей своего времени и которое подтверждается современною намъ жизнію: «О мудрецы! «Обращайтесь осторожно съ вашими изрѣченіями, ибо могутъ послѣдовать обстоятельства, когда вы не въ состояніи «будете лично объяснить ваши мнѣнія и ваши собственныя «слова превратятся въ истребительныя воды, съ которыми «послѣдователи ваши выпьютъ смертоносную отраву и имя «Господне будетъ осквернено!»

Хотя русскій патріотъ едва-ли готовъ будетъ выслушать ученіе еврейскихъ мудрецовъ, однакожь его слишкомъ ретивые ученики еще менѣе будутъ удовлетворены словами извѣстнаго римлянина, который сказалъ: *Quod licet Jovi, non licet bovi*.

Русскому литературному Юпитеру позволяемъ себѣ предложить совѣтъ:—быть на предбудущее время поосторожнѣе со своими громами, ибо онъ можетъ, самымъ невиннымъ образомъ, произвести слишкомъ большой пожаръ.

Правда, открытыми антисемитами признаютъ себя лишь немногія безпокойныя головы, которыя и работаютъ усердно на пажитяхъ антисемитизма; но какимъ образомъ даже эти немногіе сдѣлались «импортерами» этого чуждаго русской натурѣ продукта—это остается для насъ загадкою, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ объ истинныхъ, настоящихъ, *de natura sua*, русскихъ.

Мы рисковали-бы оскорбить великій духъ Каткова, если-бы мы вздумали защищать его противъ подозрѣнія въ личномъ соучастствѣ въ такихъ мелочныхъ тенденціяхъ,

однакожь не можем не замѣтить, что достаточно было-бы одного слова изъ его усть, чтобы избавить насъ отъ столь многихъ несчастій и онъ все таки этого слова—не вымолвилъ! Но и насчетъ его подражателей или скорѣе насчетъ тѣхъ, кто его перекривлялъ, мы должны сказать, что для насъ рѣшительно непостижимо, какимъ образомъ и откуда на ихъ перѣ могло нагромоздиться столько лжи, столько яда и завзятости, столько наконецъ страсти къ преслѣдованію и гоненіямъ?

Очень можетъ статья, что это бываетъ выгодно и прибыльно, въ различныхъ смыслахъ... Однакожь, не смотря на всѣ наши печальныя испытанія, говоря о людяхъ извѣстнаго образованія и общественнаго положенія, мы не позволимъ себѣ считать ихъ способными на признаніе подобнаго направленія изъ за спекулятивныхъ цѣлей. Съ другой-же стороны, мы еще менѣе рѣшились-бы заподозрѣвать ихъ, чтобы они взяли на свою совѣсть подобныя дѣянія по убѣжденію и по искренней ненависти... Одного изъ этихъ господъ мы знаемъ, то есть, мы его часто видывали: кто встрѣчалъ эту плотную, коренастую, полную и хорошо упитанную фигуру, съ благодушнымъ, довольнымъ взглядомъ; кто хорошо всмотрѣлся въ эти мягкіе, добродушные глаза, тотъ скорѣе видѣлъ-бы въ этомъ человѣкѣ солиднаго, миролюбиваго бюргера, веселаго собесѣдника, любящаго хорошо пообѣдать и еще лучше выпить, а никакъ уже не озлобленнаго, жестокосердаго жидоѣда. Кажется, однакожь, что между головою и желудкомъ редактора бываютъ такія вещи, какія нашей философіи и во снѣ не предвидѣлись.

Можно-бы намъ пожалуй возразить, что предусмотрительность и любовь къ отечеству обязываютъ истиннаго патриота къ преслѣдованію и закидыванію доносами всего того, что можетъ угрожать самымъ отдаленнымъ, наименѣе возможнымъ даже ущербомъ... Мы смѣемъ однакожь полагать, что въ государствѣ, гдѣ господствуетъ порядокъ и закон-

ность, едва-ли эти двѣ краеугольныя силы государственности нуждаются, чтобы частныя лица навязывались имъ въ помощники... Этакъ всѣмъ и каждому легко было-бы, на чужой счетъ разумѣется, выступить въ роли патриота! Если между евреями и обрѣтаются единичныя вредныя личности, то это дѣло собственной совѣсти и собственного чувства, доносить-ли на нихъ прокурору, или нѣтъ; но, за преступность отдѣльныхъ субъектовъ дѣлать отвѣтственнымъ цѣлое населеніе и, вдобавокъ, доносить на него не закону, а беззаконію возбужденныхъ массъ, въ этомъ не видно слѣда ни логики, ни патриотизма, ни честности.

Тутъ мнѣ могутъ противопоставить довольно избитую мудрость:

— Вѣроятно евреи имѣютъ-же извѣстныя, общія имъ всѣмъ народныя отрицательныя качества, что доказывается ненавистью къ нимъ всѣхъ народовъ и во всѣ времена, какъ намъ даже рассказываетъ уже самъ Тацитъ (Historiae, V).

Замѣчательно, какою эрудиціею обладаютъ жидоѣды всѣхъ вѣковъ! Всѣ они черпаютъ изъ однихъ и тѣхъ-же, не особенно безпристрастныхъ, источниковъ этого римлянина! Ну, да! Если Тацитъ и другіе остряки его времени (какъ, напримѣръ, Ювеналъ, который, впрочемъ, больше осмѣиваетъ римлянъ за ихъ жидовскіе обычаи, нежели самъ ненавидитъ евреевъ) что-нибудь утверждаютъ, то еще большой вопросъ—правда-ли это... А если-бы даже и такъ, то есть, если-бы даже весь римскій міръ и взаправду ненавидѣлъ евреевъ, то эта общность ненависти еще далеко не доказывала ея справедливость и основательность...

А если-бы даже все, рѣшительно все, и было такъ, какъ вы думаете, или притворяетесь, что думаете, то было-бы весьма ошибочнымъ расчетомъ ожидать благородныхъ плодовъ отъ вѣтвей, если самый стволъ объявленъ выродившимся дикаремъ. Но, какъ-бы вы ни крутили и ни вертѣ-

ли, вы никакою софистикою и никакими насиліями изъ исторіи не выскоблите того факта, что высшее пониманіе жизни и сама религія выросли изъ іудейскаго древа.

Мы, правда, находимъ въ Библии самой изрѣченіе: «Онъ говоритъ къ своему отцу и къ своей матери: я тебя не «видалъ, и своихъ братьевъ не зналъ» (5 кн. Моис. 33, 9), высказанное въ видѣ признанія, но при иныхъ обстоятельствахъ.

Посмотримъ, какъ наши писатели объясняютъ эту ненависть. Они говорятъ: «Почему гора законодательства называется *Синай*, то есть, *ненавистникъ*?» (*Sinai derivat: sape—ненавидѣть*). На это отвѣтъ: «Потому, что съ Синая низошла ненависть народовъ противъ Израиля, то есть, что по причинѣ законодательства возгорѣлась ненависть народовъ противъ Израиля; такъ какъ этимъ закономъ вводились: иное ученіе о Богѣ, болѣе чистое міровоззрѣніе, высшая нравственность, что разбудило языческій міръ изъ плотскаго опьянѣнія и потому не могло ему нравиться.»

Или, можетъ быть, Египтяне, которые, въ своемъ поклоненіи Озирису, Финикіяне, въ своемъ служеніи Ваалу и Астартѣ, видѣли удовлетвореніе своимъ дикимъ инстинктамъ, а можетъ быть Греки и Римляне съ ихъ веселенькими богами, наряженными въ человѣческое тѣло, украшенными наиболѣе пріятными людскими слабостями и управлявшие вселенною очень ужъ слегка и снисходительно... Или всѣ эти народы, быть можетъ, должны были чувствовать себя очень хорошо и посвятить себя вдругъ служенію того безплотнаго и безформеннаго Jhf, единого Господа—Владыки неба и земли, который не терпитъ иного Бога, кромѣ Себя, который требуетъ чистоты помысловъ, строгой нравственности, самовоздержанія; съ которымъ нельзя шутить; который даровалъ законъ, всѣ положенія коего составляютъ видоизмѣненіе понятій: «*То ты обязанъ, а этого ты не слѣдешь*». И это они должны были встрѣтить съ удоволь-

ствіемъ? Этому они должны были подчиниться безпрекословно?!

Не гораздо-ли удобнѣе было предать эту религію посмѣянію и, какъ дикарей и фанатиковъ, возненавидѣть ея носителей, которые не представляли собою, конечно, подходящихъ компаньоновъ для распущеннаго и разслабленнаго римлянина?!

Въ виду этого, приговоръ Тацита и насмѣшки сатириковъ становятся понятнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, на сколько имъ можно придавать вѣсу!

Но что еще болѣе освѣщаетъ такое настроеніе—это то, что въ томъ-же самомъ разслабленномъ плотскими наслажденіями мірѣ начали проявляться проблески единобожія. Пресыщенные сенаторы и воины начали чувствовать омерзеніе къ своимъ оргіямъ и стали ощущать влеченіе къ трезвой и жесткой діетѣ іудаизма. Вмѣсто вѣчно веселаго Олимпа ихъ начало тянуть къ вѣчно-хмурому Синаю... Имъ вѣдь хорошо было извѣстно, что ужасы ихняго Jupiter tonans были не совсѣмъ дѣйствительны, между тѣмъ какъ совсѣмъ иначе проявлялись громы и перуны гнѣвнаго Jhfh, изъ десницы Котораго истекалъ Огонь Закона... И гордые патриціи начали поститься... И благородныя матроны Рима стали покрывать свои нѣжные члены—власяницами...

Что касается средневѣковаго періода, то, сообразно съ уровнемъ его культуры, онъ не могъ не быть одностороннимъ и—eo ipso—фанатичнымъ и долженъ былъ преслѣдовать и религію, и носителей этой религіи, которые были для него во многихъ отношеніяхъ неудобны и, такъ какъ это преслѣдованіе, кромѣ внутренняго удовлетворенія, было довольно прибыльно «для молодыхъ и старыхъ, для малыхъ и великихъ, для высокихъ и низкихъ, для народа и для властителей», то участь евреевъ была рѣшена... То вдругъ гдѣ-либо исчезало христіанское дитя, украденное *разультется* евреями; то вдругъ осквернена дароносица, что могло

быть сделано, конечно, только евреями; то вдруг отравлен колодезь, который тоже могъ быть отравленъ только евреями... Правда, они сами должны были пить изъ того же колодца, но вѣдь всё они — колдуны, то имъ это вредить не могло...

Подобныя басни и ихъ послѣдствія предоставляли народу духовное удовлетвореніе и свѣтское развлеченіе, oprичъ того; а — что самое главное, — это же приносило деньги, ибо финаль каждаго такого процесса состоялъ во всеобщемъ грабежѣ. За симъ слѣдовало изгнаніе, а потомъ позволеніе возвращенія, то есть, все таки такіе акты, которые доставляли доходъ. Этимъ достаточно объясняется ненависть къ евреямъ въ средневѣковыя времена.

Если-бы поднялся откуда-нибудь наивный вопросъ: какъ это возможно, чтобы даже въ такія времена нарушали столь рѣзко и явно самыя элементарныя основы законовъ, самыя примитивныя требованія совѣсти?.. Ну, съ такою наивностію весьма не трудно было-бы справиться.

Сначала поглядѣлъ-бы я на такого вопрошателя съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, чтобы убѣдиться, имѣю-ли я дѣло съ насмѣшникомъ или съ невмѣняемымъ, а за тѣмъ я отвѣчалъ-бы честно простофилѣ:

— Кто сталъ-бы разсуждать о законахъ и о совѣсти, если дѣло касается евреевъ, а въ особенности въ средневѣковое время, когда господствовалъ почти повсемѣстно религиозный принципъ: *Judaeis fides non est tenenda*, то есть — по отношенію къ евреямъ нѣтъ обязанностей, или, чтобы быть честнымъ переводчикомъ: «съ евреемъ никто не обязанъ поступать честно...»

Совсѣмъ не такъ въ наше просвѣщенное время, когда мы относимся ко всему правдиво и свѣтло; когда мы, для нашихъ объясненій, имѣемъ во всѣхъ случаяхъ ревнителей и поручителей, да еще съ громкими именами и съ высокимъ положеніемъ... Такъ, въ первой линіи этихъ достойныхъ

мужей Herr von Liebermann; за тѣмъ истинный и правдивый апостоль мира и придворный проповѣдникъ — Herr Stöcker; далѣе — классическій «присягатель», высокоученый профессоръ изъ за богемскихъ лѣсовъ — Herr Rohling, который, въ своихъ доносахъ, выказался истиннымъ человекомъ науки, если и не sine ira, то тѣмъ болѣе sine studio... и — шапку долой! — благородный Ritter von Schönerer*), который, сколько разъ ни потребуе, готовъ, подъ честнымъ словомъ дворянина, увѣрять васъ, что *жиды — эта самая безчестная сволочь*, виновная во всѣхъ, уже извѣстныхъ и еще неизвѣстныхъ (то есть, такихъ, которыя еще не открыты, о которыхъ еще никто не знаетъ, которыя еще не

*) Herr von Schönerer тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія (я долженъ, хотя съ искреннимъ отвращеніемъ, въ этомъ признаться), что, хотя онъ самъ принадлежитъ къ очень свѣжему дворянству, но привилъ свое генеалогическое дерево къ самому древнему дворянству міра, то есть къ жидовскому жреческому роду von Cohn'овъ, ибо его высокая супруга происходитъ изъ этого благороднаго поколѣнія. Правда-ли это или нѣтъ, въ этомъ я ручаться не могу, ибо ни въ Almanach de Gotha, ни въ доступныхъ мнѣ герольдическихъ сочиненіяхъ нѣтъ данныхъ, по которымъ можно-бы прослѣдить генеалогію знатнаго дворянскаго рода von Schönerer. Благодаря такому непростительному упущенію историкаго рода von Schönerer. Благодаря такому непростительному упущенію историковъ, я долженъ всю отвѣтственность за это свѣдѣніе возложить на газету „Wiener Neuzeit“ № 17, которая, въ свою очередь, почерпнула эти важныя для потомства данныя изъ журнала „Wiener Sonn-und Montags-Zeitung“. Теперь я могу себѣ психологически объяснить ту ярость, съ какою членъ Рейхстага (Abgeordneter von Zwettl), г. Фонъ Шёнереръ преслѣдуетъ все еврейское. Этимъ сей несчастный думаетъ держать въ почтенномъ отъ себя разстояніи даже самую отдаленную тѣнь сомнѣнія на счетъ арийской чистоты его рода. Но весьма быть можетъ, что эта именно переселенная рьяность и дала первый импульсъ этому сомнѣнію.

Конечно, для такого господина, какъ Herr von Schönerer, это должна быть ужасная мысль, которая лишаетъ его спокойствія не только ночью, но и на трибунѣ, когда онъ вспомнитъ, что сынъ его, украшенный прекраснымъ и благозвучнымъ именемъ *Куртъ* или *Гансъ*, долженъ-бы собственно называться, въ честь его предка съ материнской стороны, *ребъ-Шмуль-Лейба Коганъ*... Или если фантазія вдругъ ему нарисуетъ, какъ за колыбелью его потомка выросла тѣнь сказаннаго предка, окутанная бѣлоснѣжнымъ талесомъ, и, простирая руки надъ маленькимъ рыцаремъ, благословитъ своего внука точно также, какъ нѣкогда сей Коганъ благословлялъ въ синагогѣ дѣтей израильтевыхъ въ дни великихъ праздниковъ.

Замѣчательно, до какой степени Herr von Schönerer разъясняетъ психо-

совершены) преступленіях... Отъ нихъ вы получите еще другія объясненія и заключенія, которыя мнѣ неизвѣстны или которыхъ я не хочу обнаружить... во всякомъ случаѣ, *первый*, какъ человекъ силы, можетъ васъ съ энергичнымъ проклятіемъ увѣрять, *второй*, какъ мужъ амвона, можетъ при дворѣ проповѣдывать, *третій*, какъ профессоръ восточныхъ языковъ, можетъ клятвопреступно вамъ присягнуть, что евреи пожираютъ христіанскихъ дѣтей, придаютъ своей мацѣ (опрѣсноку) высокорелигіозный вкусъ христіанскою кровію или считаютъ богоугоднымъ дѣломъ—обманывать

логическую мѣткость взгляда нашихъ мудрецовъ. Эти именно утверждаютъ: „Кто „извѣстныхъ слабости или недостатки другихъ преслѣдуетъ съ особеннымъ удареніемъ или съ особеннымъ рвеніемъ и горячію нетерпимости, о томъ можно съ достовѣрностію предположить, что онъ чувствуетъ себя самого пораженнымъ „этими именно слабостями или недостатками“. См. Tractat Kiduschin. Fol 70 d.)

Hepp von Schönerer ужасный іудефобъ—это его личное право; онъ особенно озлобленъ и нападаетъ на еврейскія деньги—это его натуральное право; ибо натурѣ извѣстныхъ людей присуще—быть неблагодарными, а всѣмъ извѣстно, что огромное богатство этого господина происходитъ изъ тѣхъ дѣловыхъ порученій, какими жидовскій домъ von Rothschild снабжалъ его папашу... Для такового-же человека, какъ Hepp von Schönerer весьма-таки зазорно, когда онъ вспомнить (а отъ воспоминанія никакъ не уберешься!), что онъ обязанъ своимъ благосостояніемъ жидовскимъ гешефтамъ! Существуетъ, правда, поговорка: „Въ тотъ колодезь, изъ котораго ты пилъ воду, не подобаешь тебѣ бросать камни“. (Tract. Baba Kamma. Fol 92 b.). Но вѣдь это изрѣченіе жидовскаго мудреца, а руководствоваться жидовскою мудростію—въ такомъ абсурдѣ мы во всякомъ случаѣ не станемъ подозрѣвать господина von Schönerer.

Hepp von Sch. могъ бы впрочемъ ублаготворить свою іудефобію, если-бы онъ обосновалъ ее религіозными, политическими или общественными мотивами. Но онъ оставляетъ безъ всякаго употребленія такіе положительныя и пригодныя мотивы, а основывается исключительно на испорченности жидовской крови, жидовскаго происхожденія, жидовской расы. Въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ онъ подчеркиваетъ съ особенною яркостію: „Нашъ антисемитизмъ не направленъ противъ религіи, но противъ расовыхъ особенностей евреевъ. Нашему народу съ его здравымъ національнымъ разумомъ вы никогда (по крайней мѣрѣ никогда на долго) не втолкуете, что дѣти, происходящія изъ одной и той-же жидовской семьи, могутъ стать чѣмъ инымъ, какъ не опять жидами (*сильх*); что изъ нихъ когда либо можетъ сдѣлаться что-либо иное, какъ не опять, и опять жиды; хотя они, въ интересахъ своего существованія и благосостоянія, усваиваютъ себя по большей части разные языки; хотя они, въ одномъ случаѣ, объявляютъ себя безрелигіозными (*confessionslos*) или-же, въ другомъ случаѣ, даютъ себя

христіанъ. *Больше вѣсскихъ* доказательствъ у нихъ не имѣется, да никакихъ доказательствъ не надо! Если и теперь все это еще не ясно, какъ день божій, тогда конецъ свѣту... Кто и послѣ этого еще не вѣрять, тотъ безъ всякаго сомнѣнія или самъ—жидъ, или «ожидовѣлый» христіанинъ, «жидовскій прихвостень», по меньшей мѣрѣ!

Такъ вотъ, не хотите-ли знать, что я могу возразить противъ этой подавляющей массы тяжеловѣсныхъ доказательствъ?

окрестить...“ (См. официальные стенографическіе: „Protokolle der Kammerverhandlungen“ S. 4964 etc).

Злобное фатумъ заставляетъ его срывать свою ненависть, отводить сердце на расѣ, на крови и эта именно пересоленная горячість, это именно пламя ненависти сжигаетъ тонкую оболочку, подъ которою онъ старался скрыть передъ глазами свѣта свою трагическую семейную тайну.

Я осуждаю образъ мыслей и образъ дѣйствій депутата von Zwettl; точно такъ же я осуждаю нескромность, которая предаетъ публичности семейныя тайны, но Hepp von Sch. всему этому самъ виноватъ, если не можетъ постигнуть простой истины, что человекъ истинно-образованный, уже ради самого приличія житейскаго, обязанъ прискивать для выраженія своихъ мнѣній приличную форму. Если я не могу требовать отъ него, чтобы онъ, ради приведеннаго мною психологическаго предостереженія еврейскаго мудреца, рѣшился немножко понизить свое арійское рвеніе, то ему слѣдовало-бы хоть руководствоваться прозаическою мудростію нѣмецкаго мужика, которая учитъ, что „Кто несетъ въ шляпѣ своей масло, тотъ не долженъ ходить тамъ, гдѣ солнце сильно грѣетъ“ или „Кто обитаетъ въ стеклянномъ домѣ, тотъ не долженъ швырять камнями“. Если-же и мужичья логика не подобаешь дворянину, то пусть-бы онъ хоть призналъ другую логику, которая уже отличается весьма аристократическимъ звукомъ: Si tacuisses, philosophus mansisses!

Если-бы я былъ грекомъ, я узналъ-бы именно въ этомъ страшное могущество неотразимаго фатумъ, которое устраиваетъ надъ домомъ „von Schönerer“ одну изъ тѣхъ античныхъ трагедій, какія намъ приходится слушать съ ужасомъ изъ устъ Софокловой музы. Родоначальникъ дома поддается дикой страсти, которая горитъ въ немъ адскимъ огнемъ, которая неодолимою силою направляетъ шаги его къ трибунѣ, заставляетъ его изрыгать обвиненія, невызываемыя никакою видимою причиною, и вынуждаетъ у него намеки на такія семейныя мистеріи, о какихъ никто не имѣетъ ни малѣйшаго предчувствія... Далѣе, герой принужденъ раздуть въ своихъ собственныхъ сновьяхъ пламя ненависти къ своей честной, преданной, святой матери; воспитывать въ нихъ жажду страшной мести надъ своимъ родителемъ... Дикая, жестокая кровь отца кощунствуетъ надъ чистою, доброю кровью матери и сдѣлала собственныхъ дѣтей судьями надъ отцомъ и матерью... Какая перспектива!

Видите-ли, я человекъ очень стоворчивый; мой лозунгъ: «живи самъ и дай другимъ жить»... Не смотря на всѣ приведенные мною могучіе авторитеты, я отсылаю первыя обвиненія, какъ сущія сказки, въ дѣтскую, къ нянюшкамъ, гдѣ они могутъ служить весьма цѣлесообразными средствами для успокоенія и усыпленія непослушныхъ ребятишекъ. Третье обвиненіе, по части обмановъ, то есть, что касается существованія отдѣльныхъ фактовъ *an und für sich*, это я и не думаю отрицать; но я полагаю, что наша религія не имѣетъ сюда никакого отношенія; такъ какъ люди, принадлежащіе къ совсѣмъ другой религіи, подчасъ—говорятъ—подвергаются такимъ страннымъ припадкамъ, подъ вліяніемъ которыхъ они совершенно забываютъ разницу между понятіями «мое» и «твое», а я все-таки ни за что въ мірѣ не стану обвинять въ этомъ ихъ религію.

Теперь, когда я попытался изобразить передъ вами *матерію и силу*, то есть *сущность и характеръ* упомянутыхъ «ревнителей» и «поручителей», я могу уже отсюда дѣлать съ нѣкоторою достовѣрностію кое-какія заключенія о *существъ и достоинствъ* самихъ обвиненій и, такимъ образомъ, о самой основательности этого жидоненавистничества... Но... какъ ни мизерны и ничтожны эти человекъчки съ ихъ увѣреніями, какъ ни лишены всякаго

Но я—не грекъ, слава Богу; я не чувствую и не имѣю въ себѣ ни единой капли черной крови Софокла; въ жилахъ моихъ течетъ, безъ всякой примѣси, кровь семитская или, говоря понятнѣе, жидовская и, аки еврей, я не вѣрю ни въ какое языческое фатумъ, ни въ какое мрачное могущество судьбы; но я вѣрю твердо и непоколебимо въ свободу нашей воли и что, по этому, все то, что содѣялъ г. von Schönerer, онъ совершилъ вовсе не подъ заклятіемъ фатума, а по своей свободной волѣ... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я вѣрю во единого, всеблагаго и всеправосуднаго Бога, который мнѣ велѣлъ: «Не подабаешь тебѣ ненавидѣть брата твоего въ сердцѣ твоемъ; ты обязанъ поучать своего ближняго и не принимать изъ за него на себя вины, т. е. вины умолчанія. «И не будешь ты мстить и ненависти питать не будешь». (См. III кн. Моис. 19, 17—18.) И такъ, я поучалъ и исправлялъ господина von Schönerer, хотя онъ мнѣ навѣрное—не братъ!

Примѣч. автора.

основанія эти обвиненія, а все таки ненависть существовать... Должна-же она была изъ чего-нибудь родиться! Изъ чего-же?

Гдѣ, въ чемъ лежитъ основаніе этой ненависти къ евреямъ въ наше время? Въ томъ ли, что евреи происходятъ отъ библейскихъ Патриарховъ? Или-же, восходя еще дальше по ступенькамъ древности, въ томъ-ли, что они ведутъ свое происхожденіе отъ набожнаго и благочестиваго Сима, которому, право, и во снѣ не привидѣлось, что дикость и мракобѣсіе одного изъ самыхъ позднѣйшихъ поколѣній сдѣлаетъ его имя девизомъ ненависти противъ его потомковъ. Или въ томъ, что евреи принесли міру священную скрижаль библіи; что они сотворили псалмы, которые вселили въ столь многія поколѣнія возвышеніе и веселіе души, вѣру и упованіе, утѣшеніе и надежду? Или, наконецъ, въ томъ, что изъ ихъ среды вышли пророки, тѣ боговдохновенные мужи, которые, прозрѣвая далеко, за предѣлы низости и мизерности настоящаго, за предѣлы грѣховности и дикости враждебнаго міра; которые удалили всякое различіе расъ и религій и уравнили всѣхъ людей «какъ единую паству Единого Пастыря; которые увидали «во храмѣ Одного-Единого Бога, молельню для всѣхъ народовъ міра»? (*Исаія 56.7.*) Что уже предчувствовалъ Соломонъ, мудрый царь Израіля, молясь при освященіи Храма Господня: «А также чужаго, который не происходитъ отъ Твоего израильскаго народа и который приходитъ сюда изъ чужой страны, чтобы молиться въ этомъ домѣ, да услышишь Ты въ Своемъ небѣ и да исполнишь сіе, о чемъ чужой Тебя просить будетъ.» (*I Кн. Цар. 8—41.*)

Въ этомъ-ли основаніе? Или, можетъ быть, въ томъ, что гораздо позднѣйшіе ученые Израіля высказали несравненно обширнѣйшее понятіе о религіи будущаго, свободной отъ всякихъ земныхъ примѣсей, формъ и постановленій, говоря, что: «Въ тотъ день, когда былъ разрушенъ Іеруса-

лимъ, родился Мессія», то есть, что вмѣстѣ съ разрушеніемъ внѣшнихъ формъ, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ Религіи отъ Государства, родилось умственное, духовное и нравственное искупленіе (Midrasch Echa. Fol. 50 a.) и далѣе: «Кто только отрицаетъ язычество, тотъ уже считается за еврея» (Tract. Megila. Fol. 13 a).

Но, въ нашихъ глазахъ, все это не имѣетъ ни малѣйшаго вѣроятія и, по нашему мнѣнію, основаніе должно, безъ сомнѣнія, быть очень и очень тривіальнаго свойства... Зависть и недоброжелательство въ связи съ цѣлою сворою дикихъ страстей... Удовольствіе, съ какимъ человѣкъ желалъ-бы имѣть въ своемъ распоряженіи другаго человѣка, котораго онъ могъ-бы, по своему усмотрѣнію, жаловать и казнить, на которомъ онъ могъ бы свободно упражнять свое остроуміе, свою невѣжественную дикость, свое дурное настроеніе, свое недовольство собою самимъ или другими, передъ которыми онъ принужденъ молчать... Быть также можетъ—тщеславіе, желаніе непременно играть какую-нибудь роль и другіе, подобные этимъ, достойные, разумные, благородные, и—главное—честные мотивы... Или, можетъ быть, весь этотъ антисемитизмъ изображаетъ изъ себя одну лишь, такъ сказать, вступительную закуску, нѣкотораго рода пикантный *форшмакз* передъ большимъ реакціонернымъ пиршествомъ: предводители, руководясь мудрою предусмотрительностію, рѣшились пока нагрузиться закускою, форшмакомъ, ибо они, какъ люди во всякомъ случаѣ не глупые, рассчитываютъ и на такую возможность, что ожиданіе того момента, когда столъ будетъ окончательно сервированъ и обѣдъ будетъ вполне готовъ, можетъ протянуться довольно таки долго... Это основаніе яростной ненависти къ евреямъ въ наши дни кажется намъ наиболѣе правдоподобнымъ и наиболѣе заслуживающимъ довѣрія.

Здѣсь руководители зловредной части прессы могутъ мнѣ возразить:

— Мы нисколько не заботимся о древности; намъ никакого дѣла нѣтъ до средневѣковаго періода всемірной исторіи; плевать мы хотѣли на вашъ такъ называемый идеалъ человѣчности и на ваше царствіе Мессіи!!.. Намъ занимаетъ *практичное* настоящее, съ которымъ мы и желаемъ имѣть дѣло... а тутъ именно жидки намъ мѣшаютъ, эксплуатируя насъ своими гешефтами, продѣлками, своею неутомимою дѣятельностію, энергіею и хитростію... то есть, они составляютъ на всѣхъ этихъ путяхъ конкуренцію... Ну, а еще ихъ знаменитый «Кагалъ»...

Что касается пресловутой *эксплуатаціи*, то вамъ извѣстно, не хуже и не меньше, чѣмъ намъ, что громадное большинство евреевъ живутъ въ самой плачевной бѣдности, нуждаясь въ самомъ что ни на есть необходимѣйшемъ... Это выказываетъ ихъ исхудалая, изможденная наружность съ такою ясностію, до какой не дошелъ еще ни одинъ изъ корифеевъ судебной защиты. И, при такихъ условіяхъ самаго крайняго истощенія, они должны развивать неутомимую дѣятельность и нечеловѣческую энергію, чтобы, въ тѣсномъ до невѣроятія кругу законной возможности, влачить свое злополучное существованіе съ «сегодня» на «завтра», не зная «сегодня» будетъ ли для нихъ «завтра»... Если же эта *дѣятельность*, эта *неутомилость*, эта *энергія* и *хитрость* все еще кажутся вамъ столь опасными, то каждый опытный и честный человѣкъ, нисколько не призадумавшись, скажетъ вамъ, что эти именно «пороки», для всего народонаселенія и для всего государства вообще, очень и очень полезны.... мало того—необходимы; такъ какъ, только благодаря имъ, всѣ остающіяся безъ всякаго употребленія, въ абсолютной бесполезности, *матеріалы* приходятъ въ движеніе, получаютъ извѣстную цѣнность, чрезъ что торговля и промышленность получаютъ жизнь... Впрочемъ, нельзя отрицать, что этими именно «пороками», которые насильно навязало имъ преслѣдованіе

и гоненіе, евреи пополняютъ естественныя пробѣлы въ положеніи кореннаго населенія.... Коренное населеніе, благодаря его позиціи въ государствѣ и обществѣ, можетъ себѣ жить спокойно и беззаботно со-дня на-день, не имѣя никакой надобности натуживаться для поддержанія своей насущной жизни.... Такимъ образомъ *дѣятельность* еврея комплектируетъ вашу косность; еврейская *подвижность*—вашу бездѣятельность и лѣность; жидовская *энергія*—вашу сонливость и обломовщину; еврейская *хитрость*—вашу замѣчательную халатность.... и только при этомъ взаимодействіи и только такимъ образомъ, вы образуете совокупно съ евреями—нѣчто *цѣлое*... Мало того! Какъ бы ни странно это вамъ показалось, я готовъ утверждать, что Россія должна бы основать преміи (какъ это сдѣлала Испанія) на колонизированіе страны евреями, если бы она еще не имѣла этого несчастнаго населенія....

Евреевъ уже въ древнія времена называли *солью земли*... Это прозвище подабаешь имъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и по днесь... въ особенности въ Россіи. Соль представляетъ собою именно весьма своеобразное вещество: сама по себѣ она весьма мало пригодна для употребленія, но *безъ нея не могутъ обходиться* при приготовленіи безчисленнаго множества другихъ веществъ... и въ этомъ смыслѣ она рѣшительно незамѣнима. Такъ мясо, напимѣръ,—наша самая основная, самая необходимая для насъ матерія питанія: попробуйте-ка кушать это мясо въ такомъ состояніи, въ какомъ предлагаетъ вамъ натура... Оно покажется вамъ приторнымъ и невкуснымъ, пожалуй даже будетъ вреднымъ. Въ клѣточкахъ и тканяхъ мяса природа заготовила и молоко, и бѣлковину, и всякія питательныя матеріи—это правда; но все это запрятано, замкнуто, связано и только лишь вмѣшательство соли раскрываетъ настезь клѣточки, волокна, освобождаетъ всѣразличные соки, растворяетъ ихъ, распредѣ-

ляетъ и тогда только вы находите, что жаркое вкусно и—самое главное—удобоваримо, то есть—здорово и питательно. Что *соль*, по словамъ Св. Писанія, составляетъ *символъ вѣчности*—это такое воспоминаніе, которое едва-ли принесетъ мнѣ благодарность *всѣхъ* читателей!....

Вообще, слабости и недостатки, которые приписываются евреямъ и отчасти приписываются справедливо (и почему-жь бы евреи должны не имѣть изъяновъ, столь-же большихъ или столь-же малыхъ, какъ и всѣ другіе люди въ мірѣ?!), болѣе вредны и опасны для нихъ-же самихъ, нежели для кого-либо иного, или, говоря словами господина фонъ Гартмана, для ихъ «хозяевъ».

Мы не станемъ уже говорить о томъ, что тяжкія уголовныя преступленія рѣдко встрѣчаются среди евреевъ: однако-жь, встрѣчая случаи грабежа, смертоубійства, поджигательства и т. п., никому не прійдетъ-же въ голову дѣлать противныя всякой логикѣ обобщенія, возводя эти примѣры злодѣяній на степень характерной національной особенности того народа, въ средѣ котораго нашелся грабитель, убійца, поджигатель и т. п... Никто вѣдь не говоритъ о французскомъ воровствѣ, нѣмецкомъ грабежѣ, русскомъ поджогѣ и т. п. чепухѣ. Но это—мимо! Я скажу, что даже болѣе легкіе проступки, встрѣчающіеся очень уже часто между евреями и составляющіе у нихъ хроническій недугъ, какъ-то: нечестное торгашество, обманъ, пристанодержательство торговля краденными вещами, ростовщичество и т. п., далеко не составляютъ прирожденных пороковъ еврейской расы... Они скорѣе ей навязаны, привиты насильственно; привиты обстоятельствами, а въ громадномъ большинствѣ людьми и тѣми именно людьми, которые громче всѣхъ обвиняютъ ее въ этихъ-же проступкахъ. Жить—*хочется* каждому человѣку... Скажу больше, не смотря ни на какіе софизмы и разсужденія, каждый человѣкъ имѣетъ полнѣйшее и законнѣйшее право *хотѣть* этого. На этомъ

личномъ основаніи и жиду *хочется* жить и, для удовлетворенія этому понятному хотѣнію, онъ обращается, натурально, къ общеизвѣстнымъ, легальнымъ средствамъ; но тутъ неожиданно раздается со всѣхъ сторонъ недавно пріобрѣтшій дипломатическую славу возгласъ: Hands off! Въ русскомъ переводѣ чисто-пруссаго подлинника, это значитъ: «Руки прочь!» — «Это тебѣ не дозволяется, но за то это тебѣ — воспрещается».

Что-же дѣлать? Разъ легальный путь поддержанія жизни (въ буквальномъ смыслѣ слова) запрещенъ и закрытъ, человѣкъ обращается къ *нелегальному*, какъ утопающій къ соломенкѣ...

Вы видите, читатель, что я не желаю сдѣлать изъ моихъ евреевъ какихъ то палладиновъ добродѣтели; но скажите сами: кто виноватъ, если несчастный голодный ищетъ окольного пути, когда прямая дорога передъ нимъ заграждается? Укажите мнѣ такого человѣка, который, будучи самъ хронически голоденъ и имѣя дома кучу голодающихъ дѣтей, да вдругъ встрѣчаетъ возможность пріобрѣсть для себя и семьи кусокъ хлѣба и вдругъ, увлекаясь нравственнымъ сознаниемъ, мотивами законности или даже уваженіемъ къ самому закону, въ виду стоящихъ передъ нимъ враговъ, не ухватится за эту возможность! Вѣдь дѣло идетъ о его жизни и о жизни его дѣтей. Кто рѣшится бросить первый камень въ бѣдняга, тогда какъ всѣ мы знаемъ случаи, гдѣ люди, живущіе въ иныхъ совершенно обстоятельствахъ, въ довольствѣ и даже въ богатствѣ, обладающіе, кромѣ того, выгодными и почетными должностями, поддаются не разъ минутной слабости... А вѣдь ихъ на это наталкиваютъ не голодъ и нужда; но роскошь и жажда излишествъ влекутъ ихъ къ запретному плоду и, между тѣмъ, чувствительные и мягкосердые судьи находятъ для нихъ смягчающія обстоятельства и выносятъ приговоръ: *невиновенъ*....

Милосердіе, чувствительное вниманіе въ естественное

свойство человѣческой слабости, смягчающія вину обстоятельства—все это прекрасныя черты человѣческаго сердца, а идея «суда присяжныхъ» несомнѣнно составляетъ самый благородный цвѣтъ цивилизаціи, хотя впрочемъ и эта идея не представляетъ собою изобрѣтеніе современнаго человечества, ибо мы встрѣчаемъ ее уже у древнееврейскихъ ученыхъ, которые говорятъ: «Суди человѣка съ благопріятной для него стороны». (*Изрѣченія отцовъ* 1. 6.) За тѣмъ: «Не осуждай человѣка, доколѣ ты самъ не былъ въ его положеніи». (*Талъ же* 2. 4.) Наконецъ Соломонъ Мудрый уже сказалъ: «Не презирайте вора, если онъ украдетъ, ибо онъ лишь удовлетворяетъ потребностямъ своей жизни, такъ какъ онъ голодаетъ». (*Притчи Соломона* 6—30.)

Обратимся теперь къ пресловутому «Кагалу», къ которому всѣ якобы питаютъ необыкновенную боязнь... Все это одинъ лишь призракъ, которымъ одинъ другого пугаетъ, но самъ никто въ него не вѣритъ*).... Но если даже и есть чудачки, которые вѣрятъ этой баснѣ, то все таки «Кагалъ» этотъ есть не больше, какъ закрытая занавѣскою картина, которая внушаемымъ ею страхомъ обязана именно этой занавѣскѣ: подъ занавѣскою можно предполагать все, что кому угодно; даже самое страшное... Я же хочу для васъ снять это покрывало, хочу представить вамъ это пугало во всей его наготѣ и вы, подобно тому юному жрецу, не будете ощущать ни самомалѣйшаго чувства боязни... Мало того, вы будете другъ надъ другомъ взаимно подтрунивать, по поводу этого, вами-же созданнаго, страха; или, что вѣроятнѣе, будете сожалѣть о потерѣ столь полезнаго для кое-кого пугала...

Подъ именемъ «Кагала» вы предполагаете какую-то чрезвычайную силу съ неограниченными средствами, съ желѣзною и сознающею свои цѣли волею, съ глубоко обдума-

*) См. „Три Призрака“ того-же автора.

нымъ планомъ и, прежде всего, съ твердымъ единодушіемъ и съ закаленною солидарностью между всѣми сочленами...

Конечно: все это въ совокупности было-бы, можетъ быть, и пригодно для достиженія великихъ результатовъ и мы знаемъ нѣчто похожее, но не у евреевъ, а въ иной средѣ и для иныхъ совсѣмъ цѣлей, не для жидовскихъ. Будь у насъ такая сила и такія средства, мы умѣли бы найти имъ приложеніе, конечно—въ другомъ направленіи; но, къ несчастію, у насъ вы встрѣчаете діаметральную противоположность всему тому, что составляетъ основное условіе существованія какого-либо «Кагала». Евреи, во первыхъ, не представляютъ собою никакой силы... Мы положительно противно и я рисковалъ-бы сдѣлаться смѣшнымъ, если бы пустился доказывать, что крошечный народецъ, разсѣянный по лицу всей земли, не изображаетъ изъ себя и никакъ не можетъ составлять «силу»... Вѣдь враги наши окончательно осмѣяли бы меня за стараніе доказать то, что каждому изъ нихъ слишкомъ хорошо извѣстно. Средства жидовъ крайне ограничены; развѣ вы вздумали бы приписать каждому отдѣльному еврею всѣ богатства нѣсколькихъ милліонеровъ и въ этомъ было-бы столько смысла, какъ въ приписываніи цѣлому народу недостатковъ или пороковъ единичныхъ личностей. Одно болѣе, чѣмъ вѣрно:—это именно, что еврейскіе биржевые, желѣзнодорожные и всякіе иные бароны готовы скорѣе отдать свои милліоны на какую нибудь всеобщую политически-денежную спекуляцію, нежели на спеціально-національныя цѣли, а въ особенности ради достиженія *завоеванія міра* евреями, ради всемірнаго еврейскаго владычества, которое имъ пришлось-бы въ концѣ концовъ раздѣлить по ровну съ многочисленною массою, если-бы мысль не была вообще самымъ непозволительнымъ абсурдомъ... Вообще, я принужденъ высказать здѣсь серіозное опасеніе, что ихъ милліоны, роскошь, безпрестанная безтактность и arrogantная напыщенность этихъ бароновъ

(по правдѣ сказать—эдакихъ нѣсколько милліончиковъ распространяють такой сильный запахъ, который переносится не каждымъ носомъ!) возбуждая зависть и порождая недоброжелательство, которыя распространяются на весь народъ (но отъ которыхъ страдаемъ собственно лишь мы одни, нисколько непричастные ни къ этимъ милліонамъ, ни къ ихъ послѣдствіямъ!), приносятъ намъ гораздо больше вреда, нежели можно ожидать пользы отъ тѣхъ ничтожныхъ подачекъ, какія они небрежно и неохотно швыряютъ на наши благотворительныя учрежденія.

Что-же касается желѣзной воли, глубоко-обдуманнхъ плановъ и сильно-закаленной солидарности, то нами овладѣваетъ боль и бѣшенство, когда подумаешь о страшной и безжалостной прони, заключающейся въ подобномъ предположеніи! Нація, которая не связана рѣшительно никакими общими узами, кромѣ развѣ религіозныхъ... (а какъ крѣпки и чего стоятъ сіи послѣднія—это мы, увы! слишкомъ хорошо знаемъ!); нація, въ которой *каждая* отдѣльная единица считаетъ себя несравненно *лучше* и, въ особенности, несравненно *умнѣе каждой другой*; нація, въ которой всѣ хотятъ повелѣвать, а никто не хочетъ повиноваться; нація, въ нѣдрахъ которой тщеславіе, сварливость и безграничное самолюбіе готовы наброситься и разрушить *каждое* предпріятіе, если только оно задумано и начато «другимъ»; нація, въ которой нѣтъ и не можетъ быть ни порядка, ни подчиненности, ни уваженія къ чужой личности; нація, о которой уже пророкъ Исаія (3, 5), со свойственною ему прозорливостью и предвидѣніемъ, плакалъ: «И напираетъ народъ, мужъ противъ мужа, одинъ противъ другаго; мальчишки возстаютъ противъ старцевъ, недостойные пошляки на почтенныхъ людей!...» Нація, однимъ словомъ, съ такими характерными особенностями, которыхъ невозможно отрицать и которыя не ступаютъ и не уступятъ, если-бы даже угрожало величайшее *Chilul-Naschem* (оскор-

бленіе Имени Божія), если-бы даже отъ этого зависѣло бытіе всего народа*), такая нація, говорю я, не можетъ быть грозною въ настоящемъ и едва-ли можетъ стать для кого либо страшною въ отдаленнѣйшемъ даже будущемъ! Что эти характеристическія черты и по сіе время, къ великому прискорбію, не исчезли изъ нравственнаго облика евреевъ, мы знаемъ по собственному опыту и можемъ подтвердить эту печальную истину однимъ замѣчательно мѣткимъ изрѣченіемъ покойнаго Императора Николая Павловича. По поводу какого-то обширнаго обвиненія еврейства относительно мацы съ кровью, Государь рѣшилъ коротко и на-отрѣзъ: «Все вздоръ! Будь въ этомъ хоть ничтожная частица правды, сами евреи уже давно донесли-бы мнѣ объ этомъ!»

А теперь?.. О, если-бы я могъ убить этотъ фактъ молчаніемъ!!... Самое большее число доносовъ на еврейство, доносовъ по адресу администраціи, полиціи (въ особенности тайной) развѣ не совершается евреями, а самыя ядовитыя, самыя злокозненные и зловредныя для евреевъ статьи и пасквили, какими живетъ и жирѣетъ мѣстная антисемитическая газета, сочиняются непременно евреями-ренегатами и неренегатами, а надежнѣйшая опора и всѣ основные столпы этой же газеты, тоже состоятъ изъ отребьевъ и выплевковъ еврейства.

Нѣтъ, господа! Можете искать у евреевъ все, что

*) Припоминаемъ здѣсь повѣствованіе Талмуда о томъ, что, благодаря личному упрямству и непримиримой взаимной мстительности *двухъ только* евреевъ, послѣдовало разрушеніе Іерусалима [см. Tract. Gittin, Fol. 56 a.] Если вѣрить факту, что одинъ еврей, вследствие личной обиды, за которую не получилъ удовлетворенія, предалъ римлянамъ весь свой народъ, измѣнилъ своему отечеству и обрекъ его на погибель, то дальнѣйшія поясненія становятся излишними; если-же фактъ этотъ не имѣетъ исторической подкладки и рассказывается нашими учеными, лишь какъ образецъ національной мстительности, то значеніе его еще убійственнѣе... Во всякомъ случаѣ, исторія заявляетъ категорически плачевный фактъ, что въ моментъ осады Іерусалима римлянами, когда тараны и катапульты враговъ сотрясали стѣны, въ то-же самое время, внутри стѣнъ священнаго города, разныя партіи творили между собою кровавую расправу.

вамъ угодно, только не единства; можете у нихъ найти все, что хотите, только не солидарность; можете сдѣлать изъ нихъ все, что вамъ вздумается, но ужъ никакъ не «кагалъ»!

Такимъ образомъ, господа антисемиты могутъ на счетъ «кагала» совершенно успокоиться; а если-бы даже и нашлось нѣсколько взбалмошныхъ и опьянѣлыхъ головъ, въ которыхъ и попробовала-бы народиться такая дикая мысль, то мигомъ тутъ-же нашелся-бы и доносчикъ, то есть *непременно* еврей-же, который изъ «честнаго патріотизма считалъ-бы священнѣйшимъ для себя долгомъ предупредить правительство объ *угрожающей ему опасности*». Говорятъ даже, якобы въ самоновѣйшее время разыгралась такого рода трагикомедія, что евреи представились въ подлежащемъ мѣстѣ, и то не въ скромной роли простыхъ доносчиковъ, а съ извѣстнымъ оффиціознымъ самосознаніемъ, испрашивая отъ высшаго правительства мѣропріятій для защиты ихъ (*евреевъ*) отъ вліяній чуждаго нѣмецкаго элемента, такъ какъ они (*евреи*) чувствуютъ себя глубоко-огорченными въ своемъ *русскомъ* патріотизмѣ, видя вокругъ себя такое множество нѣмецкихъ *стихий* (читай— *конкурентовъ*) и будучи принужденными слышать столь часто нѣмецкій языкъ, который есть-де языкъ враговъ Россіи. Больше нельзя уже требовать отъ самой щепетильной легальности...

Высшему Правительству, по всей вѣроятности, откроются наконецъ глаза; антисемиты посыпятъ свои главы пепломъ; покаются въ своихъ прегрѣшеніяхъ, станутъ оплакивать свои заблужденія и отречься отъ нихъ!

Исторія эта была-бы весьма забавна, если-бы не была столь-же печальна въ своей завязкѣ, сколько глупа и въ исполненіи; но, для надлежащаго освѣщенія «тайной организаціи», «внутренняго сплоченія» и «закаленной солидарности», она, кажется, *очень* достаточна. Да! Если бы господа антисемиты получше понимали свое дѣло, они-бы

взялись за него совершенно иначе. Угнетение, гонение и преследование евреевъ ни къ чему не ведутъ: чего не успѣла непрерывная цѣпь преслѣдованій, длиною въ восемнадцать столѣтій, того не достигнуть и всѣ уязвленія настоящаго времени. Дерево, которое не въ состояніи были сокрушить всѣ ураганы средневѣковой исторіи, не падеть вѣроятно и отъ нѣсколькихъ ударовъ современнаго вѣтра, а эти немногія листья, скажемъ даже вѣтви, которыя отъ него отпадаютъ, были и безъ того увядшія и засохшія, существа—безъ внутренней жизни и безъ органической связи со стволомъ. Мало того: люди, которые, ради избѣжанія временныхъ непріятностей, допустимъ—испытаній, даже страданій, отказываются отъ своей вѣры, отъ своего народа, не составляютъ, съ одной стороны, важной потери и не представляютъ, съ другой стороны, большаго приобрѣтенія. Такіе-же люди, люди лучше, люди съ характеромъ и съ честью, которыхъ-бы даже не удерживали религіозныя и національныя узы, уже потому не сдѣлаются отступниками, что они обязаны своему собственному самоуваженію избѣгать даже подобія, будто они, изъ за матеріальныхъ расчетовъ, хотятъ втереться и проскользнуть туда, гдѣ имъ не мѣсто уже по ихъ убѣжденіямъ. Скажемъ больше: они не сдѣлаютъ этого уже для того, что-бы не попасть въ одну общую кучу съ тѣми продажными креатурами...

Мы не хотѣли-бы, чтобы насъ понимали фальшиво. Мы знаемъ, что въ жизни душевной встрѣчаются многія измѣненія и что, по этому, нельзя отрицать возможность перехода изъ одной религіозной формы въ другую по вполне чистымъ побужденіямъ и въ силу совершенно честныхъ убѣжденій; нельзя однакожь, съ другой стороны, не согласиться, что человекъ, въ лучшемъ значеніи этого понятія, не допустить, чтобы на искренность его образа мыслей и на чистоту его совѣсти падала малѣйшая тѣнь сомнѣнія или ложнаго толкованія и онъ, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ

ожидать со своимъ переходомъ того момента, когда отъ этого будутъ зависѣть матеріальныя выгоды. Всѣмъ извѣстно, какими глазами смотрятъ на перебѣжчика даже во время самой вины; всѣмъ извѣстно, что даже въ такихъ случаяхъ, когда *любятъ измѣну*, все таки *презираютъ измѣнника*.

Да! Еслибы антисемиты знали свое дѣло, они отдали-бы свой послѣдній рубль, чтобы купить Палестину (туркамъ все-равно нужны «мелкія»!) и подарить ее, безъ всякаго возмездія и безъ всякихъ обязательствъ, евреямъ: въ теченіи какихъ-нибудь десяти лѣтъ, они сами съѣли-бы другъ-друга и, такимъ образомъ, съ еврейскимъ вопросомъ было-бы покончено разъ на всегда. Но и это не идетъ; это нѣкоторымъ господамъ было-бы тоже—не на руку, ибо—чѣмъ-бы тогда, въ случаѣ извѣстной надобности, позанять или позабавить чернь?!

Мнѣ невыразимо больно высказываться объ этомъ внутреннемъ растлѣніи моего народа: терзаемые, гонимые, угнетаемые извнѣ, мы еще больше истекаемъ кровью изъ-за внутреннихъ, собственной рукой наносимыхъ ранъ, и эти раны я вынужденъ разоблачать самъ, какъ едва-ли успѣлъ-бы величайшій врагъ евреевъ, лютейшій жиждѣ. Но—ядъ можетъ быть побѣжденъ ядомъ: дѣло идетъ объ освѣщеніи лживости и безчестности нашихъ непріятелей, твердящихъ безпрестанно про опасность еврейскаго братства—«кагала» и угрожающихъ предстоящимъ якобы завоеваніемъ вселенной евреями. Вы теперь сами видите, чего вамъ съ нашей стороны опасаться! Въ то-же время мнѣ желательно разъяснить и моимъ единовѣрцамъ ихъ внутреннее состояніе; хочу имъ указать, въ чемъ заключаются источники ихъ злополучія, дабы имъ стало ясно, въ чемъ они должны измѣниться и исправиться... Да! Въ насъ есть многое такое, что мы должны измѣнить и исправить и, не только лишь въ низшихъ слояхъ нашего народа, но и въ высшихъ. И здѣсь

мы должны изменить очень многое, если мы хотим приобрести себѣ сочувствіе и уваженіе современниковъ и *такимъ образомъ* завоевать для себя равноправіе среди другихъ племенъ. Я не говорю съ г. von-Hartmann и такъ какъ это ему хочется, что мы должны купить себѣ правоуравненіе цѣною отреченія отъ самоуваженія и чувства національности; напротивъ того: уваженіе міра приобретается только сохраненіемъ собственнаго достоинства, твердостью характера и честнымъ согласіемъ. Но, къ большому сожалѣнію, между нами есть личности, такъ сказать—нѣсколько «вышеставленные», которымъ кажется, что первый свой дебютъ въ обществѣ они должны запечатлѣть тѣмъ, что отрицаютъ или скрываютъ свое происхожденіе: вы можете, ни сколько не стѣняясь, смѣшивать евреевъ съ грязью, а они, счастливые увѣренностью, что ихъ не знаютъ, или (это счастье—еще больше!), что въ нихъ не узнаютъ евреевъ, самодовольно улыбаются или даже прибавляютъ и свои оскорбленія...

Какъ изволите видѣть—я откровененъ; я соглашаюсь съ вами относительно нашихъ недостатковъ; я даже обнаруживаю наши пороки, похуже тѣхъ, какіе вы о насъ выдумываете; но, при этомъ, я отмѣчаю съ особеннымъ удареніемъ, что эти наши недостатки и пороки касаются исключительно насъ самихъ, что они направлены только противъ нашей собственной крови и плоти, что они остаются, такъ сказать, *en famille*... Васъ-же они вислоко не затрогиваютъ, вамъ они ничуть не вредятъ, а потому вы не имѣете ни поводовъ, ни права негодовать за то или называть. Что-же касается нашихъ національных, нашихъ обще-солидарныхъ тенденцій и стремленій, вамъ по истинѣ нечего опасаться. Здѣсь не мѣсто доискиваться, какая доля этихъ слабостей и недостатковъ нашихъ лежитъ въ нашихъ природныхъ свойствахъ, зависитъ отъ нашей собственной воли, а какая привита нашими несчастіями, вѣчнымъ угне-

тениемъ, преслѣдованіями и гоненіями, то есть—навязана намъ насильно *вами-же*... Впрочемъ, если вамъ угодно, я могу согласиться и на этотъ анализъ. Я опять хочу высказаться съ полною откровенностью и совершенно свободно о нашихъ внутреннихъ, видимыхъ и невидимыхъ болячкахъ. Я готовъ сознаться, что между нами имѣется слишкомъ достаточно всякой «дряни»,—бездѣльниковъ, лѣнтыевъ, праздношатающихся, воровъ, жуликовъ, ростовщиковъ, интригановъ и доносчиковъ, простыхъ и элегантныхъ подлецовъ и предателей... Это такъ, но, въ то-же время, я дважды подчеркиваю и безусловно ожидаю, что вы мнѣ поверите, что народъ нашъ, въ ощутительномъ большинствѣ, изобилуетъ здоровымъ, неиспорченнымъ матеріаломъ, элементами полезными для общества и государства и притомъ рабочими силами, нравственною сознательностью, чувствами и пониманіемъ обязанностей, благодарностью, интеллигентностью и энергіею, то есть весьма почтенными силами, которыя мы не только утилизируемъ для себя, но искренно готовы посвятить всецѣло пользѣ государственной и общественной... Все это такой матеріалъ, который выказалъ свою неопровержимую цѣнность на коронной службѣ, на поприщѣ администраціи, въ юридической дѣятельности, на гражданскихъ и военныхъ должностяхъ, на морѣ и на сушѣ... Отмѣчаемые мною истины и въ настоящее даже время не перестаютъ оставаться истинами; а если-бы вамъ понадобилось официальнаго подтвержденія моихъ словъ, то существуютъ-же всеразличные государственные календари, статистическія таблицы, служебныя списки во Франціи, Англіи, Бельгіи, Голландіи, Америкѣ и проч., и проч. и вы можете заочно удостовѣриться, что евреи, какъ чиновники, еще никогда не фабриковали подложныхъ актовъ; какъ кассеры—исполняютъ честно свои обязанности и никогда не обкрадываютъ кассъ; какъ добросовѣстные судьи—никогда не торгуютъ своими приговорами; какъ военнослужащіе

(даже и въ высшихъ офицерскихъ чинахъ) всегда хладнокровно ходили и ходятъ въ огонь; какъ умѣлые и исправные моряки, отважно пускаются въ океанъ...

Въ томъ то и дѣло—для насъ всѣхъ невыразимо важно, чтобы свѣтъ истины освѣтилъ *все*. Но, на сколько добросовѣстно и безпристрастно, какъ я констатирую все доброе и все злое, настолько-же честно и нелицеприятно должны и вы судить и поступать по отношенію къ намъ... Истина, помимо всякихъ матеріальныхъ вліяній, должна сама по себѣ и сама для себя восторжествовать во всемъ и высказать свое окончательное и категорическое рѣшеніе...

Уже наши древніе мудрецы изрекли: «Печатью Господнею есть истина», и дѣйствительный, неподдѣльный миръ можетъ воцариться и властвовать тамъ, гдѣ люди познаютъ себя взаимно на основаніяхъ непреложной истины и на тѣхъ-же основаніяхъ поступаютъ и дѣйствуютъ.

Доходимъ, наконецъ, до послѣдняго двигателя общегосударственного организма — до церкви. Русская Церковь составляетъ заключительное звено государственного механизма; она покрываетъ, охраняетъ и вѣнчаетъ все государственное зданіе, ибо вѣнецъ ея—величіе Царя-Первосвященника, соединяющаго въ своей Священной Особѣ высочайшую свѣтскую и церковную власть и потому еще, что эта-же Церковь служитъ источникомъ духа терпимости и любви, ревнителемъ мира, сѣятелемъ спокойствія и согласія среди многомилліоннаго населенія страны. Мы не говоримъ о власти церкви надъ плотію и духомъ ея исповѣдывателей, не о значеніи ея въ гигантскомъ механизмѣ общегосударственного организма, при всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Нѣтъ! Мы говоримъ о томъ, что Она направляетъ эту силу свою, это всесильное вліяніе не на политическія или вообще матеріальныя дѣла, словомъ ни на что-либо иное (подчеркиваю—ни на что-либо иное!), какъ только на свою возвышенную, нравственную миссію: *спясть терпи-*

мость; научать любви, не на словахъ, а на дѣлѣ; распространять и сохранять миръ и согласіе.

Въ этомъ исгоніи состояла вся сущность русской Церкви, а потому мы и не находимъ въ лѣтописяхъ Россіи ни религіозныхъ гоненій противъ иновѣрцевъ, ни инквизицій, ни вароломеевскихъ ночей, ни французскихъ *драгонадъ**, ни нѣмецкихъ *Циллертальскихъ изгнаній*** и вообще никакой изъ тѣхъ религіозныхъ бурь, которыя причинили въ мірѣ столько бѣдствій и оставили послѣ себя столько развалинъ, обогранныхъ людскою кровью во имя Бога. Русская Церковь требуетъ *лишь* порядка у себя дома; она стремится охранить ту паству, которую имѣетъ и за которую она отвѣтственна, что собственно и составляетъ ея прямую обязанность; но иновѣрцевъ она оставляетъ въ покоѣ, предоставляя имъ полную вѣротерпимость и даже принимая ихъ подъ свою защиту.

По этому именно мы видимъ, въ настоящее время, поразительное явленіе: въ то время, когда демонъ антисемитизма свирѣпствуетъ по Европѣ, среди государствъ, цивили-

*) Людовикъ XIV и его министръ Лувуа предприняли насильственное обращеніе протестантовъ въ католичество посредствомъ драгуновъ. Въ 1681 году Лувуа послалъ на первыхъ порахъ въ Пуату одинъ драгунскій полкъ, съ приказаніемъ: обременить протестантскихъ жителей двойнымъ постоемъ; но, мало по малу, онъ распространилъ это мѣропріятіе на весь край и разрѣшилъ солдатамъ maltretировать и грабить наиболѣе упорныхъ приверженцевъ протестантизма. Это мѣропріятіе назвали Dragonades, — La mission bottée или же Les conversions par Logements.

***) Циллерталь, — Zillertal — боковая вѣтвь долины Инна, одна изъ самыхъ значительныхъ долинъ восточнаго хребта центральныхъ Альповъ. Массовое выселеніе 400 чел. циллертальскихъ жителей, принявшихъ протестантство, возбудило въ 1837 году сильную сенсацію. Не смотря на то, что Императоръ Францъ, въ бытность свою въ 1832 году въ Инсбруккѣ, общалъ полнѣйшую вѣротерпимость, сказаніемъ протестанты получили, 2 Апрѣля 1834 года, категорическое приказаніе: или принять поголовно католичество, или-же выселиться. Циллерцы предпочли послѣднее и, выхлопотавши съ большимъ трудомъ правительственное разрѣшеніе продать свою собственность, въ Августѣ 1837 г. оставили родину. Это событіе называется въ новѣйшей исторіи Zillertaler Austreibung.

лизованных раг excellence, Россія остается въ этомъ смыслѣ невозмутимою, неоскверненною.... Единичные печальные эксцессы беззаконнаго произвола толпы не только не были подготовлены или вызваны русскою церковью, но произошли прямо вопреки ея указаніямъ и тенденціямъ и явились продуктами злонамѣренныхъ личностей и злонамѣренной части русской прессы. Какъ архангелъ съ огненнымъ мечемъ у вратъ рая, такъ духъ русской церкви стоитъ твердымъ стражемъ на рубежѣ русской земли и отгоняетъ все нечистое. Какъ ни бушевала извнѣ буря, какъ ни подкапывалась извнѣ нечистая сила, — съ многотысячныхъ амвоновъ русской земли раздавалось слово мира и согласія, проповѣдь любви и примиренія, потому, что многотысячный сонмъ русскихъ священнослужителей, безхитростно и не мудрствуя лукаво, остается преданнымъ и вѣрнымъ духу своей церкви и ни одинъ изъ пастырей не отважится, даже ни одному изъ нихъ и въ голову не прійдетъ, увлекаясь личнымъ религиознымъ рвеніемъ, выйти изъ проложенной вѣками колеи или навязать себя въ роли демонстративнаго стража Сіона... А что сказать о князьяхъ русской церкви, о свѣтлыхъ Епископахъ и Архіепископахъ?! Эти высокіе ревнители любви и подвижники мира защищали несчастный Израиль, когда демонъ антисемитизма угрожалъ ему своими когтями... Въ минуты страшнѣйшей опасности, Архипастыри Петербурга, Москвы, Кіева, Харькова, Нижняго и пр. и въ особенности почившій въ Бозѣ Архіепископъ Одесскій, взяли подъ свою священную защиту повергнутую въ ужасъ паству русскихъ евреевъ.

Въ благодарность и въ память этого чисто-русскаго и чисточеловѣческаго характернаго подвига, да раздадутся во всеуслышаніе нижеслѣдующія слова и да оповѣстятъ они міру, что православная русская Церковь выражаетъ свою высокую миссію въ томъ, что проповѣдуетъ всеобщую любовь не словомъ, а дѣломъ. Да повѣдаютъ эти строки

міру, что іудейскій раввинъ находитъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ: признавать и чтить все истинное, все чистое, все возвышенное, если даже оно проявляется въ иной формѣ, не въ той, которая составляетъ святыню еврея и что, поступая такимъ образомъ, еврейскій священнослужитель дѣйствуетъ въ духѣ своей религіи, какъ вы увидите въ нижеслѣдующей проповѣди.

Да ниспошлетъ Господь правды и истины, любвеобильный Отецъ человѣчества, свое благословеніе нижеслѣдующимъ словамъ, дабы изъ почвы Россіи, изъ лона этой молодой страны культурнаго міра, произросла золотая жатва человѣколюбія, какою по сіе время старѣйшія цивилизованныя страны Европы не умѣли или не хотѣли у себя воздѣлывать.

Во имя Единого-Всеединого Господа, иже есть «Всевышній Богъ, Владыка неба и земли». Аминь.

Что есть сіе, чѣмъ шаги всѣхъ насъ были нынѣ направлены сюда, въ то время, какъ во всякій иной часъ наши пути рѣзко раздѣляются и такъ далеко расходятся?

Какая сила насъ соединяетъ теперь въ одномъ настроеніи, въ то время, какъ наше повседневное настроеніе, которому мы повсегда послушны, столь не-едино и столь разно?

Что наконецъ связываетъ насъ единою вѣрующею мыслию, тогда какъ во всякое иное время исповѣдуемъ различныя религиозныя формы?

Благочестивые слушатели! Изъ сего мы усматриваемъ, что, какъ ни могущественна жизнь, во вселенной есть нѣчто болѣе сильное, чѣмъ интересы этой жизни и это есть — идеальное могущество нравственности... Какъ ни высока вѣра, есть въ жизни нѣчто еще высшее и это — любовь... Ибо вѣра творитъ формы, а любовь — дѣла; вѣра создаетъ рвеніе, а любовь — мягкосердіе; вѣра разъединяетъ, а любовь связываетъ. Кто твердъ въ вѣрѣ, тотъ близокъ къ Богу,

кто твердь въ любви, тотъ живетъ въ Самомъ Богѣ, зане Богъ—есть любовь! Потому Священное Писаніе говоритъ намъ не о вѣрѣ, а о любви; потому мы нигдѣ не встрѣчаемъ заповѣди: «Ты долженъ вѣровать въ Бога», но писаніе гласитъ: «Люби Бога, Господа Твоего, всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣми твоими силами.» (V кн. Моисея, гл. 6, ст. 5). А всѣ велѣнія и установленія Св. Писанія не столько направлены на возвышеніе вѣры, какъ на усиленіе нравственности и любви. Далѣе писаніе проповѣдуетъ, что любовь да не будетъ бесплодною, то есть, чтобы она не оставалась однимъ пареніемъ чувствъ по отношенію къ небесамъ, а чтобы оправдывалось въ земной жизни по отношенію къ людямъ и чтобы дозрѣвала въ дѣлахъ: «Люби ближняго своего, яко самого себя»*) (III кн. М., гл. 19, ст. 18). Далѣе-же гласитъ Оно, поелику оно извѣдало свойства сердца человѣческаго и хорошо знаетъ, какъ охотно это сердце все истолковываетъ и все утилизируетъ согласно своимъ хотѣніямъ и стремленіямъ и потому Оно повелѣваетъ: «Возлюби чужаго, яко самого себя». (III кн. М., 19.34).

Слышите-ли вы? «Чужаго», то есть *человѣка*, то есть—*каждаго* человѣка, хотя онъ не изъ *твоей страны, не твоего рода и племени, не твоей партіи, не твоего мнѣнія, не твоей религіи*; лишь-бы онъ былъ *человѣкъ*, созданный по образу и подобию Божію; этимъ самымъ онъ уже *братъ тебѣ*, имѣетъ право на твое сочувствіе, право на твою любовь, а если ты лиша-

*) Указывая на этотъ стихъ, рабби Акива говоритъ: „Сіе есть всеобъемлющее основное ученіе Св. Писанія“, а Ben-Assai прибавляетъ, что стихъ: „Сіе есть книга происхожденія человѣчества (именно, что оно происходитъ отъ одной четы родителей), которая еще болѣе всеобъемлюща“. (Ср. Midrasch Rabba, Cap. 24.) Ben-Assai именно полагаетъ: та мысль, что всѣ мы приходимъ отъ единой родительской четы и поэтому всѣ мы—братья, какъ бы ни различно преобразовали насъ климатъ и образъ жизни по наружности, а религія и образъ мыслей внутренно, должна вести насъ къ всеобщему человѣколюбию гораздо прямѣе, нежели простая религіозная заповѣдь!“

ешь его этихъ правъ, дѣлаешь ихъ для его горькими, тягостными или отказываешь ему въ этихъ правахъ, тогда ты грѣшишь этимъ противъ заповѣди Божіей, какъ-бы ты ни ограждался проявляемымъ тобою рвеніемъ къ Богу, какъ-бы ты ни прятался за оградю религіи... Если-же ты признаешь эти права сочеловѣка, ты исполняешь этимъ Волю Всевышняго, какъ-бы ни тупо взирали на тебя слабые, какъ-бы ни злорадно смотрѣли на тебя злые, а все-же на тебѣ оправдается изреченіе пророка: «И засвѣтитъ надъ вами солнце правосудія, принося вамъ благостыню и спасеніе въ своихъ лучахъ». (Malachi 3. 20.)

Благочестивые прихожане! Вы чувствуете безъ сомнѣнія по движеніямъ сердца вашего, о чемъ и о комъ я здѣсь говорю... Въ груди вашей восходитъ теплое чувство, по жиламъ вашимъ пробѣгаетъ трепетъ блаженства, какой вѣетъ по деревьямъ лѣса, когда на нихъ упадетъ согрѣвающей солнечный лучъ... Предъ глазами души вашей возстаетъ возвышенный ликъ пастыря, который проходитъ мимо васъ въ боговдохновенномъ величїи, такой, какимъ мы сподобились видывать его въ сей жизни, это—въ Бозѣ усопшій Архіепископъ *Димитрій*.

Да! Это онъ, увѣнчанный свѣтлою короною серебряныхъ кудрей, какою Господь возложилъ на главу святителя, съ «внушающей уваженіе бородою, ниспадающей на край пастырска облаченія, аки роса Гермона,*) яже ниспускается на горы Сїона...» По истинѣ, кто одинъ разъ сподобился взглянуть въ этотъ благородный обликъ, кто всмотрѣлся въ эти необыкновенно-мягкіе глаза, тотъ не могъ не сказать себѣ:

*) Hermon,—гора въ Сирїи, составляющая югозападное окончаніе хребта Antilibanon. Иначе еще называется *Великій Гермона*, по арабски—*Джебль-Эль-Шехъ*. У южнаго склона Гермона находится источникъ р. Иордана. Высота Гермона—2680 метровъ. Вершина всегда покрыта снѣгомъ и видна изъ Дамаска и Тира.

— Вот—зерцало чистой души! Въ этой груди бьется богоугодное сердце! Въ этомъ сердцѣ обитаетъ любовь... Та любовь, которую заповѣдуетъ скрижаль Господня!

Благовѣрные слушатели! Усопшій въ Бозѣ слуга Божій стоитъ теперь на недосыгаемой вышинѣ надъ всѣми тѣми формами, коими въ сей юдоли человѣкъ отъ человѣка отдѣляется... Онъ почиетъ нынѣ въ ясномъ познаніи, въ лучезарномъ свѣтѣ истины, въ блаженномъ единеніи совсѣми угодниками и святителями Божиими, предъ лицезрѣніемъ Божиимъ... Съ улыбкою глубокой скорби, намъ столь памятною, взираетъ онъ долу, на весь этотъ богоугодливый религіозный азартъ, который на сей землѣ разъединяетъ насъ и держитъ въ большей дали человѣка отъ человѣка, зане каждый изъ насъ гордится въ дерзостномъ самоиѣннѣи, яко бы онъ одинъ исключительно унаслѣдовалъ и имѣетъ въ своей собственности всю истину міра сего и яко, вмѣстѣ съ симъ, обладаетъ единственнымъ и исключительнымъ правомъ на вѣчное блаженство... Мы Его знали здѣсь, мы Его постигаемъ тамъ, мы удивляемся памяти Его, какъ удивлялись Ему самому и при всемъ томъ, намъ, пребывающимъ еще среди омраченныхъ обстоятельствъ земной жизни, не подобаетъ говорить о томъ, какъ блаженныя памяти Димитрій, сей истинный типъ библейскаго первосвященника, несъ здѣсь трудныя и благотворныя обязанности своего высокаго сана; какой это былъ вѣрный слуга Господа нашего, какой преданный пастырь своего стада. Но намъ позволительно... Нѣтъ! Это нашъ долгъ, нашъ священнѣйшій долгъ благодарности, высказать именно теперь, что Онъ уже здѣсь, въ сей юдоли, среди низменностей нашей земной жизни, былъ не только жрецомъ своего алтаря, не только пастыремъ своихъ благовѣрныхъ овецъ, но былъ *жрецомъ* *человѣчества*; поелику онъ все человѣчество нераздѣльно обнималъ своимъ великимъ сердцемъ, поелику Онъ и насъ, злополучныхъ, оклеветанныхъ, гонимыхъ, обнималъ своею

великою душою. Да! Онъ былъ жрецомъ *по сердцу Божію*, ибо сердце Божіе есть — любовь; всеобъемлющая, всепобѣждающая, всесоздающая любовь къ человѣчеству!

Благочестивые прихожане! Мы знаемъ изрѣченіе одного великаго мыслителя древней Греціи, что всѣ явленія земной жизни, прежде, чѣмъ онѣ входятъ въ сферу дѣйствительности, обдумываются Великимъ Духомъ міровъ, и что въ этомъ именно лежатъ всѣ условія ихъ рожденія и бытія. На первый взглядъ, казалось-бы немислимымъ, чтобы всѣ эти несовершенства, всѣ эти неприглядныя условія сего міра, задуманныя греческимъ богомъ, вся эта постепенная цѣпь нравственныхъ уродствъ, начиная скотскою дикостію и оканчивая богоугодливымъ лицемѣріемъ, происходили отъ пречистаго, безплотнаго Божества. Ибо, въ такомъ случаѣ, все великое и благородное было-бы не дѣянiемъ свободной воли, а дѣлою предопредѣленнымъ Богомъ, дѣло абсолютной необходимости и, такимъ образомъ, человѣкъ былъ бы лишень вѣнца свободной воли, самостоятельнаго подвига и, само собою разумѣется, это самое снимало-бы съ него всякую отвѣтственность за его дѣянiя и поступки. Это—явленіе, съ которымъ мы слишкомъ часто встрѣчаемся въ области греческой философіи, коей идеализмъ слишкомъ мало заботится о нравственныхъ послѣдствiяхъ.

Предъ лицомъ такого идеальнаго міросозерцанiя, въ которомъ мысль, правда, хоть и часто понятна, но появленіе ея въ сферахъ дѣйствительности оказывается весьма сомнительнымъ, возстаетъ реалистическое міровоззрѣніе еврейскаго мыслителя, получившаго въ исторіи названіе «Мудраго» и возстаетъ оно въ діаметрально—противуположномъ видѣ, такъ какъ *выраженіе* его матеріально, но *дѣйствіе* идеально.

Соломонъ именно говоритъ: «Что было уже, то опять будетъ, а что совершилось, то снова совершится и нѣсть ничего-же новаго подъ солнцемъ». (Проп. Гл. 1 ст. 9).

«И вѣдай, яко за все Господь къ суду тебя призоветъ». (Ibidem, II 9).

Это возрѣніе, менѣе возвышенное, нежели Платоновское, за то гораздо правдивѣе, дѣйствительнѣе, нравственнѣе и, въ силу его, чествуемый нами Архипастырь предстоить предъ нами среди вѣчно-движущихся явленій жизни, не безъ первообраза; въ Немъ мы видимъ повтореніе того, кто ему предшествовалъ; того, чьи дѣянія мы сохранили въ памяти, дѣянія, положенныя, за цѣлыя тысячелѣтія до нашего времени, въ пашню вѣковъ, какъ плодотворное сѣмя.

Поищемъ-же предшественника! Мы читаемъ въ Св. Писаніи (*I кн. М. Гл. 14, 18 и т. д.*) слѣдующее: «Когда Авраамъ возвратился послѣ пораженія Кедорлеомитянъ и съ нимъ и сопровождавшіе его цари, Малхи-Седекъ, царь Салема, вынесъ хлѣба и вина, онъ былъ пастыремъ Всевышняго Бога. И онъ благословилъ его, говоря: да благословенъ будетъ Авраамъ Всевышнему Богу, иже есть владыкою неба и земли. И Авраамъ отдалъ ему десятину отъ всего.»

Сказаніе это, безъ сомнѣнія, общеизвѣстно; но не одинъ изъ знающихъ его могъ бы, можетъ быть, спросить:

— Какъ это попало сюда? Исторія, случившаяся чуть ли не 4000 лѣтъ тому назадъ, что имѣетъ общаго съ нашимъ временемъ, а въ особенности съ поминаніемъ чествуемаго нами въ настоящую минуту Святителя?

Остановимтесь-же нѣсколько на этомъ библейскомъ преданіи. Заглянемте пристально въ глубокую даль временъ и предъ нашими глазами будетъ двигаться, волноваться, переливаться и сливаться море вѣчности... Прошедшее и настоящее, ихъ носители и двигатели, смѣшиваются между собою, растворяются, такъ сказать, одни въ другихъ...

И такъ, Авраамъ возвратился послѣ весьма горячаго дня, послѣ кроваваго боя, послѣ побѣды надъ произволомъ и грубою силою, послѣ битвы за спасеніе слабыхъ и невинныхъ. И онъ, старецъ, былъ утомленъ, а войны его были уставшіе и голодные, и онъ не имѣлъ хлѣба для уто-

ленія ихъ голода, не имѣлъ питья, чтобы угасить ихъ жгучую жажду... Тутъ явился Малхи-Седекъ, царь Салема; принесъ хлѣба и вина, и былъ жрецомъ Всевышняго Бога, и благословилъ его, говоря: «Да благословенъ будетъ Авраамъ Всевышнему Богу, иже есть Господомъ Неба и Земли».

Кто-же былъ этотъ Малхиседекъ, этотъ царь Салема, бывший одновременно и царемъ, и жрецомъ?

Намъ извѣстно, что, во дни древности, цари были въ то-же время и жрецами: какъ цари—они были обязаны быть представителями своего народа среди могучихъ земли, какъ жрецы—передъ могучими Неба.

Въ такомъ двойственномъ видѣ является и нашъ Малхи-Седекъ,—какъ царь и какъ жрецъ. Правда, этимъ объясняется лишь его появленіе, но еще не выясняется его образъ дѣйствій. Намъ становится совершенно понятнымъ, что царь предлагаетъ пищу и питье, вообще—подкрѣпленіе силъ, чуждому побѣдоносному воителю, проходящему со своею ратью черезъ его владѣнія; но намъ вовсе не показалось бы страннымъ, если-бы сей царь, пользуясь удобнымъ случаемъ, заговорилъ-бы о своихъ политическихъ интересахъ, какъ напр. о регулированіи или округленіи границъ, о правѣ пастбищъ, о торговыхъ трактатахъ и тому подобн... Однакожь мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-либо подобнаго.

Столь-же легко мы можемъ понять, что жрецъ встрѣтилъ хлѣбомъ и питьемъ, то есть гостепріимно, людей, чужихъ ему по вѣроисповѣданію; но мы нисколько не удивились-бы, если-бы этотъ жрецъ, вмѣстѣ съ добрымъ дѣломъ, съ дѣломъ челолюбія, проявилъ-бы благочестивое желаніе признанія его религіи или потребовалъ-бы нѣсколько фиміама для своего алтаря. Но, въ данномъ случаѣ, нашъ жрецъ не простираетъ никакихъ требованій, не заявляетъ никакихъ желаній. Дѣло челолюбія и гостепріимства по отношенію къ чужому, къ иностранцу, къ «Иври» (еврею), совершается безъ всякихъ побочныхъ мыслей, какъ нѣчто

«само-собою-разумѣющееся» и, удовлетворивши потребностямъ плоти, жрецъ еще укрѣпляетъ своего гостя духовною пищею, онъ благословляетъ его, то есть почитаетъ его равнымъ себѣ по душѣ и въ этомъ духѣ съ нимъ обращается. Это явленіе представляетъ примѣръ, быть можетъ, единственный, съ тѣхъ поръ, какъ возникли религіозные алтари въ мірѣ, съ тѣхъ поръ, какъ познаніе Бога начало выражаться рѣчами устъ человѣческихъ.

Какъ мы объяснимъ этотъ образъ дѣйствій жреца? Ступенчатое религіозное чувство, индифферентное отношеніе къ религіозному рвенію тутъ ничего не объяснить, ибо люди тѣхъ временъ отличались такимъ-же религіознымъ рвеніемъ, какъ и поколѣнія, явившіяся въ свѣтъ спустя цѣлыя тысячелѣтія послѣ нихъ; поколѣнія, которыя, если обыкновенная свѣча или лампа была недостаточно ярка для освѣщенія ихъ вѣроисповѣданія въ глазахъ иновѣрцевъ, зажигали костры... съ тою, впрочемъ, небольшою разницею, что древніе не превращали процессъ сжиганія еретиковъ въ актъ религіозной богоугодности, для *вящей хвалы Господней* (*Ad maiorem Dei gloriam!!*), а довольствовались тѣмъ, что просто, безъ пѣнія гимновъ и безъ всякаго трезвона, закидывали ихъ въ печь огненную (для обжиганія извести), какъ поступилъ Терахъ со своимъ роднымъ сыномъ, или-же дѣлали ихъ какимъ нибудь инымъ образомъ безвредными.

Мы считаемъ возможнымъ лишь два способа объясненія, изъ которыхъ каждый говорить, однакожь, въ пользу стараго Малхиседека.

Или онъ тѣломъ и душою былъ преданъ своей вѣрѣ, но сердце его подчасъ не повиновалось разуму и всякимъ мотивамъ, а его любовь къ ближнему заходила нѣсколько дальше границъ, намѣченныхъ его катехизисомъ. Если такъ, то священное Писаніе вовсе не случайно называетъ его *Малхиседекъ*, то есть «Царемъ Правосудія» и «Мелехъ-Салемъ», то есть *Царемъ мира* и эти оба качества—правосудность

и миролюбіе,—которыя подчасъ расходятся очень далеко, библія сливается въ одно высшее цѣлое—въ названіе «Жрецъ Всевышняго Бога».

Или-же на подобіе лѣстницы Іакова, ногою *исповѣданія* онъ стоялъ на поверхности «господствующихъ обстоятельствъ», въ то время, какъ глава его *сознанія* доходила до небесъ, до сферъ истиннаго познанія Божества и, какъ тамъ ангелы Господни восходили и нисходили по ступенькамъ, а Господь стоялъ на вершинѣ, такъ и тутъ, въ немъ, восходящія и нисходящія мысли сталкивались въ упорной борьбѣ, Богъ-же стоялъ превыше всего, а Малхиседекъ, быть можетъ, старался проникнуться взглядомъ Господнимъ и потому видѣлъ, что каждая религіозная форма представляетъ ступеньку, но *одну* ступеньку лѣстницы, ведущій къ подножію Трона Господня... Подобно тому, какъ всѣ ступеньки одной лѣстницы сдѣланы изъ одного матеріала, такъ и всѣ религіозныя формы равноцѣнны, а посему и всѣ люди, которые поднимаются и опускаются по своимъ религіознымъ ступенькамъ небесной лѣстницы—разъ только на ея вершинѣ стоитъ Господь Богъ—равноправны предъ лицомъ Неба, какъ дѣти одного Бога, а между собою—какъ братья. По этому Малхиседекъ предложилъ чуждому и голодному не только «хлѣбъ и вино, иже веселятъ сердце», но и благословеніе, освѣжающее и укрѣпляющее душу, говоря при этомъ Аврааму: «Да благословенъ будетъ Авраамъ Всевышнему Богу.»

И такъ Малхиседекъ—жрецъ, поддерживая пламя на алтарѣ своего Бога, жилъ душевно въ вѣчной свѣтлости, помогая, любя и благословляя даже тѣхъ, кои не принадлежали къ его единовѣрцамъ, не молились у его алтарей, понеже онъ «бысть жрецомъ Всевышняго Бога.»

Слышите-ли, что составляетъ призваніе и назначеніе «жрецовъ Всевышняго Бога?»—Помогать, любить, благослов-

лять— даже чуждыхъ, даже чуждыхъ по образу мыслей, даже чуждыхъ по вѣрѣ...

О, если бы мое слово могло раздаться гласомъ могущественнымъ, какъ труба возстанія изъ мертвыхъ? Чтобы оно могло разбудить мертвыхъ къ жизни, къ жизни яркаго свѣта, къ жизни прозрѣнія и истины! Чтобы оно могло провозгласить во всеуслышаніе, возвѣщая народамъ по всѣмъ странамъ земли, изъ конца въ конецъ:

«Вонмите, языци, и уразумѣйте: такъ оправдываетъ «жрецъ Всевышняго Бога свое исповѣданіе, свою вѣру, такъ «исполняетъ онъ свой долгъ, свое посланничество въ сей «жизни! Онъ не вопрошаетъ: кто ты? откуда ты происходишь? во чтѣ ты вѣруешь? Онъ помогаетъ, онъ проповѣдуетъ любовь и объясняетъ ее не словами, а живымъ дѣломъ!»

Какъ возвышенно было дѣяніе нашего Малхиседека, на столько-же прекрасна была признательность, благодарность Авраама.

Само собою разумѣется, что Авраамъ, благородный эмиръ мемрейскій, чувствовалъ истинную благодарность къ своему благодѣтелю; само собою разумѣется, что онъ выразилъ эту благодарность, предоставляя гостепріимному хозяину часть добычи; но, что онъ принесъ ему больше, нежели обыкновенную свѣтскую благодарность, что онъ отдалъ ему сакраментальное жреческое приношеніе—десятину отъ всего; то есть—чуждаго жреца поставилъ на равнѣ со жрецами своего Бога, одного Бога; это—фактъ, единственный въ исторіи взаимныхъ отношеній жреца къ жрецу, это является свидѣтельствомъ, что гдѣ-бы поклонникъ Бога ни встрѣтилъ чистую человѣчность, непомяченную любовь, тамъ онъ познаетъ Духъ своего Бога, хотя бы проявленіе этого—Духа совершалось въ иной, непривычной для него формѣ; что онъ признаетъ идентичность явленій, хотя-бы форма ихъ и была различна... Такъ Авраамъ обращается къ присутствовавшему тогда Царю Содомскому: «Я простираю длани свои къ Іѣфѣ,

«къ Богу Авраама, къ Богу, который есть El-Elion, то есть Богъ Малхиседека*»).

Но, если-бы даже Авраамъ и не былъ озаренъ столь чистыми взглядами, если бы онъ былъ исключительно только жрецомъ, то все таки его обращеніе выказало-бы намъ, какое могучее вліяніе производитъ на поклонниковъ Іѣфѣ'а чистая любовь къ человѣчеству, если, вслѣдствіе благородной предупредительности иновѣрца, онъ почувствовалъ и въ себѣ воздѣйствіе чистаго человѣколюбія,—сознавая паденіе той преграды, которая до того отдѣляла его отъ иновѣрческаго жреца и предлагая служителю чужаго алтаря освященную «жреческую десятину». Вообще, это быть можетъ слишкомъ пространное, слишкомъ детальное описаніе этой встрѣчи двухъ вождей-первосвященниковъ, выказываетъ намъ, какое высокое значеніе Св. Писаніе придаетъ истинной, непреложной любви къ человѣчеству.

Благовѣрные прихожане! Эта исторія нашего Малхиседека имѣетъ около 4000 лѣтъ отъ роду и должна непременно побудить насъ къ размышленіямъ, когда мы видимъ воочию, что она излагается въ Св. Писаніи не только подробно и точно во всѣхъ ея деталяхъ, но рассказывается съ очевидною отрадою, съ извѣстнымъ наслажденіемъ. Исторія эта, по нашему уразумѣнію, представляетъ не только простое изложеніе обстоятельства или происшествія, а является посѣвомъ великаго Духа міровъ, который постановилъ посредствомъ ея положить въ почву вѣковъ сѣмя истиннаго

*) Однакожь мы здѣсь должны обратить вниманіе на различіе въ субъективныхъ формахъ возрѣнія Авраама и Малхиседека: тогда, какъ возрѣніе Авраама признаетъ абсолютнаго Бога, котораго сущность, вступая въ сферу созерцанія, является какъ Іѣфѣ, то есть какъ Духъ, родившійся изъ самаго себя, существующій въ самомъ себѣ, происходящій отъ самаго себя, возрѣніе Малхиседека, хотя возвышенное, но все—таки относительное, условное, зависимое: его Богъ есть Превышній, но при этомъ все еще допускаются и иные Боги, правда, менѣе высокіе, но все-таки Боги.

богопознанія, что она повела къ благу всечеловѣчества, а *благомъ всечеловѣчества* есть—*любовь*...

Конечно,—4000 лѣтъ представляютъ собою довольно таки длинный періодъ времени, однакожь, къ большому сожалѣнію, мы по сіе время замѣчаемъ крайне ничтожные слѣды произрастанія этихъ сѣмянъ.

Или сѣмя было пусто и бесплодно? Никогда! Сѣмена, посланные Богомъ, были предназначены для ряда временъ, для вѣчности.

Или, быть можетъ, почва невосприимчива и неплодотворна? Опять-таки нѣтъ! Почва благодарная и богатая.

И такъ, въ чемъ-же заключается препятствіе? Это я вамъ желаю объяснить!—Обработка слаба, уходъ небреженъ и, что самое главное, съ теченіемъ времени много сорныхъ травъ примѣшалось къ посѣву, а извѣстно вамъ, что сорныя травы растутъ, къ несчастію, сами собою и—что еще печальнѣе—всегда находятъ достаточно рукъ для ухода и споспѣшествованія. Такимъ образомъ, сорныя травы отнимаютъ у благотворнаго посѣва питательныя соки почвы. Но это не должно ослаблять нашу надежду, не должно поколебать наши упованія, такъ какъ мы знаемъ, что развитіе святаго божія посѣва, великихъ идей всечеловѣчества, предназначенныхъ для вѣчности, никогда не можетъ быть измѣряемо нашими земными, преходящими мѣрками и, къ нашему счастью, уже начинаютъ показываться отпрыски золотистой жатвы; они пробиваются, они прорываются на чистый, ясный воздухъ божій, не смотря на усилія врага челоѣчества заглушить ихъ посредствомъ подмѣшиваемыхъ имъ сорныхъ травъ, отравить черною росой, которою онъ старается ихъ засыпать и постоянно засыпаетъ.

Смотрите—вотъ исполняется слово древняго проповѣдника: «Что было, то опять будетъ и что совершилось, то нѣкогда свершится снова».

Какое это свѣтозарное облако опускается предъ очами

нашей души? Облако расходится и изъ средины его появляется вдохновенный обликъ пастыря, преемника и послѣдователя того «Царя справедливости, преемника Царя Салемскаго»... Это—*Архіепископъ Димитрій*...

Да! Это Онъ, тотъ жрецъ, который здѣсь, въ юдоли нашей, служилъ, со всею искренностію вѣрующей души своей, своему Алтарю, но въ тоже самое время и въ чужомъ челоѣкѣ, въ челоѣкѣ, въ тѣлѣ котораго текла не Его кровь, а въ душѣ жила не Его вѣра, признавалъ своего брата, предлагая ему «хлѣбъ миролюбія, и вино благословенія», поелику Онъ Самъ воспріялъ пастырское освященіе «Всевышняго Бога»... А, вмѣстѣ съ Нимъ, на насъ нисходитъ воспоминаніе, воспоминаніе о томъ горячемъ днѣ, въ который случилось, что потомки Авраама, уставшіе и истомленные, преслѣдуемые и гонимые взрывомъ дикихъ страстей, съ душою исполненною отчаянія, съ тѣломъ убитымъ мученіями, со взглядомъ молящимъ о помощи, ищущимъ пощады и спасенія... Непохожіе на своего прародителя, который былъ утомленъ побѣдою надъ своими врагами и преслѣдованіемъ ихъ... Они были истомлены, изломаны, потому, что сами были поражены и преслѣдуемы... И когда ни откуда не дождались спасенія и помощи, нигдѣ не находили сочувствія и, подобно преслѣдуемой на охотѣ дичи, падали отъ изнеможенія... тогда, словно какое-то высшее, неземное существо, явился преемникъ того высокаго жреца, «Царя справедливости, Царя Салема», — незабвенный Архипастырь, и подалъ гонимымъ дѣтямъ Авраама «хлѣбъ мира и вино благословенія».

Да! Не только тѣлесно защищалъ онъ ихъ и укрѣплялъ; не только его простертыя рамена задержали бурную волну и сокрушительное теченіе гибельныхъ потоковъ; Его слова любви, слова примиренія остановили бурю, усмирили ураганъ... Слова его благословеніемъ осѣнили преслѣдуемый народъ и вселили миръ, ибо это былъ истинно-возвышенный

пастырь, который съ полною ясностію позналъ таинства Своего Алтаря, постигнулъ конечную цѣль Своего Бога: всѣ люди—дѣти Единаго Отца; всѣ люди—братья промежь собою... Поелику Онъ былъ во истину «Царемъ Справедливости, Царемъ Салема, Жрецомъ Всевышняго Бога».

И если патріархъ предоставилъ своему благодѣтелю «десятину отъ своей добычи», въ знакъ того, что признавалъ въ чуждомъ ему жрецѣ «Жреца Всевышняго Бога», который, въ доказательствахъ сочувствія, состраданія и любви обнаружилъ въ себѣ брата по общему познанію Высшаго Духа, то дѣти патріарха не имѣли ничего для предложенія своему избавителю, ибо они не стяжали добычи, а сами служили предметомъ добычи...

Однако-жь, не будучи въ состояніи предложить ему сокровища, имѣющія земную цѣнность, они принесли Ему больше, нежели богатства матеріальной, скоропреходящей стоимости, они посвятили ему свою вѣчную благодарность, которая никогда не изсякнетъ ни въ ихъ сердцѣхъ, ни въ сердцѣхъ ихъ потомства, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ.

И яко носитель этой благодарности, да глаголетъ здѣсь сія плита, которая будетъ возглашать беззвучными, но краснорѣчивыми словами, что въ память нашего избавителя будетъ на вѣчныя времена воспитываться еврейскій мальчикъ—сиротка... будетъ воспитываться, то есть будетъ спасенъ для жизни мальчикъ-сирота того общества, которое будучи само въ то время сиротою, будучи отвержено, бичуемо бурю жизни, гонимо враждебными волнами, было защищено и спасено Его пастырскою любовію.

И эта плита, при всей своей невзрачности и слабости, будетъ однакожь вѣчна и переживетъ тысячи рукотворныхъ памятниковъ изъ металла и гранита! Памятниками изъ металла и гранита увѣковѣчиваются обыкновенно событія, преходящія, интересы земные и люди, воплощавшіе въ себѣ

такіе интересы; бывшіе носителями ихъ или были носимы ими... Однимъ словомъ, такіе памятники посвящаются всегда скоропреходящимъ мотивамъ, мотивамъ, которые родились во времени и, по необходимости, должны вмѣстѣ съ временемъ поблекнуть и потерять постепенно свое значеніе. Нашъ-же памятникъ возникъ не во времени; скажу больше, возникъ—вопреки времени и долженъ собою увѣковѣчить—къ нашему великому горю, мы должны это высказать!—побѣду надъ стремленіемъ времени.

Благо намъ, ибо сіе есть побѣда свѣта надъ тьмою, побѣда мира надъ враждебностію, побѣда идеи челоуѣчности надъ варварствомъ... А посему и растеть нашъ памятникъ во срѣтеніе будущности и вѣчности, служа имъ предтечею, провозвѣстникомъ, пророкомъ и если даже несущій его камень и осѣняющіе его своды превратятся когда-либо въ развалины—нашъ памятникъ переживетъ все, ибо онъ охраняемъ духомъ истины, челоуѣчности; духомъ вѣчности, обитавшимъ въ незабвенномъ Архіепископѣ *Димитріи*, въ этомъ «Жрецѣ Всевышняго Бога»; духомъ, который Онъ позналъ, въ которомъ Онъ жилъ и подвизался.

И такъ оправдалось слово великаго проповѣдника: «Что было, то опять будетъ; что свершилось, то снова свершится, понеже нѣсть ничего же новаго подъ солнцемъ»; поелику Онъ былъ возрожденіемъ «Царя Справедливости, Царя Салема, Жреца Всевышняго Бога».

Да благословлено будетъ имя его во вѣки вѣговъ! Аминь.

Литургія, молебствіе за Государя и Отечество.

О ты, тѣнь усопшаго! Ты, чистая душа великаго пастыря! За Тебя у насъ нѣтъ молитвы, ибо вся жизнь Твоя была молитвою; всѣ Твои дѣйствія составляли отраженіе вѣчной любви. Ибо существуетъ изрѣченіе нашихъ мудрецовъ, тѣхъ мужей, которые, не взирая на дикіе возгласы ихъ бурнаго времени, слѣдили внутреннимъ слухомъ за

голосомъ вѣчности: «Благочестивые живутъ даже и послѣ смерти». (Tract. Berachoth, Fol. 18, a).

Въ годовщину Твоей блаженной кончины, сиротка, воспитываемый въ память Твою, произнесетъ во имя Твое за душевную молитву освященія — Kaddisch.

Съ тѣхъ лучезарныхъ вышинъ вѣчнаго блаженства взираетъ на насъ Твоя безсмертная душа; да взираетъ же она и впредь съ такою-же любовію; да предстательствуетъ за насъ Духъ Твой и въ будущемъ, кагъ предстательствовалъ во дни Твоего пиллигримства среди насъ грѣшныхъ, кагъ онъ уже началъ проявляться въ дѣйствіяхъ Твоего преемника, Высокопреосвященнаго Архіепископа *Никанора*; кагъ онъ уже возглашалъ устами Братевъ Твоихъ по сану, Высокопреосвященныхъ Архиаствырей въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Харьковѣ и проч...

Ты совершилъ начало, Они продолжаютъ Твое дѣло, яко они подвизаются въ духѣ истиннаго познанія, въ духѣ истинной любви.

Да придетъ-же Царствіе, которое Ты предвидѣлъ, которое Ты приуготовилъ — Царствіе *всеобщей любви*, Царствіе *всесловнаго мира*, коего Ты былъ пастыремъ, яко духовное олицетвореніе «Царя Справедливости, Царя Салема, Жреца Всевышняго Бога.»

Да будетъ благословленно имя Твое во вѣки вѣковъ. Аминь.

1040

7054

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА